



ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 5 № 4/2019

DISCOURSE

Volume 5 No. 4/2019

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2019

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание. Журнал публикует результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на публикацию материалов по социогуманитарным проблемам развития общества. Публикации в журнале бесплатны. Журнал публикует статьи по трем направлениям соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике.

Задачи журнала:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>



Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications (PI No F577-62347 of 14.07.2015)

Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University (ETU)

Founded in 2015. Issued 6 times a year

Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof.

Popov Str., St Petersburg 197376, Russia

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal has got international editorial board and cooperates with international authors of publications. All publications in the Journal are free. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>



All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Nesteruk A. V., Soldatov A. V. Historico-Philosophical Aspects of Mathematisation of Nature in Modern Science	5
Пономарев А. И. Теория М. Тая о неконцептуальном содержании перцептивных ментальных состояний	18
Очеретяный К. А. Русский космизм – теория медиаэпистемического действия	26
Гуторович О. В., Гуторович В. Н. Следствия информационно-технологических преобразований	42

СОЦИОЛОГИЯ

Ярмак О. В., Дерюгин П. П., Ярмак В. Е. Социальный портрет современного студента	53
Заблоцкая В. С. Пропаганда сквозь призму фотографического образа в тоталитарных государствах на примере Третьего рейха	65
Нагдасева А. П. Санкции как социально-политический фактор международного сотрудничества (на примере влияния современных российско-германских отношений на международную систему)	73
Василькова В. В., Легостаева Н. И., Пенькова Е. А. Использование чат-ботов в волонтерской деятельности	86

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization	102
Осинцева Т. Н. Начало и конец события в русской и английской языковых картинах мира и особенности их восприятия в национальном языковом сознании	115
Тихонова Е. С. Возможности конкретизации темпоральных существительных в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»	128
Яцевич И. От пословиц до современных СМИ. Формирование идентичности народа посредством образования языковых стереотипов соседей	138

Правила представления рукописей авторами	150
---	------------

CONTENTS

Original articles

PHILOSOPHY

Nesteruk A. V., Soldatov A. V. Historico-Philosophical Aspects of Mathematisation of Nature in Modern Science	5
Ponomarev A. I. Tye's Theory of the Unconceptual Content of the Perceptual Mental States	18
Ocheretyany K. A. Russian Cosmism – the Theory of Media Epistemic Actions	26
Gutorovich O. V., Gutorovich V. N. Consequences of IT Transformations	42

SOCIOLOGY

Yarmak O. V., Deryugin P. P., Yarmak V. E. Social Portrait of a Modern Student	53
Zablotskaya V. S. Propaganda Through a Prism of a Photographic Image in the Totalitarian States on the Example of the Third Reich	65
Nagdaseva A. P. Sanctions as a Socio-Political Factor of International Cooperation (on the Example of the Influence of Modern Russian-German Relations on the International System)	73
Vasilkova V. V., Legostaeva N. I., Penkova E. A. Use of Chatbots in Volunteering	86

LINGUISTICS

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization	102
Osintseva T. N. Beginning and Completion of Events in the Russian and English Language Picture of the World and Features of their Perception in the National Language Consciousness	115
Tikhonova E. S. Ways to Specify Temporal Nouns in the “Livonian Rhymed Chronicle”	128
Jacewicz I. From the Proverbs to Modern Media. Formation of People Identity Through Education of Language Stereotypes of Neighbors	138

УДК 113.2-172

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-4-5-17>

Оригинальная статья / Original Article

Historico-Philosophical Aspects of Mathematisation of Nature in Modern Science

Alexei V. Nesteruk¹, Aleksandr V. Soldatov²

¹University of Portsmouth
Portsmouth, UK

²State Marine Technical University
St Petersburg, Russia

✉soldatov2012@yandex.ru

Introduction. The paper deals with the philosophical problems of the mathematisation of nature in modern science.

Methodology and sources. The analysis is based on the issues in modern science viewed through the prism of the critique of the mathematisation of nature in phenomenological philosophy.

Results and discussion. It is argued that the radical mathematisation of nature devoid of any references to the source of its contingent facticity in humanity, leads to the diminution of humanity and concealment of the primary medium of existence, that is the life world. Phenomenology shows how the life-world can be articulated through contrasting it to "nature" constructed scientifically. It is the analysis of the scientific universe as mental creation that can help to uncover the life-world when "nature" (as scientifically constructed and abstracted from the life-world), is itself subjected to a kind of deconstruction which leads us back to the life-world of the next, so to speak, reflected order.

Conclusion. The life-world is articulated under the conditions that there exists a scientific explicability of nature. The life-world as it is articulated in theology does require some alternative explication of nature, but, contrary to science, it never leads to the concealment of the life-world. What is common to these life-worlds is exactly that which cannot be explicated by science, namely the underlying personhood.

Key words: history, humanity, mathematisation, nature, persons, phenomenology, philosophy, scientific method.

For citation: Nesteruk, A. V., Soldatov, A. V. Historico-Philosophical Aspects of Mathematisation of Nature in Modern Science. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-5-17

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 04.04.2019; adopted after review 20.05.2019; published online 25.10.2019

© Nesteruk A. V., Soldatov A. V., 2019



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Историко-философские аспекты математизации природы в современной науке

А. В. Нестерук¹, А. В. Солдатов^{2✉}

¹ Университет Портсмута
Портсмут, Великобритания

² Санкт-Петербургский морской технический университет
Санкт-Петербург, Россия

✉soldatov2012@yandex.ru

Введение. Рассматриваются историко-философские проблемы математизации природы в современной науке в перспективе феноменологической философии и антропологии.

Методология и источники. Анализ математизации естествознания основан на проблемах современной науки рассматриваемых через призму ее критики в феноменологической философии с целью восстановления утерянного источника случайной фактичности науки в человеческой субъективности.

Результаты и обсуждение. Обосновывается точка зрения, что радикальная математизация природы, приводящая к потере источника своей фактичности в человеке, ведет и к преуменьшению роли человека в познании природы, и сокрытию исходной среды существования, т. е. жизненного мира. Феноменология показывает, как жизненный мир артикулируется в контрасте с понятием «природы», конституируемым в науке. Анализ научных представлений о вселенной, являясь творением разумной деятельности и будучи деконструированным с помощью методов феноменологии, приводит к переоткрытию жизненного мира, так сказать, второго порядка, находя исходную базу любой научной деятельности в активности человеческого сознания.

Заключение. Приводятся аргументы в пользу того, что такая математизация ведет к искажению антропологии и сокрытию исходной экзистенциальной сферы человека, т. е. его жизненного мира. В связи с этим обсуждаются ограничения науки в экспликации смысла реальности. Сама экспликация жизненного мира предполагает возможность научной экспликации природы. Таким образом, в основании самой возможности математизации природы в естествознании, лежит человеческий разум, существующий в условиях парадокса своей телесности и безусловности.

Ключевые слова: история, личность, математизация, научный метод, природа, философия, феноменология, человек.

Для цитирования: Нестерук А. В., Солдатов А. В. Историко-философские аспекты математизации природы в современной науке // ДИСКУРС. 2019. Т. 5. № 4. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-5-17

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 04.04.2019; принята после рецензирования 20.05.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Introduction. It is now a matter of common fashion to speak of the ecological crisis, abuse of nature and horrific scenarios of the human future, based on the presumption that it is human beings who involved themselves into such a state of affairs because of the unending greed and instinctive desire of well-being and indefinite consumption. It is believed that human fallacy is related just to the underestimation of the capacity of Nature to tolerate our interference with its order on the ground of quantity: by reducing pollution and exhaustion of the natural resources one can alleviate the present

state of affairs and to stabilize ecosystem on the planet. However there is a lack of understanding among ecologists, philosophers and religious advocates for the preservation of nature, that nature implies the preservation not only of the outcomes of the physical laws, but the laws themselves. “Preservation” means not a literal ability of humanity to amend or tamper with the physical laws. One speaks of a spiritual understanding that laws of nature are not something with respect to what one can be neglectful and careless, but to treat them in reverence and gratitude for it is due to them that human beings exist. And here any religious sentiments appealing for preservation of humanity in all possible circumstances in order to fulfil its divine destiny seems to be fallacious in a theological sense, for what is implied in this type of arguments is a complete disregard and disrespect of the physical laws which impose limits on the human growth.

To give an example one can refer to a simple observation that in many ways the modern ecological situation is linked to the unlimited population growth and the implied human rights for every human being to have a dignifying life and access to the benefits of the modern capitalistic society. Thus in many ways the ecological problem (in terms of the possible ways of its resolution) is linked to bioethics, namely to the problem of birth-control. Certainly in this conclusion one must not forget that the life of humanity have become a hostage of the scientific progress and the necessity to have as many economic “slaves” for the benefit of society at large. In this sense the appeal to the control of birth in modern Europe, for example, has strong political consequences, perpetuating even more grave instability on the overall population on this planet, resulting in further ecological degradation. However there is one argument which cannot be disregarded either by politicians or religious fundamentalists opposing the birth control: the inexorable physical laws which determine the ultimate boundaries for the amount of human species on this planet. Since every human organism consists of a biological material requiring for its support a certain amount of physical substance, such as oxygen, water, minerals, heat and light support, medicaments etc., the planet Earth can provide a limited amount of its support related to the actual quantity of these ingredients. Contemporary estimate varies between 9 and 16 billion human beings which can be supported on this planet. The excess of this amount will lead to the extinction of human life and the decline of the whole ecological niche. The denial of the restrictions on the possibility of life on this planet according to the physical laws (which sometimes takes place among in religious circles on the premise that one cannot tamper with God’s right to give life), is reminiscent of some tendencies of abstracting from physical nature by replacing it by intellectually fabricated constructs which by the nature of their fabrication disregard their authors. This manifests itself with a great force in cosmology, where the constructed picture of the early universe not only does not contain any signs of the physically suitable life, but also no presence of the constituting intellect. Such an inhuman representation of realities in the universe gives a wrong impression of being existentially relevant, but at the same time misleading in terms of insufficient accentuation the fact that the very construction of such theories is possible only under the condition of existence of embodied human being on the planet Earth. The main mechanism of such an inhuman construction of nature is its mathematisation promoted after a famous assertion of Galileo that in order to understand the book of Nature one must read it by using its “letters” that is mathematical symbols.

Methodology and sources. *Nature and Mathematics.* When one talks of nature one must not forget that nature as articulated notion originates in humanity. Humanity is related to nature through its embodiment as well as through intentional immanence of its consciousness. Humanity feels nature through its senses and it thinks about it through its intelligence. Thus there

are two poles of nature which are both linked to humanity which mediates between them. Thus the link between sensible experience of nature and its representation in abstract forms and ideas is exercised by humanity. In this sense the mathematisation of nature is a natural consequence of man being a microcosm and mediator between sensible and intelligible. However the mathematisation of nature can have the connotation of something negative and misfortunate – this happens when the mediating function of humanity is forgotten and the link between sensible and intelligible is thought as existing in itself. In this picture the central role of humanity in creation is diminished and its presence in the universe is denigrated to the level of the physical although of a higher level than other inorganic and organic creatures.

It is widely accepted in modern philosophy of science that science does not deal with simple empirical facts. The facts in science are theory-dependent, that is the appearance of novelty in scientific investigation is conditioned by a theory which dictates to an experimenter what aspect of physical phenomenon to observe, and what particular characteristics of the object studied to measure. Nature appears to be a dialogical construct where empirical and theoretical elements interpenetrate each other. Here the question of truth in scientific constructs comes up. What makes all the claims of a physicist true? This is a difficult question for what is clear is that the questions about truth cannot be detached from the context and language of physical theory itself. This implies that the criteria for truth must come out from the structure and logic of physics itself. Thus there are two dimensions in the response to this question. The first one is connected with the scientific methodology of discovering and approving new results. The primary and simplest requirement for some scientific fact to be true is that it must be reproduced in independent experiments, assuming that all experimenters belong to the same continuous space of observers; this assumes that any new result must be articulated in some common language and logic, so that the other observers can have access to it (the experiment must be described as part of common space of observers). In practical terms this means that any result must be independently reviewed and published. The experimental procedure has to be described so clearly that anyone from an independent scientific group could in principle reproduce the results which are announced by a pioneering scientist. This implies in turn that it is possible to repeat an experiment with the given physical system, using an independent equipment, and that numerical results obtained in these parallel experiments should be consistent with the initial ones and with each other. This requirement that the experiment and its results can be reproduced, described in words and communicated to any researcher constitutes the methodology of objectifying the experience encountered by a particular physicist and asserting that there is some *objective reality* which corresponds to this newly discovered phenomenon. The idea of *reality*, as an invariant (intelligible) aspect of different, but similar measurements, which can be represented in the space of observers, drives modern science.

The second dimension of scientific methodology, which provides further substantiation for the objectivity and hence “reality” of newly obtained results, comes from the much more sophisticated demand, namely that there is some mathematical structure which corresponds to the fact which has been found in experiment and can be fitted into some mathematically arranged theory. Here the idea of stability of experiential patterns of physics plays a central role, in order, as was expressed by Einstein [1, p. 291], to order the sense data in some stable and logical patterns. A similar view was expressed by Max Born who linked it to the problem of how to obtain objective and common knowledge from the subjective experience of a physicist [2, p. 168–169]. Born points out that the new physics of the 20th century made a fundamental breakthrough in this direction, by dropping off

any direct attempts to co-relate its models with some visualised mechanical images, as was done since Newton's times. Classical mechanics with its differential equations played a role of a mediator between any experimental fact and theoretical construction. New physics somehow released human thought from this necessity and allowed one to seek directly for a mathematical structure corresponding to a phenomenon, without any attempt to make this structure expressible in an ordinary language and in images easily accessible to the human mind. However, the issue of interpretation of abstract mathematical ideas in physics becomes vital in order to avoid the danger of building a mathematical model of something which, like a Kantian thing-in-itself, will never turn to us by its sensible and macroscopic, accessible and comprehensible side, that is, something which can never be interpreted and expressed in terms of simple perceptions and simple language. The aim of science is to serve human beings who are positioned in the living world of sense-impressions and everyday-language relations, so that, if its mathematical structure loses its contact with the everyday world of living humanity, scientific view of nature becomes effectively an "idol" of reality which can preoccupy human consciousness on the level of imagination while detaching it from the existential conditions of its functioning. The important aspect of mathematics in physical theories and in general understanding of science is its role as a universal language which allows physicists to communicate with each other and also to communicate the content of their theories to engineers and non-specialists [3]. However, it is reasonable to demand that the balance between sensible reality and abstractions from it in scientific theories must be maintained.

The presence of a deeply developed mathematical theory becomes vital for those branches of physical science which deal with structural elements which are not immediately observable and accessible (for example microscopic elementary particles, or some details of the past evolution of the universe). In this case theory claims that the ontological status of these entities is inferred from the stable and rationally consistent mathematical pattern, which is usually considered as representing reality itself. In a way, to say that something is real is equivalent to say that this something can be described mathematically. Mathematics becomes a kind of magic which, being uncovered by a creative mind, brings into existence new realities, which are, in spite of being purely mental creations, are objectified as if they acquire an *ontological* status.

In light of this mathematical view of true reality as devoid of transience and emergence it is claimed sometimes that science deals with a world independent of human history and human intervention. This is an ideal which science has the right to long for. It is, however, hardly to be achieved, for science itself is a human enterprise and its concepts are a-priori laden with the non-impartiality of the human presence in nature. In spite of this science still attempts to catch a glimpse of 'eternity' (as non-temporality) through a mathematical pattern of the world. The appeal to mathematics is usually considered as a safe escape from the contingency of appearances in the empirical realm to the world of logical stability and impartiality. The possibility of this is associated with the common belief (the natural attitude) that the reality of nature is independent of man's existence, can be grasped via mathematical forms and it does not matter that a phenomenon was not known before the form has been discovered. The mathematical pattern which describes it, does exist in itself, and that is why the participation of human reason in the unfolding of physical reality as mathematical has an extremely passive character, it has nothing to do with the discovery of reality.

In spite of all that has been said, the mathematical description of nature itself is closely connected with human intelligence. For, even if one accepts that the universality of mathematical laws is closely linked to the intelligibility of the universe, the latter is only accessible to, and

articulated by, intelligent human beings. Even if mathematical laws and the patterns of beauty of the world are hidden in the realm of non-transient Platonic forms, one needs human intelligence in order to make these laws and patterns to be explicitly present in the physical universe. H. Poincaré emphatically advocated this view in his “The value of Science”.

“Does the harmony the human intelligence thinks it discovers in nature, exist *outside of this* [human] *intelligence*? No beyond doubt, a reality completely independent of the mind which conceives it, sees or feels it, is an impossibility. A world as exterior as that, even if it existed, would for us be forever inaccessible. But what we call objective reality is, in the last analysis, what is common to many thinking beings, and could be common to all; this common part, as we shall see, can only be the harmony expressed in mathematical laws” [4, p. 6].

Thus even mathematics, taken as an absolute intellectual frame of reference for the universality of scientific experience and as a tool for approaching nature points again to the presence of human consciousness which integrates in itself the truth of these universals and makes them articulated in incarnate, mathematical language, formulas and images.

However, it is important to point out that the articulation of nature through mathematics leaves some questions unanswered. In particular, even if the reality of the world is articulated in terms of intelligible patterns, the issue of the meaning and ultimate origin of thus posited reality, that is its facticity, is still to be addressed. Here a possible explanation leads us not only beyond the physical world, but also beyond the mathematical realm itself for implicitly the question about the facticity of the human mediation between sensible and intelligible is raised, that is the question about facticity of humanity as incarnate intentional immanence. According to Hermann Weyl: “Thus the mere positing of the external world does not really explain what is meant to explain, the question of reality of the world mingles inseparably with the question of the reason for its lawful mathematical harmony. The latter clearly points in another direction of *transcendancy* than that of a *transcendental* world; towards the origin rather than product. Thus the ultimate answer lies beyond all knowledge, in God alone...” [5, p. 116].

Results and discussion. *Mathematisation of Nature and the Human Condition.* The problem with the mathematisation of nature is not so simple, when it is affirmed that mental constructs are substituted for existential realities. One understands that in some branches of physics, such as cosmology for example, most of theories can never be directly verified by means of their correspondence to the empirically and existentially given. The “objectivity” of the ideal constructs in this case is established rather through the appeal to coherence of explanation, which does not require that this explanation is correlated with any empirical reality on the grounds of the principle of correspondence. “Objectivity” follows in this case not from empirical verification but from intellectual convention. Thus some physical realities become mathematically constructed by convention with no reference whatsoever to the immediate existential world. The problem, however is not in these mental conventions as such, but in their limiting and degrading effect on the intellectual capacity of human beings, when they start to influence human perception of the world to such an extent that it corrodes the human reality by denying existence of those aspects of the world which cannot be mathematised (for example human feelings, love empathy emotions, relations etc.) Contemporary mathematicians themselves are conscious about this: “As we mathematise the world, we proceed to lose or to throw away those parts of the world that cannot be mathematised. What is not mathematised seems not to exist, even never to have existed” [6, p. 98].

In the tendency to express all aspect of existence by using formulae, equations and statistical tables (not only in the physical picture of the world, but even in some aspects of sociology and social psychology), the existential dimension of nature as the extension of human incarnate existence is thrown into oblivion so that the mystery of life and death, the mystery of beginning of a particular incarnate existent, as not being able to be mathematised and thus transcending mathematical description does not fit into the definition of the natural and objective. The primary existential events of life are usually discarded by contemporary science causing a great distortion to the human image, for human beings, being pronounced as mere physical and biological artefacts of nature, are reduced to self-enclosed and self-sufficient para-empirical and unaccountable embodiments of the soul which, in its extreme discursive capacity (although being a gift of human freedom), abstracts itself from the source of its life and then considers itself as an almighty power of asserting laws for itself and for the outward nature.

The problem with the mathematisation of nature is not simply philosophical and intellectual. If this would be so all complications linked to the mathematical perception of the world could be left just to those ambitious individuals who imagine themselves as enclosed in the world-machine which is driven by some “iron” inviolable laws. However, because in contemporary society mathematics in everyday life imposes implicitly certain constraints in our appropriation of reality and affects our freedom, it becomes an active ruling power, so that the problem of mathematisation acquires some social and cultural flavour. Mathematics orientates humanity towards realities which it selects thus influencing and promoting certain faculties of thinking and perception which ultimately affect human nature and what idea humanity has about itself.

Mathematics with its sharp differentiation of things in terms of numerals can be abused in social implications and can “become a source of evil even if it confers benefits” [6, p. 282]. Mathematics can diminish human person not only in a global sense by subjecting it to mathematised nature, but while implanting in human mind mathematical perception, human being themselves can be valued and judged in terms of sheer numbers: this lead to the dehumanisation of the individual. Here it is important not only to blame people who recklessly apply mathematics to all aspect of life and thus commit consciously a certain offence against the idea of humanity as it is understood in philosophy and theology, but to realise that while engaging in rationality based in mathematics, we are doomed to commit a certain dehumanisation of the persons because of the intrinsic logic and conditions of application of mathematics. Contemporary era of computers and all sorts of digital applications makes it absolutely clear: “Whenever we use computerisation to proceed from formulae and algorithms to policy and to actions affecting humans, we stand open to good and to evil on a massive scale. *What is not often pointed out is that this dehumanisation is intrinsic to the fundamental intellectual processes that are inherent in mathematics*” [6, p. 283]. The development of mathematics thus extends human embodiment of reality in a very specific incorporeal sense: this extension effectively changes human subjectivity, which, in the long run, can change the very human nature and thus threaten the basics of the human condition.

Here we experience a meeting with a paradox: mathematics is capable of dehumanising and depersonalising humanity, but still it is the mental creation of humanity. One can see that mathematics, while being a tool for describing nature, if placed in the context of human existence leads to the fundamental question of its own foundation. Indeed, let us formulate the mystery of human existence in a mathematical fashion as a theorem, which requires for its proof to satisfy both necessary and sufficient conditions. One agrees that the physico-biological conditions of human

existence can be expressed in scientific and mathematical terms: for example, anthropic arguments in cosmology which set the numerical boundaries on physical constants which are necessary for biological existence in the universe. But the very actualisation of human intersubjective consciousness which is the ultimate manifestation of the genuine sense of humanity as different in comparison with the animal world, represents a mystery in terms of nature, for the qualitative change in the so called evolution which, according to some optimists, can lead to the creation of intelligence, is of an unbridgeable magnitude, such that physical causation and biological determinism cannot cope with it. This implies that the sufficient conditions for human intelligence to come into being do not follow from the natural and their incommensurability with the necessary conditions can be measured through the fact that the whole chain of changes in the outward nature can be integrated in one simple grasp of human consciousness: in fact, the very fact that mathematics exists and can be used by humanity in order to articulate nature can hardly be explained on the grounds of the natural evolution taken in itself. This entails in turn that the mathematics, by proclaiming that the ultimate sense of things is in thus mathematized nature, contradicts the obvious fact that mathematics is, by its essence, a derivative quality of human life which forms a useful tool for shaping the outward impressions about the world, but which in no way represents the foundation of existence. In simpler words, the foundation of mathematics itself is not in mathematics. Here we have an indication of transcendence which requires one to look at mathematics and the mathematisation of nature as derivative activities, originating from the very fact of human beings present in the world. But human existence, while it can have manifestations through knowledge and its mathematical mode, does not exhaust the very fact and mystery of this incarnate existence. Mathematics attempts to mathematize human being. But by so doing it contradicts itself, because it attempts to mathematize its own origin. Even if this were possible, mathematics can explain only the mathematical. All other aspects of the incarnate existence, which are not projected into the frame of mathematical mind are removed as unimportant and, in a way, “non-existent”. The human reality, however, is more far reaching and immense than any particular reduced form of its discursive image. And this is the reason why sufficient conditions for the existence of human beings transcend the natural and mathematical.

The mathematisation of humanity thus means not only a complete disregard of the individual modes of human existence, that is its personal qualities, but also a complete distortion of the perception of the human position with respect to the environment, society and culture. Through mastering “his own nature”, that is mathematised nature as a project which is yet to be accomplished, man takes over the control of his own life and fate by relying on mathematics implemented in technology. Husserl compares human beings, as being capable of ruling their own affairs indefinitely (because of their feeling of omnipotence founded in rationalism), to God seen as “infinitely distant man” [7, p. 66]. If man is capable of unfolding the sense of the universe through mathematisation, which is treated by us as the only valuable and worthy mode of existence, one can say that man mathematised himself. But, being, in a theological sense, the image of God, man also and mathematised God, by reducing God to the principle of the ultimate rationality of the universe which can in principle be revealed through the rigorous mathematical mode of the discursive mind. Since the real world disappears in the scientific “project” of human affairs, becoming thus an artificial object, human beings themselves become functions of the artificially constructed nature, being inevitably deprived of genuine understanding of the meaning of nature and the human place with respect to it. Ontology of man experiences therefore a terrible distortion which deprives man of the historical dimension which is linked to the conditions of embodiment.

Conclusion. In conclusion we would like to stress that in no way do we imply diminishing the value of contemporary science. There is no doubt that without science human civilisation could not function in its present state. The tragedy of this is that the scientific progress of the last centuries made the human race a hostage of its own achievements. This is exactly what happens if humanity loses control of its own destiny in a spiritual sense. It is exactly what happens if the greatness of all being is narrowly squeezed in the ambitious intentions of the human reason, which sees this being only along the lines of its technological and social success. And this is the reason why human activity with its greed for exploration and utilisation of the resources of the world should look at its own achievements from outside, from the perspective of existence as such. There is something in human life which cannot be described scientifically but which has an infinite value for human beings as persons. Science is good but it is not sufficient in order to understand what it means to be a human person. The warmth of human relationship and the transmission of grace through generations make humanity unique and special among other types of “existence”, which are described scientifically as existences of impersonal, that is effectively “non-living”, bodies. The exploration of the world of persons which underlies the realm of scientific experience can thus complement science in articulating the genuine place of human beings in the world.

From Mathematisation of Nature to the World of Persons. Phenomenological philosophy in the style of Husserl linked the rise of Platonic tendencies in scientific discourse with the name of Galileo. However the name of Galileo was used only to label that scientific trend which developed in the 17th century [8, p.45–67]. This trend, which is essential for modern science, can be characterised by the view that there is a fundamental split between the world as presented to human beings in their perceptual experience and everyday life, and the world as uncovered through scientific method and mathematical structure. But this, as is not difficult to see, implies Platonism in the sense of ancient Greek philosophy which made a clear-cut distinction between the world of *doxa* (opinion) and *episteme* (knowledge), as two modes of cognition which correspond to different realms and different truth. For Galileo and for those who followed him this meant that the true knowledge of things must correspond to the ideal of *episteme*. Husserl in his analysis of the genesis of Galilean physics shows how the mathematisation of nature was performed and what was its result [7, p. 23–59], [8, p. 45–67], [9, p. 395–401], [10, p. 338–351]. He points out that geometry exemplified an ideal of *episteme* for Galilean physics; it was considered as a standard of knowledge and therefore science, if it wants to achieve the true knowledge of things, should follow the ideal of geometry and mathematics. But this, according to Gurwitsch, implied that Galilean Physics is essentially Platonic in structure, for its Platonism “appears in the distinction between the perceptual appearance of nature and its true, that is its mathematical structure” [11, p. 51–52].

However, if one does not take the claim about the Platonism of modern science at face value, one realises that “nature”, which science aims at through idealization and mathematisation, is not something a-priori given to human observers and thinkers, but something which is constructed and evolving towards an indefinite *telos* of the human spirit. “Nature”, thus constructed, while being essentially an intentional correlate of human subjectivity becomes exteriorised as a Platonic or Kantian ideal [ibid, p. 46] which is subject to accomplishment in a historical movement of scientific research because mathematics as human science is far from being static and accomplished, and its advance creates more and more space for physicists to invade the realm of the yet unknown (although, perhaps, intelligible and invisible). In other words there must be made a distinction between nature as it appears in primary perceptual experience and nature-for-

physicists (that is “nature”), which is a mental accomplishment, as an ideal limit of convergent sequences of “images of nature” which are constructed by physicists in the course of history. One can then understand the historical process of science as sequence of scientific paradigms, as a process of an ever-unfolding representation of the mathematical universe, the process which, being human and hence unique in its factual givenness, makes all paradigms united as belonging to one and same unique sequence, pertaining to the *telos* of the human spirit.

When we mentioned that the construct of “nature” represents an ideal, which can only be accomplished in the whole of the historical process, we assumed this view as a philosophical hypothesis which asserts some hidden teleology in the development of the overall human spirit. Thus the progress of mathematisation of nature has meaning of one particular tendency of the human spirit under which scientific knowledge and technology advance. This ultimately brings us back to the general idea that scientific knowledge manifests a particular mode of human presence in the universe. Thus the mathematical universe, as a human achievement, represents characteristically the fragmentation of the primary existential link between humanity and the world, considered through a particular discursive function of the human intellect which is based on abstraction and idealisation. “Nature” in the thus understood scientific sense, being a particular human accomplishment, does not exhaust the totality of reality. On the one hand the constructed “nature” is exteriorised by human subjectivity and is intended as being devoid of its inward existence in the hypostasis of human beings, on the other hand the same “nature”, as *being constructed*, still entails some traces of its hypostatic origin.

“Nature” as mental accomplishment (where the non-egocentric intentionality prevails), that is as idealised and mathematised reality, represents an attempt to discard all hypostatic features which are intrinsically present in the mode of its existence. However, in spite of the success of the naturalising tendencies of scientific discourse in depersonalising reality in its outward objectivistic impression, a person, the human hypostasis, is still present behind the mathematical structure, and the transcendental phenomenological analysis allows one to reveal this presence behind all shades imposed by that discursive thinking which shapes the impression of the scientific universe. In all its attempts to “naturalise” the universe, that is, to make it detached and independent from human subjectivity, scientific discourse cannot dismiss or eliminate human persons in the same way as incarnate consciousness cannot eliminate itself unless it destroys the conditions of incarnation.

If, according to modern science, nature is a mathematical manifold whose concept is subject to further advance and accomplishment one wonders whether this course of constructing “nature” is based upon something primary in the being of man. Since the mathematically constructed “nature” is the product of human intentional activity, it is reasonable to conjecture that that which is linked to the immediate living condition in the world serves as the foundation for all scientific activity and consequent thematisations of the world. This media of primary human indwelling was termed, since Husserl, the “life-world.” Husserl in his *Crisis of the European Sciences* where he gave a historical outlook of the genesis of contemporary science, argued that if this science is to be explained and justified, one should not forget about the realm of being which forms the fundament of meaning for the natural sciences. For, according to him, the mathematically constructed world, which basically deals with intelligible realities, was substituted for “the only real world, the one that is actually given through perception, that is ever-experienced and experienceable - our everyday life-world” [7, p. 48–49]. Husserl made a clear distinction between *nature*, as the media of human immediate indwelling, which is intuited pre-scientifically, and “nature” as constructed through the mental creation. And the purpose of scientific idealisations which were supposed to

serve the objectives formulated in the life-world has been forgotten so that the substitution of mathematised nature for the life-world was promptly passed onto the physics of all succeeding generations, including contemporary physics [7, pp. 48–49]. While the method of mathematics should serve only as a tool in elucidating nature in its relationship to the life-world, nature started to be treated as a mathematical manifold, concealing thus its genuine underlying structure, that is the living world of immediate experience. The manifestation of this concealment consists in the assertion of modern science that not only is nature mathematical, but that any knowledge and interpretation of nature is possible only through mathematics.

Conclusion. For the purposes of our research, the primary problem is how to uncover the forgotten life-world which is always present in scientific insights. Phenomenology shows how the life-world can be articulated through contrasting it to “nature” constructed scientifically. It is the analysis of the scientific universe as mental creation that can help to uncover the life-world when “nature” (as scientifically constructed and abstracted from the life-world), is itself subjected to a kind of deconstruction which leads us back to the life-world of the next, so to speak, reflected order. It turns out to be that scientific method provides us exactly with the tools of articulating the life world by means of apophatic discernment of the scientifically constructed nature (as the otherness of all the scientific) as its ultimate foundation. Paradoxically it is by the way of abstraction from the reality of the living condition that this condition is articulated back through deconstruction of scientifically aimed accomplishment in the idea of nature. Through this deconstruction scientific theories exemplify themselves as structures of human subjectivity, giving thus examples of how human consciousness works and how the structures of this consciousness are reflected in the models of “nature”. Here one must not forget that technology, which provides technical devices employed in observations and measurements, effectively constitutes bodily extensions of the subject of knowledge, that is an ongoing embodiment in nature of humanity’s intention, which affect either transiently or permanently human subjectivity in general, and, as a result, itself manifests indirectly the emergent structures of human subjectivity [12]. It is clear that in such a deconstruction of scientific “nature”, the life-world will be articulated under the conditions that there exists a scientific explicability of nature as well as an access to the life world through a certain apophatic move from thus articulated “nature”. In contrast to this, the life-world as it is articulated in theology does require some theological explication of nature, but, contrary to science, it never leads to the concealment of the life-world. What is common to these life-worlds is exactly that which cannot be explicated by science, namely the underlying personhood. To conclude, one quotes a passage from M. Merleau-Ponty in which he points to what science forgets about while drawing the grandeur picture of the world: “Scientific thinking, a thinking which looks on from above, and thinks of the object-in-general, must return to ‘there is’ which precedes it; to the site, the soil of the sensible and humanly modified world such as it is in our lives and for our bodies – not that possible body which we may legitimately think of as an information machine but this actual body which I call mine, this sentinel standing quietly at the command of my words and acts...” [13, p. 122–123].

REFERENCES

1. Einstein, A. (1973), *Ideas and Opinions*, Souvenir Press, London, UK.
2. Born, M., (1968), *My Life and My Views*, Charles Scribner’s Sons, New York, USA.
3. Heisenberg, W., (1989), *Physics and Philosophy*, Penguin Books, London, UK.
4. Poincaré, H. (1958), *The Value of Science*, Dover Publications, New York, USA.

5. Weyl, H. (1970), *Subject and Object*, in Kockelmans, J. and Kisiel, T.J. (ed.), *Phenomenology and the Natural Sciences*, Northwestern Univ. Press, Evanston, USA.
6. Davis, P.J. and Hersch, R. (1990), *Descartes' Dream*, Penguin, London, UK.
7. Husserl, E. (1970), *The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology*, Northwestern Univ. Press, Evanston, USA.
8. Kockelmans, J. (1970), "The Mathematization of Nature in Husserl's Last Publication, *Krisis*", in Kockelmans, J. and Kisiel, T.J. (ed.), *Phenomenology and the Natural Sciences*, Northwestern Univ. Press, Evanston, USA, pp. 45–67.
9. Gurwitsch, A. (1967), "Galilean physics in the light of Husserl's phenomenology", in Mcmillan, E. (ed.), *Galileo man of science*, Basic Books, New York, USA, pp. 387–401.
10. Cassirer, E. (1967), "Mathematical Mysticism and Mathematical Science", in Mcmillan, E. (ed.), *Galileo man of science*, Basic Books, New York, USA, pp. 338–351.
11. Gurwitsch, A. (1974), *Phenomenology and the Theory of Science*, Northwestern Univ. Press, Evanston, USA.
12. Heelan, P. (1972), "Nature and its Transformations", *Theological Studies*, vol. 1, pp. 486–502.
13. Merleau-Ponty, M. (1993), "Eye and Mind", in Johnson, G.A. (ed.), *The Merleau-Ponty Aesthetics Reader. Philosophy and Painting*. Northwestern Univ. Press, Evanston, USA, pp. 121–164.

Information about the authors.

Alexei V. Nesteruk – Dr. Sci. (Philosophy) (2019), Visiting Research Lecturer at the University of Portsmouth, Lion Gate Bld, Portsmouth, P01 3HF, UK. Associate Professor at the Inter-University Centre on Education in History and Philosophy of Science, State Marine Technical University, St Petersburg, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 112 scientific publications. Areas of expertise: cosmology, philosophy of science, the dialogue between science and theology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-7907>. E-mail: alexei.nesteruk@port.ac.uk

Aleksandr V. Soldatov – Dr. Sci. (Philosophy) (1991), Professor (1992), Head of the Department of Philosophy and Sociology, State Marine Technical University, St Petersburg, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 202 scientific publications. Areas of expertise: philosophy of science, philosophy of religion, sociology of science. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5548-1735>. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Einstein A. Ideas and Opinions. London: Souvenir Press, 1973.
2. Born M. My Life and My Views. New York: Charles Scribner's Sons, 1968.
3. Heisenberg W. Physics and Philosophy. London: Penguin Books, 1989.
4. Poincaré H. The Value of Science. New York: Dover Publications, 1958.
5. Weyl H. Subject and Object // Phenomenology and the Natural Sciences / ed J. Kockelmans, T. J. Kisiel. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1970.
6. Davis P. J., Hersch R. Descartes' Dream, London: Penguin, 1990.
7. Husserl E. The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1970.
8. Kockelmans J. The Mathematization of Nature in Husserl's Last Publication, *Krisis* // Phenomenology and the Natural Sciences / ed. J. Kockelmans, T. J. Kisiel. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1970. P. 45–67.
9. Gurwitsch A. Galilean physics in the light of Husserl's phenomenology // Galileo man of science / ed. E. Mcmillan. New York: Basic Books, 1967. P. 387–401.

10. Cassirer E. Mathematical Mysticism and Mathematical Science Galileo man of science / ed. E. Mcmillan. New York: Basic Books, 1967. P. 338–351.
11. Gurwitsch A., Phenomenology and the Theory of Science. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1974.
12. Heelan P. Nature and its Transformations // Theological Studies. 1972. Vol. 1. P. 486–502.
13. Merleau-Ponty M. Eye and Mind // The Merleau-Ponty Aesthetics Reader. Philosophy and Painting / ed. G. A. Johnson. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1993. P. 121–164.

Информация об авторах.

Нестерук Алексей Всеволодович – доктор философских наук (2019), научный сотрудник университета Портсмута, Великобритания, Лайон Гэйт корп., Портсмут, PO1 3TR, Великобритания. Доцент межвузовского центра по образованию в области истории и философии науки при Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, Лоцманская ул., д. 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 112 научных публикаций. Сфера научных интересов: космология, философия науки, диалог между наукой и богословием. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-7907>. E-mail: alexei.nesteruk@port.ac.uk

Солдатов Александр Васильевич – доктор философских наук (1991), профессор (1992), заведующий кафедрой философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Лоцманская ул., д. 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 202 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, философия религии, социология науки. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5548-1735>. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

Теория М. Тая о неконцептуальном содержании перцептивных ментальных состояний

А. И. Пономарев✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

Санкт-Петербург, Россия

✉andre.ponomarev@gmail.com

Введение. В современной философии восприятия активно обсуждается вопрос о содержании перцептивных ментальных состояний, в частности о возможности неконцептуального содержания. Обычно концептуальная деятельность приписывается мышлению, а восприятие носит неконцептуальный характер. Такой подход может лишить восприятие возможности служить основанием для суждений. В статье проанализирована теория неконцептуального содержания перцептивных ментальных состояний М. Тая, которая не лишает восприятие его эпистемологической функции.

Методология и источники. Методологически работа основана на философском анализе современных теорий восприятия и результатов когнитивных исследований.

Результаты и обсуждение. В принятой терминологии содержание перцептивных ментальных состояний может быть трех видов: концептуальное, неконцептуальное подробное (fine-grained) и неконцептуальное грубое (coarse-grained). Позиция М. Тая заключается в том, что перцептивные ментальные состояния имеют только третий вид содержания. Такой подход сталкивается с рядом возражений, которые и представлены в данной статье. Анализ возражений показывает их преодолимость, из чего можно заключить, что позицию неконцептуального содержания М. Тая можно считать обоснованной. Основным результатом представленного исследования является представление дополнительных оснований для теории неконцептуального содержания перцептивных ментальных состояний.

Заключение. Проблема содержания перцептивных ментальных состояний крайне важна для понимания эпистемологической роли восприятия. Теория неконцептуального содержания перцептивных ментальных состояний позволяет по-новому взглянуть на восприятие.

Ключевые слова: теория восприятия, содержание перцептивных ментальных состояний, теория неконцептуального содержания, Майкл Тай.

Для цитирования: Пономарев А. И. Теория М. Тая о неконцептуальном содержании перцептивных ментальных состояний // ДИСКУРС. 2019. Т. 5. № 4. С. 18–25. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-18-25

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.05.2019; принята после рецензирования 17.06.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

© Пономарев А. И., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Tye's Theory of the Unconceptual Content of the Perceptual Mental States

Andrej I. Ponomarev✉

*Saint Petersburg Electrotechnical University
St Petersburg, Russia*

✉andre.ponomarev@gmail.com

Introduction. In modern philosophy of perception, the issue of the content of perceptual mental states is actively discussed, in particular the possibility of nonconceptual content is one of the most significant problem. Usually conceptual activity is attributed to thinking, and perception is intended to be non-conceptual. Such an approach may deprive perception of opportunity to serve as a basis for judgment. The paper analyzes Tye's theory of non-conceptual content of perceptual mental states, which does not deprive the perception of its epistemological function.

Methodology and sources. Methodologically, the research work is based on philosophical analysis of modern theories of perception and results of cognitive research.

Results and discussion. In accepted terminology, the content of perceptual mental states can be of three types: conceptual, non-conceptual detailed (fine-grained) and non-conceptual coarse (coarse-grained). Tye's position is that perceptual mental states have only the third kind of content. This approach faces a number of objections that are presented in this paper. The analysis of objections shows their surmount ability, thus, it can be concluded that the Tye's position of nonconceptual content can be considered as reasonable.

The main result of the presented research is the presentation of additional grounds for the theory of non-conceptual content of perceptual mental states.

Conclusion. The problem of the content of perceptual mental states is crucial for understanding the epistemological role of perception. The theory of non-conceptual content of perceptual mental states provides new insights into perception.

Key words: perception theory, content of perceptual mental states, theory of non-conceptual content, Michael Tye.

For citation: Ponomarev A. I. M. Tye's Theory of Non-Conceptual Content Perceptual Mental States. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 18–25. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-18-25 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.05.2019; adopted after review 17.06.2019; published online 25.10.2019

Введение. Статья посвящена анализу эпистемологической роли восприятия. Существует противоречивая тенденция в описании эпистемологического статуса перцептивных ментальных состояний. С одной стороны, перцептивные ментальные состояния являются непосредственной связью сознания с внешним миром. Если эта связь непосредственна, то к ней не могут быть применены категории истинности и ложности: какие стимулы мозг человека получил, такие у него перцептивные ментальные состояния и возникли. С другой стороны, если к перцептивным ментальным состояниям невозможно применить категории истинности или ложности, то их содержанием не является какое-то пропозициональное суждение, поэтому их нельзя использовать в обосновании каких-либо суждений [1]. В данной статье будет рассмотрен подход к решению этой проблемы, представленный М. Таем [2]. Согласно

позиции М. Тая, перцептивные ментальные состояния имеют неконцептуальное содержание и такой подход не противоречит эпистемологической роли восприятия.

Методология и источники. Представленные в статье выводы базируются на методологии эпистемологии и философии сознания. Исследование включает анализ мысленных экспериментов и реальных случаев, описанных в психологической литературе. Исследование базируется на материале как современных философских подходов к восприятию (Тай, Сигель, МакДоуэл), так и на основании когнитивных исследований (Рафтопулос, Ноэ).

Результаты и обсуждение. Как можно понимать содержание перцептивных ментальных состояний? Представим себе ситуацию: человек стоит перед столом, на столе лежит яблоко. Человек смотрит на стол и говорит фразу «я вижу красное яблоко на столе». Такое заявление отражает разные аспекты сознательной деятельности человека, во-первых, у смотрящего есть убеждение, что на столе действительно лежит яблоко, во-вторых, для обоснования такого убеждения этот человек использует зрение. Далеко не всегда убеждения, основанные на восприятии, являются истинными. В нашем случае человек может стоять перед столом, на котором лежит не яблоко, а какой-то предмет на него похожий, например, пластиковое яблоко. Человек тогда скажет, что он ошибся, он думал, что на столе лежит настоящее спелое яблоко, а на самом деле его на столе не было. Можно ли сказать, что зрение человека подвело и он увидел спелое яблоко там, где его на самом деле не было? Не все готовы согласиться с таким подходом. Существует ряд теоретических позиций, согласно которым восприятие не может быть ни истинным, ни ложным, что восприятие – это просто фиксация информации. С этой точки зрения истинным и ложным может быть только суждение, которое человек формирует на основании восприятия, но не само восприятие [3].

Самым очевидным основанием для сомнения в пропозициональном содержании перцептивных ментальных состояний являются случаи иллюзии. С этой стороны можно интерпретировать описанный выше сценарий. Человек оказался жертвой иллюзии, т. е. с определенного ракурса или расстояния он как будто видел яблоко и таким образом имел все основания полагать, что перед ним на столе лежит яблоко. Однако подойдя ближе или потрогав предмет, он понял, что это не спелое яблоко, а пластик. Таким образом, чтобы избавиться от иллюзии необходимо получить другую перцептивную информацию. Иллюзия состоит в том, что ментальные состояния, которые возникают в сознании в процессе восприятия настоящего спелого яблока и пластикового яблока имеют одно и то же содержание. Иными словами, мы видим одно и то же, глядя на разные предметы.

Возможность иллюзии приводит к заключению о неконцептуальном характере содержания перцептивных переживаний. Чтобы сформулировать суждение «спелое красное яблоко лежит на столе», выражающее положение дел в мире, необходимо, чтобы человек имел представление о яблоках, столах, красном цвете и спелости, т. е. у него в сознании должны быть понятия соответствующих свойств. Формирование понятий обычно относят к мыслительной деятельности сознания, следовательно, информация, получаемая с помощью восприятия, имеет домыслительный неконцептуальный характер. Например, если существует понятие «красный», то как правило этому понятию приписывают излучение определенной длины волны. Но это проблемный подход, поскольку существуют субъективные отличия в восприятии цветов: некоторым людям определенные предметы кажутся темнее, чем другим. Понятия не должны иметь субъективные отличия, они должны быть общими для всех. Если воспринима-

емые свойства, такие как «красный», «спелый», «круглый» не являются понятиями, то перцептивные ментальные состояния не могут иметь пропозиционального содержания.

Данный подход имеет проблему: он лишает восприятие обычно приписываемой ему эпистемологической роли. Для преодоления такого возражения был предложен вариант неконцептуального содержания ментальных состояний. Согласно этому подходу содержание перцептивных ментальных состояний действительно носит неконцептуальный характер, но при этом перцептивные ментальные состояния не теряют эпистемологической роли. В описанном сценарии человек говорит «я вижу красное яблоко», но никто не может воспринимать какой-то усредненный красный, мы всегда воспринимаем какой-то конкретный оттенок красного, например, «красный₂₉», где номер означает условный 29-й оттенок красного в некоторой согласованной шкале. Воспринимаемый оттенок «красный₂₉» не является понятием, поскольку о нем невозможно получить вербальный ответ от человека, даже в том случае, если человек может отличить оттенок «красный₂₉» от оттенка «красный₂₈». Если человек увидит рядом два оттенка «красный₂₈» и «красный₂₉» и сможет их отличить, то через некоторое время, если ему показать только один из этих оттенков, он уже не может соотнести его с конкретным оттенком – их легко перепутать. Но тот факт, что эти оттенки невозможно соотнести с каким-либо понятием не дают оснований полагать, что человек их не видит, значит, у перцептивных ментальных состояний может быть неконцептуальное содержание.

Критики неконцептуального подхода к содержанию перцептивных ментальных состояний исходят из того, что воспринимаемых свойств потенциально бесконечное количество. Если мы воспринимаем разные оттенки красного, тогда должны воспринимать различные шероховатости на поверхности яблока и т. д. Такой подход получил название высокоспецифичного содержания перцептивных ментальных состояний (*fine grained content view*). Майкл Тай [2] предложил другой подход к неконцептуальному содержанию перцептивных ментальных состояний, который получил название «грубого» содержания (*coarse grained content view*). Согласно подходу Тая, содержание перцептивных ментальных состояний нужно понимать через теорию возможных миров. В одном мире человек в описанном сценарии получает от яблока излучение с длиной волны, соответствующей оттенку «красный₂₈», в другом мире этот же человек получает излучение, соответствующее оттенку «красный₂₉». В обоих мирах его утверждение «я вижу красное яблоко» будет одинаково истинным, следовательно, их содержания не отличаются. Таким образом нет прямой связи между получаемыми стимулами и содержанием перцептивных ментальных состояний. Это позволяет Таю избежать потенциально бесконечного содержания ментальных состояний.

Если информации ограниченное количество, почему ее нельзя считать концептуальной? Почему нельзя считать содержанием понятия «красный» такой набор возможных миров, в котором суждение «человек видит красное яблоко»? Ответ Тая состоит в том, что воспринимаемой информации все равно намного больше, чем мы можем осознать, концептуализировать и передать другому. В описанном сценарии человек сообщает, что видит яблоко, т. е. предмет почти шарообразной формы и красного цвета. На самом же деле человек видит шероховатую поверхность, разные участки которой освещены по-разному и поэтому имеют разный оттенок. Кроме самого яблока человек видит еще и фон, но информация из фонового поля зрения не попадает в вербальный отчет из-за того, что на фон не обращают внимание.

Основная критика к подобному подходу идет с двух сторон. Первое возражение состоит в том, что по-прежнему не понятно, как перцептивные ментальные состояния могут быть основанием для наших убеждений, если их содержание неконцептуально? Концептуалисты, в отличие от Тая, настаивают на том, что если какую-то информацию невозможно выразить концептуально, то ее нельзя считать содержанием ментальных состояний. Иными словами, если человек говорит, что он видит красное яблоко на столе, то с точки зрения концептуалистов только концепт «красный» является содержанием перцептивного ментального состояния, ни «красный₂₆», ни «красный₂₈» содержанием не являются. В этом случае перцептивные ментальные состояния могут играть эпистемологическую роль в ограниченном количестве случаев, так состояние «я вижу красное яблоко» может быть основанием для утверждения «красное яблоко лежит на столе», но не может быть основанием для утверждения «яблоко оттенка «красный₂₇» лежит на столе». В ответ на такое возражение Тай приводит знаменитый эксперимент Сперлинга, показывающий, что мы воспринимаем больше, чем можем запомнить и дать вербальный отчет [2], [4].

Алва Ноэ [5] критикует возможность невыразимого содержания перцептивных ментальных состояний. С точки зрения Ноэ, содержанием перцептивных ментальных состояний может быть только то, что попало в фокус внимания. В рассматриваемом сценарии можно считать содержанием перцептивных ментальных состояний только яблоко и стол, но нельзя считать содержанием ментальных состояний цвет стен, если ситуация происходит в помещении. Подход Ноэ получил название энактивистской концепции восприятия. Согласно позиции Ноэ, содержанием перцептивных ментальных состояний являются только те свойства предметов, которые дают нам понимание, как можно взаимодействовать с объектом. Поскольку взаимодействие с яблоком носит однозначный характер (мы обычно яблоки едим), содержание перцептивного ментального состояния должно носить концептуальный характер. Проблема подхода Ноэ состоит в том, что мы можем взаимодействовать и с тем, что не попадает в фокус внимания, а воспринимается боковым зрением. Человек вполне мог не замечать какого цвета стены в комнате, при этом потом он это мог вспомнить. Иногда мы можем увернуться от мухи, которую мы заметили. Выходит, что попадание объекта в фокус внимания является не обязательным для того, чтобы считать объект содержанием перцептивного ментального состояния.

Для позиции Тая остается другая проблема. Если какое-то содержание перцептивных ментальных состояний является невыразимым терминологически, например, цвет стен или оттенок яблока, то как такое перцептивное ментальное состояние может служить основанием для убеждения «на столе лежит красное яблоко»? Тай полагает, что его концепция не несет угрозы для эпистемологической роли перцептивных переживаний, поскольку в его концепции неконцептуальное содержание шире, чем концептуальное. Если содержанием является оттенок «красный₂₇», то перцептивное ментальное состояние может служить основанием для утверждения «я вижу красное яблоко», но не может быть основанием для утверждения «я вижу яблоко цвета «красный₂₆». Даже если существует проблема для оттенка «красный₂₇», тем не менее, для более общего термина «красный» проблем нет. Как в этом случае быть с пограничными цветами? Если в красном цвете можно различить пятьдесят оттенков, может ли перцептивное ментальное состояние с содержанием «красный₄₉» служить основанием для утверждения «человек видит красное яблоко на столе»?

Второе возражение состоит в том, что не понятно, почему не должно быть прямой связи между стимулами и содержанием перцептивных ментальных состояний. Как можно говорить о том, что стимулы разнятся, а содержание не отличается? Макдауэл [6], например, утверждает, что если не всегда мы можем выразить словами воспринимаемые свойства, то это не ведет к неконцептуальному содержанию перцептивных ментальных состояний. Для Макдауэла обозначенные оттенки «красный₂₈» и «красный₂₉» являются понятиями. Конечно, мы не всегда можем назвать оттенок «красный₂₉» алым или темно-красным, поэтому Макдауэл предлагает указательные понятия, такие как «этот цвет» или «этот оттенок красного». Если человек может отличить «красный₂₈» и «красный₂₉», то с помощью указательных терминов «этот цвет» и «тот цвет» можно вести коммуникацию и обосновывать суждения. В ответ на такой подход Тай утверждает, что у нас не может быть такого подробного набора концептов, ввиду ограниченности объема памяти. Даже если мы можем в процессе беседы в момент восприятия договориться о термине «этот оттенок красного», который будет соответствовать оттенку «красный₂₈», то в будущих событиях мы не узнаем «красный₂₈» и никак не сможем его связать с тем, что мы называли «вот этим цветом». Конечно, наш понятийный набор цветов не ограничивается семью цветами радуги, есть некоторые оттенки красного, но для того, чтобы конкретный оттенок стал отдельным понятием, необходимо, чтобы мы узнавали его не только в момент восприятия.

Содержание таких указательных концептов, как «этот цвет» или «этот оттенок красного» является проблематичным еще и по причине их индивидуальности. Из-за особенностей каждого организма, один и тот же объект может иметь разные воспринимаемые свойства. Когда один человек говорит «этот оттенок красного», он имеет ввиду «красный₂₇», и при этом другой человек понимает, что первый имеет ввиду «красный₂₇», как можно утверждать, что оба человека имеют ввиду один и тот же «красный₂₇»? Может так получиться, что один человек различает пятьдесят оттенков красного, а другой – пятьдесят пять и тогда двадцать седьмой оттенок красного у них будет различаться. Если у каждого человека есть привилегированный доступ к содержанию своих перцептивных ментальных состояний, то эти ментальные состояния не могут иметь эпистемологической роли, т. е. не могут быть основанием для суждений.

Заключение. Подводя итог сказанному, нужно сделать несколько замечаний. Проблема содержания перцептивных ментальных состояний представляет собой важную часть теории восприятия в целом. В том числе важным пунктом этой проблемы является концептуальный характер содержания. Если бы перцептивные ментальные состояния имели только концептуальное содержание, то возможно проблема восприятия не стояла бы так остро. Человеческое восприятие действительно устроено так, что далеко не все, что мы видим может стать содержанием суждений о мире. И дело здесь не столько в памяти, сколько в том, что далеко не всем воспринимаемым свойствам предметов окружающего мира вообще можно придумать какие-то термины. Поэтому содержание перцептивных ментальных состояний должно быть неконцептуальным хотя бы частично.

Однако если содержание перцептивных ментальных состояний является неконцептуальным, то как тогда восприятие может служить основанием для обоснования суждений? Подход Тая не отвечает на этот вопрос, скорее переадресует его в область мышления. Таким образом, если восприятие и может играть эпистемологическую роль, то для этого тем

не менее необходимо мышление. Только в результате более подробного анализа отношений восприятия и мышления станет понятен механизм формирования мыслительных концептов из неконцептуального содержания перцептивных ментальных состояний. Для определения таких подробных связей между восприятием и мышлением необходимо объединение усилий философии и когнитивных наук.

Представленный в статье подход М. Тая к содержанию перцептивных ментальных состояний не лишен проблемных мест, тем не менее он представляет большой интерес с точки зрения понимания восприятия и его эпистемологической роли. Приписываемая обычно мышлению способность оперировать понятиями лишает восприятие возможности осуществлять эпистемологическую роль в обосновании суждений, что в свою очередь может приводить к определенной форме скептицизма. Содержание перцептивных ментальных состояний может носить неконцептуальный характер и без потери эпистемологической роли восприятия. Неконцептуальное содержание перцептивных ментальных состояний может быть подробным (fine grained) и «грубым» (coarse grained). Защищаемый М. Таем второй подход к пониманию содержания перцептивных ментальных состояний является более перспективным в контексте современных когнитивных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Siegel S. The rationality of perception. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
2. Tye M. Nonconceptual Content, Richness, and Fineness of Grain // *Perceptual Experience* / ed. T. S. Gendler, J. Hawthorne. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. P. 504–530. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199289769.001.0001.
3. Siegel S. The Contents of Perception. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/perception-contents/> (дата обращения: 15.04.2019).
4. Raftopoulos A. Can nonconceptual content be stored in visual memory? // *Philosophical Psychology*. 2010. Vol. 23, no. 5. P. 639–668.
5. O'Regan J. K., Noe A. A Sensorimotor Account of Vision and Visual Consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 24, no. 5. P. 939–973.
6. McDowell J. *Mind and World*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1994.

Информация об авторе.

Пономарев Андрей Игоревич – преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия сознания, философия науки. E-mail: andre.ponomarev@gmail.com

REFERENCES

1. Siegel, S. (2017), *The rationality of perception*. Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
2. Tye, M. (2006), "Nonconceptual Content, Richness, and Fineness of Grain", in Gendler, T. S and Hawthorne, J. (ed.), *Perceptual Experience*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 504–530. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199289769.001.0001
3. Siegel, S. (2016), "The Contents of Perception. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition)", available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/perception-contents/> (accessed 15.04.2019).

4. Raftopoulos, A. (2010), "Can nonconceptual content be stored in visual memory?", *Philosophical Psychology*, vol. 23, no. 5, pp. 639–668.
5. O'Regan, J. K. and Noe, A. (2001), "A Sensorimotor Account of Vision and Visual Consciousness", *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 24, no. 5, pp. 939–973.
6. McDowell, J. (1994), *Mind and World*, Harvard Univ. Press, Cambridge, UK.

Information about the author.

Andrej I. Ponomarev – Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy of mind, philosophy of science. E-mail: andre.ponomarev@gmail.com

Русский космизм – теория медиаэпистемического действия

К. А. Очеретяный✉

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

✉kocheretetyany@gmail.com

Введение. В статье идет речь о возможности обращения к концептуальному ресурсу русского космизма для прояснения положения человека в современной медиареальности. Философы-космисты впервые обратили внимание на то, что возможное освоение космоса станет прежде всего переоткрытием человека. Действительно, космические приборы осваивали не столько космос, сколько человека в его коммуникативной природе, организуя новые связи, новые сообщества, новые смыслы.

Методология и источники. Методологически работа базируется на философском анализе первоисточников и исследовательской литературы.

Результаты и обсуждение. В статье показано, что космистам удалось не только предвидеть переоткрытие человека, которое начнется с информационного взрыва – высвобождения смыслов, образов, событий, знаков, лиц и т. д. из предшествующих типов связи, им впервые удалось указать на позитивные аспекты такой эмансипации и на то, как жить после информационного взрыва. Согласно их интуициям: 1) человек станет открыт всем эпохам, всем мифологиям, всем символам, а потому чрезвычайно усложнится (сегодня мы видим как новейшие интерфейсы технических устройств вынуждают нас делать большее, предельно интенсифицируя нашу психофизиологию – внимание, скорость реакции и т. д.); 2) в условиях возрастающей сложности потребуются новые типы организации (сегодня тесно переплетаются сложные социальные и технические системы, порождая гибриды: виртуальная, дополненная реальность, реальная виртуальность и т. д.); 3) поскольку стираются традиционные контексты и умножаются парадоксальные гибридные формы опыта, то действия не просто должны приводить к какому-то результату, но прежде всего объяснять свои цели и свое значение, т. е. практические и прагматические действия уступают место действия эпистемическим (проясняющим что собственно делается – отсюда значение геймификации, инфотейтмент и т. д.). Таким образом, в результате исследования медиа через призму философских поисков космистов удастся увидеть не только как сообщение, но и как сообщество, которое в условиях отсутствия целого понимает это целое (космос) как задачу, как достижение единого настроения через со-чувствие, со-настроенность (организацию), а инструментом достижения сонастроенности (настроения которое предшествует словам, смыслам, образам, всем их связям и остается после их эмансипации) полагает эпистемические действия – действия не только создающие нечто, но и проясняющие, что именно делается.

Заключение. Теорию общего дела следует понимать как теорию эпистемического действия в медиа (или как теорию медиаэпистемического действия), которая становится основанием для прояснения механизма ориентации, взаимопонимания и взаимопризнания в медиареальности, когда человек не может потребить информацию, не участвуя в ее производстве.

© Очеретяный К. А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Ключевые слова: медиафилософия, медиареальность, гносеоургия, богочеловечество, теория эпистемического действия, общее дело, биополитика, компьютерные игры.

Для цитирования: Очеретяный К. А. Русский космизм – теория медиаэпистемического действия // ДИСКУРС. 2019. Т. 5. № 4. С. 26–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-26-41

Источник финансирования. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 17-03-50159-ОГН «Концептуальный язык русской философии как инструмент исследования медиареальности»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.05.2019; принята после рецензирования 18.06.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Russian Cosmism – the Theory of Media Epistemic Actions

Konstantin A. Ocheretyany✉

Saint Petersburg State University

St Petersburg, Russia

✉kocheretetyany@gmail.com

Introduction. The paper deals with the possibility of referring to a conceptual resource of Russian cosmism to clarify the position of a man in the modern media realism. Cosmist philosophers for the first time drew attention to the fact that the possible conquest of space will be primarily a rediscovery of man. Indeed, space devices mastered not so much space, as a man in his communicative nature, organizing new connections, new communities, new meanings.

Methodology and sources. Methodologically, the research work is based on philosophical analysis of primary sources and research literature.

Results and discussion. The paper shows that the cosmists managed not only to foresee the re-discovery of person, which will begin with an information explosion - the release of meanings, images, events, signs, faces, etc. from the previous types of communication, they were the first to manage to point out the positive aspects of such emancipation and how to live after the information explosion. According to their intuitions: 1) a person will become open to all eras, all mythologies, all symbols, and therefore extremely complicated (today we see how the newest interfaces of technical devices force us to do more, maximally intensifying our psychophysiology – attention, reaction speed, etc.); 2) in the conditions of increasing complexity, new types of organization will be required (today complex social and technical systems are intertwined, creating hybrids: virtual, augmented reality, real virtuality, etc.); 3) since traditional contexts are erased and paradoxical hybrid forms of experience are multiplied, actions should not just lead to some result, but first of all explain their goals and their meaning, that is, practical and pragmatic actions give way to epistemic actions (clarifying that actually done – hence the value of gamification, information, etc.). Thus, as a result of media research, through the prism of the philosophical search of cosmists, it is possible to see media not only as a message, but also as a community, which in conditions of the absence of a whole, understands this whole (space) as a task, as achieving a common mood through co-feeling, -co-readiness (organization), and an instrument for achieving attunement (the mood that precedes words, meanings, images, all their connections and remains after their emancipation), suggests epistemic actions – actions not only creating something, but also clarifying, what is being done.

Conclusion. The theory of the common cause should be understood as the theory of epistemic actions in the media (or as the theory of media epistemic action), which becomes the basis for clarifying the mechanism of orientation, mutual understanding and

mutual recognition in media reality, when a person cannot consume information, without participating in its production.

Key words: media philosophy, media reality, gnoseourgy, God-manhood, theory epistemic action, common cause, biopolitics, computer games.

For citation: Ocheretyany K. A. Russian Cosmism – the Theory of Media Epistemic Actions. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 26–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-26-41 (Russia).

Source of financing. The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-03-50159-OGN "Conceptual language of Russian philosophy as a research tool of media realities I").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.05. 2019; adopted after review 18.06.2019; published online 25.10.2019

Введение. 2 марта 1972 г. и 5 апреля 1973 г. были запущены две автоматические межпланетные станции НАСА, соответственно датам «Пионер-10» и «Пионер-11». Среди прочих особенностей этих аппаратов (дальность следования, новейшие фотографические технологии, возможность развивать скорость, достаточную для преодоления силы притяжения Солнца) значимыми оказались две созданные Карлом и Линдой Саган идентичные пластинки из анодированного алюминия с символической информацией о Земле, ее месторасположении и обитающем на ней человеке. Критики отмечали сложность и антропоцентричность символической записи: никто из ученых, не занятых в проекте, не смог его расшифровать, и даже простые элементы записи скорее всего показались бы парадоксальными возможным адресатам за пределами Солнечной системы. Например, стрелка как указатель направления значима для культур охотников и собирателей, но в иных традициях возникли бы иные смыслы и иная символизация. Для инопланетных культур стрелка могла указывать на что угодно кроме механизма своего прочтения. Впрочем, критики упустили главное в этом проекте – формулу М. Маклюэна «медиа есть сообщение». Дело в том, что сама система записи и выбранный смысл (все это касается и радиопослания Аресибо, таблички «Вояджера» и, конечно же, самого первого радиопослания «Мир», «Ленин», «СССР») предназначены не тому, кто сообщение получает, а тому, кто его отправляет и зашифровывает. Как и полагал Лакан, письмо всегда доходит до адресата. В этой записи человек больше узнавал о себе и не столько о своих амбициях, сколько о своих ограничениях. Вставал вопрос, может ли человек встретиться с Другим или Другой всегда в определенном смысле Свой, родственный, (в терминах Н. Федорова – братский), тогда поиск Другого – это лишь открытие образов Своего.

И действительно, освоение космоса не столько продвинуло человека вглубь внеземных измерений, сколько изменило его жизнь на Земле: космические приборы осваивали не столько космос, сколько человека в его коммуникативной природе, организуя новые связи, новые сообщества, новые смыслы. Подобно тому, как в античных космологиях космос был этической моделью, а занятия астрономией приравнивались к духовным упражнениям, современные космические программы, несмотря на всю сложность реальных предпосылок (война, стратегии политического доминирования, геоконтроль и т. д.), начались в идее как духовное упражнение (свидетельство тому – мысль русских космистов), и идея эта была развита лишь односторонне. Технологически мы получили мир новых скоростей, новых форматов связи, новых форм сообществ, но собственно этическая сторона, а именно вопросы об ориентации в этих мирах, которые в определенном смысле пришли из космо-

са, из космических программ как новые программы жизни, только начинают ставиться. В подобной ситуации имеет смысл вновь обратиться к философии русских космистов уже не для прогнозирования будущего человечества в космосе, но для углубленного понимания тех антропотехник, которые сегодня развиваются в медиа (квазикосмических по происхождению). Поскольку русская философия, будучи частью философии европейской, отвечает на ряд поставленных европейской философией проблем из своей собственной традиции, необходимо поставить также вопрос и о том, что в понимание медиа способна внести русская философия сегодня в строгом внимании к своей традиции.

Методология и источники. Представленные в работе выводы опираются на методологию медиафилософии и на концептуальные сюжеты, прорабатываемые в рамках научного, философского и художественного движения русского космизма. Исследование базируется на материале философской литературы, относящейся к первоисточникам (теоретики русского космизма), и к методологическим установкам (медиафилософия). Вопрос о медиа не менее значим, чем вопрос о субъекте, сообществе, познании, смысле, желании и т. д., поскольку вопрос о медиа включает в себя и преобразует все упомянутые. Русская философия возникает и формируется в тот период, когда вещи, события, лица подвергаются дисперсии в искусстве, в науке, в культуре. В конце XIX – начале XX в. изобразительное искусство постепенно отказывается от репрезентативности, а музыкальное – от традиционной тональности; в математике подвергается ревизии понятие числа; в физике пересматриваются базовые положения о пространстве и времени; само понятие материи становится сомнительным; психология делает «я» неопределенным и колеблющимся, открывая мощь бессознательного; на бытовом уровне вещи больше не выражают усилия в них вложенные – гордость и славу индивида, его духовную биографию, а предстают скорее продуктом отчужденного труда; социальный индивид растворяется в потоке масс; новые технические формы организации опыта радикально меняют восприятие мира. Все эти перемены лежат у истоков нашего времени, мы современники этих перемен, поскольку по мере технического прогресса время все больше ускоряется, пространство все больше сжимается, способы установления причинно-следственных связей модифицируются, а опыт стремительно мутирует в пролиферации гаджетов, интерфейсов и новых гибридных связей между ними. Русская философия в своем возникновении стояла у истоков этих изменений, была их современницей, но ее традиция была в определенном смысле прервана, по крайней мере, русскую религиозную философию, обычно видят как замкнутый в себе продукт эпохи. Тем не менее эта замкнутость отражает не «законсервированность» русской философии, а ее сосредоточенность на онтологическом истоке перемен: деактуализации традиционных институций, технического преобразования мира и человеческого поведения, возникновения новых средств коммуникаций, новых технически организованных обществ и новых форм опыта, которые им соответствуют. Русская философия и современная медиареальность парадоксальным образом возникают одновременно.

Результаты и обсуждение. Изложение результатов исследования целесообразно разделить на подглавы, в каждой из которых будет поставлен вопрос, существенный для развертывания концептуального сюжета, заявленного в статье. В подглаве «*Биополитика для богочеловечества*» проведена параллель между теорией космистов (утверждением того, что человек станет открыт всем эпохам, всем мифологиям, всем символам, а потому чрезвычайно усложниться) и современной практикой ориентации в медиа (сегодня мы видим как новейшие интерфейсы технических устройств вынуждают нас делать большее, пре-

дельно интенсифицируя нашу психофизиологию – внимание, скорость реакции и т. д.). В подглаве «*Императив бытия-в-коммуникации*» показаны типы организации опыта, возникающие в условиях возрастающей сложности социальной реальности и описываемые космистами. Они применимы для понимания коммуникативного взаимодействия в виртуальной, дополненной реальности, реальной виртуальности и иных гибридах, порождаемых переплетением социальных и технических систем. Наконец, в подглаве «*Vita activa: к теории эпистемического действия*» показано, как космизм в своих основных концептах позволяет обосновать теорию медиаэпистемического действия, суть которой в следующем: поскольку стираются традиционные контексты и умножаются парадоксальные гибридные формы опыта, то действия не просто должны приводить к какому-то результату, но прежде всего объяснять свои цели и свое значение, что увеличивает роль геймификации и инфотейтмент в технологиях, опосредующих социальный опыт.

Биополитика для богочеловечества. Чем более сложную техническую организацию подразумевает культура, тем более элементарные энергии способна она высвободить. Но если усложняющиеся технически организованные системы способны высвободить более простые энергии, то сложность новейших техносоциальных систем приводит к тому, что они высвобождают энергии, которые сопротивляются прежним формам рационального понимания и коммуникативного взаимодействия. Обнаруживается новое основание общности – по ту сторону дескрипций и концепций. Мысль о различии неорганических, органических и организованных тел, каждому из которых соответствуют свои уровни освобождения и связи энергий будет развивать Н. Бердяев, но первой ее удалось последовательно продумать русскому философу Н. Федорову.

Известны ошибки Шекспира: в «Юлии Цезаре» (1599) упомянут бой часов (в Древнем Риме механических часов, конечно же, не было) в «Кориолане» (1608) говорится о направлении компаса (который еще не изобрели) [1, с. 12]. Дело не в том, что Шекспир, хорошо разбираясь в личностях, плохо разбирался в истории. Он отлично знал историю, не зная о необратимости исторических перемен и поступательного движения прогресса – эти идеи получают всеобщее распространение только в эпоху Просвещения, а укоренятся в человеческом сознании еще позже, возможно после смерти Гегеля. По крайней мере, Н. Федоров уже осознавал эту мысль о необратимости прогресса как императив, в жертву которому приносятся поколение за поколением. Каждый новый род выступает как бы почвой иного поколения, подготавливая ему более благоприятные условия для выхода на историческую сцену, и в этом заключается несправедливость императива, утверждающего преимущество «работников одиннадцатого часа». Конечно, XX в. с его войнами, гуманитарными катастрофами, кризисами взаимопонимания опроверг тенденции прогрессистского прочтения истории, но и для Н. Федорова уже была важна скорее сама форма существования по ту сторону истории в общем поле признанности, где человеческие поколения не сменяли бы друг друга, а встречались бы друг с другом. Только тогда человек и стал бы самим собой (в его версии самим собой можно стать только в масштабах всего – космоса, всех людей и всех эпох, на всех планетах). Притом такую встречу он понимал не в спиритуалистическом, а в материалистическом смысле: он полагал, что она станет возможна средствами техники. Если прогресс – это работа отцов по улучшению условий жизни детей, то тогда всякий прогресс нигилистичен, ведь он превращает всякое поколение в ничто, а потому ни к чему не ведет, или точнее, ведет в Ничто. Соответственно одностороннее понимание прогресса должно быть заменено

рефлексивным и быть не мыслью только, но стать общим делом (не убыванием, а прибавлением человека – сложности его психики, воображения, интуиции, желания и т. д.). По версии Федорова, дети должны оживить отцов – восстановить жизнь, превратив ее из слепой стихии в организованно-контролируемую силу, и более того, ретроспективно распространить ее. Если космос и историю рассматривать как волю, то это воля к ничто, постисторический же космос уже является не волей только, но делом – возвращением к «самому само» (в платоновском смысле), или возвращением отцов («родного» в смысле Федорова).

Чтобы яснее понять основные смыслы, вкладываемые Федоровым в общее дело, обратимся к западноевропейским мыслителям, претендующим на преодоление метафизики и соответственно нигилизма. Согласно А. Шопенгауэру, суть бытия – в воле, в том стремлении, которое можно только сдерживать, но никогда не удастся удовлетворить. Ф. Ницше, критикуя подобную волю к ничто, увидел, что любая материализация и идеализация является раскрытием и сдерживанием воли, назвав такое «раскрывающее сдерживание» волей к власти. М. Хайдеггер показал, что волей к власти может быть и современная техника, поскольку она раскрывает потаенное и в этом смысле выступает продолжением традиционной метафизики (всей суммы смыслов и ценностей) иными средствами. М. Фуко обозначил как дискурс всю сумму конвенциональных и внеконвенциональных установок, управляющих жизнью человека, объединяющих знание и власть и в широком смысле ответственных за биополитику: за контроль не только территории и времени, но и жизни, развертывающейся в предложенных системой знания–власти диспозитивов. Критики и последователи Фуко неоднократно подчеркивали, что, уделяя внимание смыслам и записям, т. е. дискурсивным факторам в конституировании диспозитива, он мало обращал внимание на собственно технические и материальные факторы – на условия записи, хранения, трансляции сообщения, на способы его расшифровки и дешифровки. Ф. Киттлер даже предлагал работать с теорией М. Фуко, как и с «антропоцентричным» пониманием медиа у М. Маклюэна, через призму шумовой модели коммуникации К. Шеннона–У. Уивера, включающей источник информации, производящий сообщение; передатчик или кодировщик, преобразующий сообщения в сигналы, поддающиеся передаче; канал как средство передачи сигнала; декодер или ресивер, реконструирующие сообщение из сигнала; приемник, получающий сообщение. Недискурсивные факторы в шумовой модели коммуникации К. Шеннона–У. Уивера, по мысли Ф. Киттлера, конституируют диспозитив и окончательно деантропологизируют способы его понимания: система власти–знания, ответственная за конфигурацию коммуникативных и инструментальных практик, не антропоморфна, скорее человек со всеми «внутреннеприсущими» ему смыслами и ценностями лишь эффект такой системы, его «лицо», лишь временный интерфейс. Ф. Киттлер средствами материалистического детерминизма радикализирует мысль М. Фуко, но на фоне этой радикализации становятся гораздо более понятны симпатии позднего Фуко к античным техникам себя, к практикам заботы о себе: высокотехнологической биополитике должна отвечать политика себя, поиск своего, собственного. Фуко противопоставляет слепой воле систем, средств (машин и инструментов как добавляет Киттлер) волю к своему, к собственному – нигилизм преодолевается экзистенциальной техникой заботы.

В новоевропейской посткартезианской традиции принято считать, что познание позволяет подступиться к истине. Только философия подозрения со времен Маркса, Ницше и Фрейда прерывает эту традицию. Поскольку для примыкающего к философии подозрения Фуко знание является властью, а истина скорее продукт власти (всей суммы технических и

символических средств), в ловушку которой попадает мысль бессознательно для самой себя. Истина не может быть обнаружена на путях отвлеченного познания, а если и обнаруживается, то как неистина, как продукт «ложного сознания». Забота о себе есть усилие по преобразованию (нравственного, в античном и средневековом смысле «духовного») жизни для обнаружения в ней своего, собственного (или обнаружения собственно себя). По сути метафизика воли (Шопенгауэр), как и концепт воли к власти (Ницше), как и концепт техники как метафизики иными средствами, т. е. внечеловеческой воли, сбывающейся в человеке лишь случаем (Хайдеггер), как и концепт эпистем, определяющих способы существования в том числе биополитически в системе власть–знание. Забота о себе как внутренняя критика этой метафизики биополитического существования (Фуко) со всеми новейшими деантропологизированными техниками (Киттлер) – все это средства противодействия нигилизму, т. е. антиплатонизм, поиск не только внеуниверсального, но и доиндивидуального, движение от абстрактного к конкретному, к сложной интенциональной ткани жизненного мира, к тому, что определяет опыт.

Для Н. Федорова нигилизм не утверждается биополитикой, а если это и происходит, то только потому, что биополитика недостаточно радикальна. То есть проблема современной биополитики заключается не в том, что она биополитика, а в том, что она не в достаточной степени биополитика. Если Фуко предлагает противопоставить биополитике техники заботы о себе, т. е. в определенном смысле также радикализирует биополитику говоря о том, что она должна стать доиндивидуальной и вести к поиску своего, то Федоров полагает, что биополитика должна стать сверхуниверсальной и вести к поиску всего, но не в отвлеченном, а конкретном смысле, т. е. в смысле поиска (воскрешения!) отцов. Вместо заботы о себе Федоров говорит о работе спасения, а свое для него – все. Мышление превращается в проективное, духовное упражнение, в космическое делание, в гносеоургию, опыт же может быть понят на своем изначальном, допредикативном уровне только тогда, когда будет предельно расширен. На этом постулате будут базироваться работы Святогора, Циолковского, Вернадского, Богданова.

Культ, религия, метафизика, позитивное знание, современная техника, порожденные ею формы коммуникации (высокотехнологизированный город, сосущий жизнь как вампир, и противостоящая ему деревня как земля, все больше превращающаяся в кладбище – не в место памяти, а в хранилище ресурсов) – это единая мысль, ищущая своего начала. Но, согласно Федорову, мысль тогда перестанет пребывать в раздвоенности, когда станет делом, конкретной биополитикой. Тогда за отвлеченными началами будут увидены реальные отцы. Кто такие отцы? Согласно версии Ж. Лакана, отец фигура троякая: есть воображаемый отец как совокупность воображаемых конструкторов, есть символический отец как имя, как функция, работающая в ритуалах признания и самоидентификации, а есть реальный отец. По всей видимости Федоров в своем стремлении к конкретности говорит именно о реальных отцах и здесь проступает поразительное различие между интерпретацией понятия «отец» в дискурсе Лакана (во многом ориентировавшейся на интерпретацию «патриарха-создателя», сложившуюся в западноевропейской культуре и деконструированную в психоанализе Фрейда) и сочинениях Федорова, понимавшего «отца» в духе восточнохристианской святоотеческой традиции.

Для Лакана реальный отец – это не биологический отец, иначе отцом мог бы стать и сперматозоид, реальный отец – это тот, о ком говорят, реальный отец – это реальное языка. По

мысли Федорова, реальный отец – это тот, о ком невозможно сказать и о котором необходимо молчать, его «реальность» не отражается никаким языком, она по ту сторону языка. Когда Федоров говорит, что вместо отвлеченных начал следует искать (т. е. воскрешать) реальных отцов, это означает, что существующие функции мысли, языка, символизации недостаточны для понимания глубинных истоков существования. Необходимо выйти из тюрьмы языка и попасть в само дело. Пока мы заботимся о своем как о всем, все заботится о нас как о своем. Все – это космос, музыка, настрой, существующий до всякого слова и всякой мысли, попасть в этот настрой означает заняться самим делом и, следовательно, вернуться к отцам. То есть отцы – это все человечество во всех формах его существования и настрой, живущий в них и есть реальный космос, от которого мы закрыты исторически сложившимися структурами языка и воображения. Дело не только в том, что отцов нужно воскресить, чтобы устранить историческую несправедливость неравно распределенных во времени и пространстве благ, и конечно не в том, чтобы отправить воскрешенных отцов в космос, – дело в том, что новое человечество, будучи воскрешенным, вступает в трансисторический диалог, где смыслы, образы, тексты не ограничены своими локальными привязками. Биополитика, которую прогнозирует Федоров, является во многом политикой эмансипации не только от смерти как стихии, но и от стихийности всех явлений человеческой жизни вообще – освобождением языка и воображения, освобождением живых существ и движения планет. Все правила, которые управляли этим движением, были как бы настроением, в котором человечество жило бессознательно, выпадая из него, и только после остановки исторического времени и начала воскрешения отцов человечество сможет в это настроение попасть, оно перестанет быть для него стихией, т. е. во многом – случаем. Маркс видел в технике условие избавления от истории (или точнее, условием начала подлинно человеческих отношений). Федоров увидел в технике возможность избавления языка, образа, события, от тех связей, которые сложились без нас, но продолжают работать в нас и вместо нас. Все эти связи необходимо взять в свои руки, только тогда человек выйдет от стихии, в которую заброшен и которой чужд, к родному как вселенскому.

Возращение отцов как возвращение родного – это избавление родового от стихийного, от исторического, от культурного, это возвращение всего как такового, как самого себя и для самого себя. Задумаемся вместе с Федоровым. Человек был пленником своей культуры, своего языка, своих дел, своих близких и дальних, и только после возвращения всего, т. е. всего обилия смыслов и образов, всех контекстов и условностей в новой сверхразмерности, в космическом диалоге обнаруживается то извечное настроение, которое человека всегда вело, обнаруживается космос как настроенность у Богданова, как тон у Святогора, как сочувствие у Циолковского, как мир во всех смыслах. Образом такого космоса для Федорова, как, впрочем, и для Платона времен «Законов», был хоровод – первый ритуал, движением которого управлялись солнце и другие светила, природа обновляла себя, а отцы должны были возвращаться, пусть и только ритуально, через своеобразную евхаристию.

Миф – это форма, рожденная из ритуала, храм – память об изначальных ритуалах, т. е. сознание все больше отдалялось от истины первичного делания, которое было во многом мистическим и наименее практическим. С новейшей техникой любая практика достигает мистических масштабов, а потому становится возможным реальный контроль природы, а прообразом такого контроля выступает музей. Музей не есть просто десакрализированный храм, напротив, если и возможна память о ритуале как деле, ищущем свершения, то она возможна только в музее; если и возможно место встречи незавершенных дел, то место это –

музей; если и возможна встреча всех возможных контекстов, то место это – музей. Для современника, прошедшего «школу» Ницше, Маркса, Фрейда, музей – крайне подозрительное место. В нем можно увидеть дистопию или атопию, как например, это сделал М. Фуко, признав музей специфическим «не-местом». Можно также подумать, что музей скорее отражает современные тенденции в конфигурации прошлого, т. е. осуществляя цензуру и отбор, репрезентирует современность и ее стиль в большей степени, чем предшествующие времена во всем своеобразии их тенденций. Но Федоров полагает, что музей еще не достиг своего призвания, т. е. музей еще не отвечает своей надисторической идее. Для Федорова «музей есть собрание всего отжившего, мертвого, негодного для употребления, но именно потому что он и есть надежда века, ибо существование музея показывает, что нет дел конченных [...]». Для музея нет ничего безнадежного, «отпетого», т. е. такого, что оживить и воскресить невозможно» [2, с. 578]. Поэтому следует отличать музей как изображение от музея как дела, в последнем случае «музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц» [там же, с. 596]. То есть, музей не представляет собой современный взгляд на историю, напротив, музей – это место сворачивания-разворачивания бытия (в смысле Н. Кузанского): здесь актуально все виртуальное и виртуально все актуальное, т. е. здесь происходит встреча всех смыслов, образов, слов, записей, техник и практик. «Музей есть первая научно-художественная попытка собирания или воспитания в единство, и потому эта попытка есть дело религиозное, священное» [там же, с. 599]. В конечном счете музей – это все как свое, т. е. тотальная эмансипация стихийных образований, их деконструкция для обнаружения невыразимых отцов – тех настроений, которые всегда уже обитали в языке, т. е. в звучании до артикуляции слова, в образе до прояснения его смысла и т. д. Если реальный отец – тот, о ком невозможно сказать и на кого невозможно показать, то он и есть отец Реального – того, что в словах больше слова, в образах больше изображаемого. Таких отцов воскрешают для того, чтобы жить самим – не в контекстах, а в универсальном Событии, в исполнении человека как такового (здесь становится ясной тема «богочеловечества В. С. Соловьева). Человек как таковой должен включить в себя все эпохи, все языки, все судьбы, чтобы видеть единое, общее дело в них, затмеваемое случаем.

Несмотря на то, что анархисты-биокосмисты А. Святогор (А. Ф. Агиенко), П. И. Иванович, А. Б. Ярославский и др. отрицали свое идейное родство с Н. Федоровым, признавая его воззрение устаревшим и обремененным религиозными мотивами, они тем не менее верно угадали, что музеефикация бытия, не является его мумификацией, будучи скорее эмансипацией. Например, А. Святогор прямо определяет задачу биокосмизма – освободить слово. «Наш стиль начинается не с отдельного слова, хотя бы и художественного конкретного, но с ряда слов. Центр нашего внимания не отдельные слова, но ряды слов, не столько этимология, сколько синтаксис. И потому: творчество словесных рядов – разнообразие их сочетаний и элементов. Мы творим не образы, а организмы. [...] Мы враги всякой данной стабилизации в языке» [3, с. 163–165]. Музей с точки зрения Н. Федорова – это место встречи слов, образов, техник и даже снов, эмансипировавшихся от своего контекста. С точки зрения биокосмистов – эмансипация от контекста – дело политическое, поскольку вводит человека в новую комическую размерность. Конечно, биокосмисты обсуждали вопросы регенерации, евгеники, омолаживания, анабиоза и осуждали Федорова за недостаточность научной и технической продуманности его проекта, но в своей эмансипации слов от грамматики, а обра-

зов от господствующих моделей воображения они реализуют его мечту о музее как лаборатории общего дела и о биополитике, синтезирующей богочеловека, как человека нового, предельно расширенного опыта.

Императив бытия-в-коммуникации. Что же происходит в этой лаборатории? Федоров, Святогор, Иваницкий, Ярославский и др. здесь едины – происходит усложнение человека. История заканчивается тогда, когда все истории становятся одинаково актуальны, когда их больше не сковывает ни одна традиция, ни один контекст. И в современности эта утопия осуществилась в форме новейших цифровых технологий – поисковых систем, социальных сетей, видеоблогов и т. д. Сегодня опыт мира не представим вне посредничества компьютерных технологий: мы ориентируемся в пространстве и во времени с помощью наших гаджетов, оцениваем события, исходя из степени их представленности в социальных сетях, осуществляем поиск информации через Google, а свою эрудицию и память передоверяем Wikipedia. То есть фундаментальные связи, формирующие наш опыт, принципиально зависят от используемых нами средств. Вместе с тем наши новейшие средства вступают в противоречия с тем опытом, который был накоплен культурой и передавался социальными институтами в качестве традиции. В этом смысле мы действительно живем после конца истории, поскольку ни одна традиция в ситуации кризиса информационного перепроизводства не работает – скорость технического прогресса, изменения привычек, моды не дает положиться на силу социокультурной инерции, вынуждая изобретать новые подходы и техники работы со смыслом буквально на лету. Даже слова и образы претерпевают трансформацию. В цифровой среде и в ситуации кризиса информационного перепроизводства слова избавлены от грамматики, поскольку Google, как и любая компьютеризированная поисковая система, ищет слово скорее в контекстах. Истинный смысл слова в цифровой реальности не в его культурно-исторической эволюции, а в сумме всех возможных контекстов. Изображения также закреплены не традицией их использования, а скорее их интерпретацией в мемах, популярных Instagram-аккаунтах и т. д. События – неважно эмпирическую, нарративную или имажинативную они имеют природу в цифровом формате – освобождены от раз и навсегда утвержденного за ними смысла. Все становится как бы «плавающим», подвижным. Даже смыслы, которые претендуют на закрепление: высказывание блоггеров перед широкой аудиторией, значимое событие в сети и т. д. подвергаются атаке. Дело в том, что современный пользователь часто не имеет времени создавать что-то авторское, поскольку в высоких информационных скоростях ситуация может стремительно меняться, и поэтому присоединяется к уже существующему мнению, к уже сложившейся позиции, выступая аватаром другого. Точнее, своим присоединением к уже имеющемуся мнению, распространением уже созданного контента он создает Другого, значимую персону, и делает возможным неравенство в сети: спор онлайн-овых и оффлайн-овых, like-изоляция и repost-колонизацию. Диалектика медиа такова, что чем больше человек вовлекается в используемые им средства коммуникации, тем в большей степени он сам становится для них средством коммуникации. Не желая, чтобы медиа паразитировали на нем, пользователь сам начинает паразитировать на медиа. Пользователь видит свою свободу лишь в смещении устоявшихся кодов, в троллинге, в багах, в glitch'e – отсюда кибердивиаии, усиление процессов диссеминации и, следовательно, усиление неопределенности.

Возникает ситуация знакапокалипсиса, когда все знаки и образы культуры деактуализируются и выходят из своих контекстов, образуя спонтанные и даже карнавальные формы. Однако Facebook, Google, YouTube, Instagram – это и есть новый тип музея, который предвидел

Н. Федоров, а эмансипация образов, текстов, и событий в них подобна той, которую предвидели Святогор, Иваницкий, Ярославский и др. Все это и есть предельное усложнение человека, его расширение (вопреки известному императиву: «Я бы сузил»). Дело в том, что современный человек способен увидеть дальше и больше, чем видели люди всех иных времен и традиций. Например, современный человек видит те события и те регионы, о которых он никогда не узнал бы в силу традиционных и культурных, пространственных и временных ограничений. Более того, ему открыты все культурные времена и возможность путешествовать по ним (как в популярном формате голливудского кино, так и через реальные документы, выложенные в сети), ему открыты многочисленные мифологии, символы, ритуалы и т. д. Конечно, их мистическая сторона может быть для него закрыта (или скорее он сам закрыт для нее), но мистикой является уже то, что весь мир со всей его болью, лишениями и скорбью, со всей исторической несправедливостью, равно как и со всеми радостями, подвигами, духовными завоеваниями оказывается его миром. Современный человек, благодаря своим технологиям, знает больше и видит дальше, а следовательно, и чувственность его иная. По сути императив современного мира, который был предвиден космистами, – это бытие-в-коммуникации. Если императив исторического времени требовал умереть вовремя, в старости и пресыщенности жизнью, подготовив и освободив дорогу другим (что было явной исторической несправедливостью), то требование императива космического времени, времени бессмертия, – это открытость коммуникации возможным мирам, ушедшим мирам, будущим мирам. Вопреки нашим наивно эмпирическим установкам, выражающимся хотя бы в том, что сегодня ни у кого, ни на что не хватает времени, космисты провозглашают, что времени всегда и каждому будет хватать на все. С точки зрения современных сетей это верно, поскольку они в своих интерфейсах и функциональных возможностях позволяют делать больше и быстрее, а значит, заставляют делать больше и быстрее. То есть мы работаем в иных условиях, с иным временем, в ином пространстве, или даже с самими условиями, самим пространством и самим временем, как и предвещали космисты. Сегодня как никогда ранее важна организация отпущенных человеку ресурсов – работа с вниманием, эмоциями, чувствами, желанием, менеджмент времени, организация психосферы – всех форм эмоциональной задетости, возникающих в структурах сильных и слабых связей. И именно это позволяет сменить акцент: видеть за обусловленным условием – докультурные, надисторические, допредикативные.

Современные медиаформаты, делают ставку на допредикативный опыт, на додикурсивную коммуникацию: когда коммуникация – это скорее настроение, когда со-общество – это скорее со-чувствие. Известно, что К. Циолковский, наряду с монизмом Вселенной полагал панпсихизм, определяя все существующее как чувствующее и чувствительное. «Все чувствительно. Барометр чувствителен к давлению воздуха, термометр – к температуре, гигроскоп – к влажности; всякий мертвый прибор, всякая машина чувствительна. Даже всякий минерал чувствителен, так как отзывается, хотя и малозаметно, на влияние температуры, влажности, давления, электричества, света, окружающего вещества и т. д. Всякий камень проникается газами, жидкостями, химически изменяется, выделяет свою материю и поглощает внешнюю и т. д. Животные как машины, только более чувствительны, т. е. сильнее, заметнее, очевиднее, сложнее отвечают на внешнее воздействие сил и веществ. Вот и вся разница – она количественна, и потому, в сущности, ее нет. Мы можем только сказать с этой точки зрения, что все тела Вселенной чувствительны, вернее раздражительны, отзывчивы в большей или меньшей степени. Тут же под чувствительностью мы подразумеваем челове-

ское или животное чувство радости, боли, страдания, спокойствия, именно то, что ценнее всего для всякого существа, то, что придает цену и смысл жизни, цену космоса» [4, с. 140]. В условиях тотальности цифры космос принимает формат «общего дела», каждое глобальное событие воспринимается как сверхличный (и через него сама личность атрибутируется как сверх-) опыт переживания. Мир перестает быть продолжением взгляда и становится продолжением кожи (М. Маклюэн, Д. де Керкхов), пронизанной движениями боли и наслаждения, общими для вселенной и человека (П. Брюкнер, Н. Больц). Не только ноосферой, но и сенсоросферой. Императив бытия-в-коммуникации означает не быть безразличным, быть информационно задетым. Организованные сообщества, как они существуют в сети, способны пережить больше, чем индивид, но это ведет к коллективным способам переживания события, к новому формату работы с эмоциями, когда самое интимное становится самым публичным, а самое публичное наиболее личным. Человек двигался от инстинкта к интуиции, от рефлекса к рефлексии, и вот современные научные формы дают новые технологически организованные, т. е. опосредованные рефлексией инстинкты и рефлексы.

Чувствительность современного человека открывает его всем историям и всем мирам, существовавшим в действительности или в воображении, его опыт технологически расширен и дополнен, его реальность гибридна, а это значит, что знаки, толкующие эту реальность, больше не помогают человеку, а образы, ее демонстрирующие, больше ничего не показывают поскольку исчезают традиции, определявшие их работу. Подобно тому, как современный человек вынужден знать о большем количестве смертей, травм и трагедий, чем это было известно людям всех прежних эпох, его сознание вынужденно иметь дело с гораздо большим количеством текстов и образов, символов и смыслов, чем это было доступно ранее. Истина для него то, что прочувствовано как драма, как то, что касается самых глубин его существования. Но общность чувствительности – лишь основание общего дела, поскольку индивид в условиях организованного существования становится сообществом, т. е. всечеловеком, а со-общество есть со-чувствие, то дело должно состоять в настройке, в достижении со-настроения. В условиях медиа, когда все смыслы, чувства, аффекты, образы и т. д. освобождены от своих сред, необходимо вернуть единство среды, дать новое основание (это и будет братским состоянием). Такое основание (со-настроенность) будет возможно тогда, когда действия будут не практическими или прагматическими, т. е. лишь делающими нечто, а эпистемическими, т. е. проясняющими то, что делается. Медиа как единство средства и среды, т. е. как общее дело, есть обмен эпистемическими действиями.

Vita activa: к теории эпистемического действия. В условиях неопределенности изменений, царящих в медиа, профессиональное специализированное отношение к знакам и кодам культуры скорее препятствует пониманию складывающегося в сети и в цифре опыта, поскольку знаки сами вышли из своих границ, оказались вне себя. Следовательно, усиливается значимость депрофессионализации – непрофессионального отношения к знакам. Такое непрофессиональное отношение к знакам в ситуации технологически обусловленного кризиса информационного перепроизводства, диссеминации и тотальной профессионализации (как исторически накопленной культурной практики) делает возможным компьютерная игра. Уже Шиллер задолго до биокосмистов предвидел особую эстетическую формацию существования государства (в его философии истории третью, вслед за правовой и этической), когда вся практика человеческого сообщества будет освобождена от варварства утилитарного отношения и подчинена игре. Но, используя кантовское понятие игры (как основы любого возможно-

го искусства) и кантовский принцип эстетического переживания (целесообразность без цели), Шиллер выделил в игре лишь эстетический, но не эпистемологический уровень. В современности, когда «эстетическая формация» существования государства наступила в форме тотальности цифровой культуры (единого для всех интернет-общества), а соответствующая ей трансформация социокультурной практики предстала в виде сетевой коммуникации и новых цифровых способов взаимодействия людей друг с другом, становится понятно, что игра – это не только неутилитарная деятельность, это эпистемическая деятельность. Если практическая деятельность создает нечто и саму себя, т. е. заключается непосредственно в факте делания чего-либо исходя из ориентации на контекст, то эпистемическая деятельность состоит в факте объяснения того, что уже делается, т. е. создает контекст.

Здесь стоит вспомнить иное прочтение формулы «общего дела», сложившееся в трудах А. Богданова – проект тектологии, или всеобщей организационной науки. Проект тектологии возникает на основании проекта эмпириомонизма, согласно которому опыт психический всегда связан не столько с определенным физическим или физиологическим фактом, сколько с социальной организацией, но универсальные организационные законы шире социальных, так как управляют устройством любых сложных систем. Более того, в совокупности элементов, которое человечество станет способно организовывать посредством тектологии на всех уровнях существования, будут иметь значение не только реальные, но и идеальные, в том числе воображаемые элементы. В современности проект тектологии получил развитие не только в теории систем и кибернетике, но и в теории дизайна возможных миров. Тектология приблизилась к людологии. Для космистов освоение космоса то же, что и для современных геймеров освоение виртуальных миров. Именно в компьютерных играх сегодня наиболее актуализирована концепция «общего дела»: во-первых, общее дело стало действительно общим, поскольку именно в заинтересованном компьютерно-игровом взаимодействии, в технически обусловленных инстинктах и рефлексиях складывается тот язык, те стратегии коммуникации и интеракции, которые затем переходят в иные медиа в виде интерфейсов и правил работы с ними; во-вторых, гносеология в играх становится гносеоургией (согласно понятию Н. Федорова), а каждое действие из практического становится эпистемическим, т. е. подводит основание под то, что делается, формирует контекст; в-третьих, эпистемические действия расширяют человеческое сознание, не разум только, но и чувствительность, чувственность, воображение, не только ноосферу, но и психосферу, имагосферу, семиосферу – все сферы медиареальности. Согласно Н. Федорову, каждый становится ученым, любая работа – радостью, а самые непроизводительные излишки современных технологий используются ради общего блага. Наиболее яркий пример такого вовлечения в общее дело, в том числе и для регенерации, омолаживания, потенциального бессмертия – онлайн-головоломка о фолдинге белка, игра Foldit, разработанная в Вашингтонском университете. Большинство лучших игроков в нее не имеет биохимического образования, однако коллективное взаимодействие и интуитивные усилия, предпринятые в группах, позволили игрокам в кратчайшие сроки расшифровывать те структуры, которые ставили в тупик ученых.

Когда «органоны» – методы, инструменты, практики, подходы, техники работают так, что ясен только принцип их использования, а конечный результат, значимость применения и т. д. остаются неясны – инструменты компьютерной игры (здесь возможно использовать термин близкий к гносеоургии – агонон = агон+органон) позволяют собрать элементы антропотехник (совокупность знаний и навыков, определяющих формы человеческого суще-

ствования) в универсум с личностной размерностью и объяснить то, что собственно делается ими, т. е. осуществить перевод практического действия в эпистемическое, из производящего в объясняющее и самым объяснением утверждающее. Поппер выдвигал предположение, согласно которому нечленораздельные звуки и болтовня сопровождающая взаимодействие в группах, развиваются в потребность рассказывать истории [5, с. 124–125]. Со временем становится ясно, что событие осуществляется не в телесно-инструментальном взаимодействии: оно бестелесно и дает о себе знать в языке – в истории, в комментарии, в теории. Также и компьютерные игры, бывшие маргинальным феноменом цифровой реальности, лишь сопровождали специализированную деятельность, но в условиях тотальной целесобразности без цели, когда слова, образы, формы деятельности, техники и подходы – одним словом, традиционные антропотехники распадаются на элементы, и собрать их может компьютерно-игровой формат, поскольку компьютерно-игровое взаимодействие аккумулирует наиболее мощную эмоциональную энергию, дает наиболее интенсивные переживания, а следовательно, наиболее сильно запечатлевают события в сознании индивидов и обуславливают коммуникации внутри сообществ. Телеологическое хранится людологическим. Традиционные аналоговые игры работали с физическим ресурсом, отпущенным человеку, и традиционными культурными практиками, собирая его тело средствами культуры. Компьютерные игры работают с когнитивным ресурсом, его техническими модификациями и эпистемическими практиками, собирая сознание, адекватное цифровой эпохе, средствами технологий. Поскольку игровые тенденции характерны и для неигровых форматов, в механиках игры, в ее языке складываются формы цифрового присутствия – новейшие антропотехники.

Отцы для Федорова – символ, это нечто ответственное за все: за наше существование, мышление, воображение, желание, даже за наш язык, т. е. они до существования, до мышления, до воображения, до желания, и даже до языка. Возвращение отцов есть общее дело, поскольку это возвращение человека к человеку до языка, до мышления на уровне экзистенциальной открытости друг другу. Это означает не наготу бытия, а его полноту. Дело в том, что вся история и вся природа, все фиктивные и фактические миры сходятся в человеке, а каждый человек оказывается всечеловечеством, неся в себе все смыслы, все образы, все слова. Общее дело, космос – все оказывается человеку братским, родственным, родным. Но род, как и космос, есть задача, поиск своего в объединении всего, в избавлении от небратского состояния через достижение всего. Это все и есть дело, которое до мысли, которое уже творится как настроение (настроенность систем у Богданова во многом настроение), как тон (поэтика рядов у Святогора во многом тональность), как вселенское сочувствие у Циолковского. Русская философия в космизме открывает для себя новое понимание медиа: медиа не есть только сообщение, медиа есть сообщество, то космическое сообщество, которое как всеобщее есть до особенного и единичного. Современный человек не может потребить информацию, не участвуя в ее производстве. Он не является пассивным созерцателем, а вовлечен в *vita activa*, т. е. комментирует, распространяет, пересказывает информацию о событии – он создает мир своими действиями, чувствуя себя ответственным за него, за его судьбу.

Заключение. Русский космизм показывает, как техника неизбежно приводит к взрыву информационной сверхновой, но делает из этого позитивный вывод – в условиях пролиферации смысла возрастают парадоксы, но именно в этих парадоксах познание уступает иным формам ориентации – деланию, преобразованию, которое касается не своего, но всего. Все,

т. е. космос, если и дан, то как задача, его необходимо создать за неимением: так любое действие становится эпистемическим, оно не просто делает нечто, но проясняет то, что собственно делается. Медиа базируется на таких эпистемических действиях, и без теорий космизма медиа не понять как сообщество (хотя возможно понимать как сообщение), ведь сообщество в эпоху сверхскоростей, смен мод, идей, ориентаций должно только в своих действиях прояснять, на чем оно, собственно, базируется. Дело в том, что сообщество сегодня это скорее со-чувствие: единство имажинативного и интуитивного в большей степени чем единство концептуального и дискурсивного поля. В цифровом и сетевом взаимодействии важно не то, что делается, но то, что проясняет деятельность; важны не прагматические, а эпистемические действия. В цифровом *vita activa*, характерного для современного ноосферонавта, творится весь мир, все сообщество; происходит возврат к тому, что «до слова» и «до смысла», к настроению, и «все» оказывается «как настроенное» (эмоциональной настроенностью и имажинативной связью) «своим». Мы долгое время заботились о своем как о всем, пока все заботилось о нас как о своем (имели место химические и физические процессы, шел обмен веществ, атмосфера защищала нас от космической радиации, живые существа пребывали в симбиозе и т. д.). С точки зрения космизма наступает время заботиться о всем как о своем. И это уже происходит в современных медиа, которые формируют человека как всечеловечество, заставляя его переживать все мировые события как пропущенные через собственную кожу, а за прагматикой собственных действий видеть эпистемику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции / пер. Ю. Я. Гольдберга. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018.
2. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 575–607.
3. Святогор А. Биокосмическая поэтика // Русский космизм. Антология / сост. Б. Гройс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 163–165.
4. Циолковский К. Э. Живая Вселенная // Вопр. философии. 1992. № 6. С. 135–158.
5. Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред.–сост. Е. Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 124–125.

Информация об авторе.

Очеретяный Константин Алексеевич – кандидат философских наук (2015), преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 38 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиареальность; техническое бессознательное; эпистемология медиа; технологические и идеологические интерфейсы; экранированная чувственность, медиальная конфигурация телесности; телесно-ориентированные эпистемологии; (ир)рациональные тактики коммуникации в медиа; осетвленное сознание; герменевтические функции компьютерных игр; цифровая культура. E-mail: kocheretetyany@gmail.com

REFERENCES

1. Wootton, D. (2018), *The Invention of Science: A New History of the Scientific Revolution*, Transl. by Gol'dberg, Yu. Ya, KoLibri; Azbuka-Attikus, Moscow, Russia.
2. Fedorov, N. (1982), "Museum, it's sense and purpose", *Sochineniya*, Mysl, Moscow, Russia, pp. 575–607.

3. Svyatogor, A. (2015), "Biocosmic poethics", *Russkij kosmizm. Antologiya* [Russian cosmism. Anthology], Grojs, B. (ed.), Ad Marginem Press, Moscow, Russia, pp. 163–165.

4. Ciolkovskij, K.E. (1992), "Universe Alive", *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], no. 6, pp. 135–158.

5. Popper, K. (2012), "The evolutionary episthemology", *Evolucionnaya epistemologiya. Antologiya* [The evolutionary episthemology. Anthology], Knyazeva, E.N. (ed.), Centr gumanitarnyh iniciativ, Moscow, Russia, pp. 124–125.

Information about the author.

Konstantin A. Ocheretyany – Can. Sci. (Philosophy) (2015), Lecturer at the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. Author of 38 scientific publications. Research Interests: media reality; technical unconscious; media epistemology; technological and ideological interfaces; shielded sensuality, medial configuration of physicality; body-oriented epistemology; (ir)rational communication tactics in the media; net-consciousness; hermeneutic functions of computer games; digital culture. E-mail: kocheretetyany@gmail.com

Следствия информационно-технологических преобразований

О. В. Гуторович[✉], В. Н. Гуторович

*Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
Санкт-Петербург, Россия*

[✉]olwikgut@yandex.ru

Введение. Движущей силой развития современного общества являются информационно-технологические преобразования. Они обусловили начало качественных трансформаций не только мирового порядка, но и многих сущностных черт государства. Поэтому особую значимость приобретает исследование изменений, происходящих в сфере политической власти и государственного управления, а также классовой структуре общества.

Методология и источники. Представленные в работе выводы опираются на методологию аналитико-критического обобщения в области социальной философии, а также специальные теории и подходы, среди которых следует отметить неоинституциональный подход, теории постиндустриального и сетевого общества.

Результаты и обсуждение. Внедрение цифровых технологий оборачивается для государства двояко. Государство получает не только новые механизмы наблюдения, учета, контроля, давления, проверки населения, но и высокую степень вовлеченности граждан в процесс управления государством. Следствием высокой степени активности гражданских структур может стать децентрализация государственной власти и перераспределение властных полномочий. Существенную опасность для государства составляет и сетевая структура управления, требующая подключения к каналам информации всех ее участников. Внедрившись в управленческую среду, сетевой принцип вступит в противоречие с традиционной вертикалью власти, что неминуемо приведет к рассеиванию ее функций и размоет старые управленческие схемы. В логике развития современного информационного общества формирование и дальнейшее противостояние двух классов, которые условно могут быть названы «высшим» и «низшим» классами.

Таким образом, в ходе исследования проанализирована проблема трансформации института государства в условиях информационно-технологических преобразований, а также затронут вопрос формирования новой классовой структуры.

Заключение. Век информационных технологий не просто создает новое общество, он определяет его сущность, структуру, основные характеристики, детерминирует и задает параметры его развития.

Ключевые слова: информационно-технологические преобразования, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, государственное управление, информационные потоки, кураторская сеть, сетикет, сетевой принцип, нетократия, консьюмеризм.

Для цитирования: Гуторович О. В., Гуторович В. Н. Следствия информационно-технологических преобразований // ДИСКУРС. 2019. Т. 5. № 4. С. 42–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-42-52



Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 04.05.2019; принята после рецензирования 25.06.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Consequences of IT Transformations

Olga V. Gutorovich[✉], Valerii N. Gutorovich

*Mozhaisky Military Aerospace Academy
St Petersburg, Russia*

[✉]olwikgut@yandex.ru

Introduction. The driving force of the modern society development is information technology transformations. They determined the beginning of qualitative transformations of not only the world order, but also many essential features of the state. Because of this, the study of changes in the sphere of political power and government, as well as the class structure of society, acquires special significance.

Methodology and sources. The conclusions presented in this paper are based on the methodology of analytical and critical generalization in the field of social philosophy, as well as special theories and approaches, among which should be noted the neo-institutional approach, the theories of the post-industrial and network society.

Results and discussion. The introduction of digital technology is stacked for the state in two ways. The state receives not only new mechanisms for monitoring, accounting, control, pressure, and verification of the population, but also a high degree of citizen involvement in the state governing process. The consequence of a high degree of activity of civil structures may be the decentralization of state power and the redistribution of powers. A significant danger to the state is the network governing structure that requires all its participants to connect to the information channels. Having taken root in the governing environment, the network principle will come into conflict with the traditional chain of command, which will inevitably lead to the dispersion of its functions and blur the old governing schemes. There are the formation and further confrontation of two classes, which can be conventionally called the "higher" and "lower" classes in the logic of the development of the modern information society. Thus, in the course of the study, the problem of the transformation of the state institution in the conditions of information technology transformations was analyzed, and the issue of the formation of a new class structure was also raised.

Conclusion. The age of information technology does not just create a new society, but it determines its essence, structure, basic characteristics, determines and sets parameters of its development.

Key words: information technology, transformations, communication technologies, information society, government, information flows, curator network, network, network principle, netocracy, concourse.

For citation: Gutorovich O. V., Gutorovich V. N. Consequences of IT Transformations. DISCOURSE. 2019. vol. 5, no. 4, pp. 42–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-42-52 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 04.05. 2019; adopted after review 25.06.2019; published online 25.10.2019

Введение. Революционные изменения, произошедшие в информационных технологиях во второй половине XX – начале XXI в., привели не просто к появлению новой технологической системы, распространившейся по всему миру, а существенно ускорили процесс трансформации всех сфер жизни общества. Информационные технологии взяли на себя ключевую роль в определении сущности современного общества. Наблюдается сложнейшее взаимодействие между технологией, обществом, культурой, экономикой и политикой. Мир стремительно меняется, неслучайно анализ этих изменений вызывает постановку целого ряда вопросов. Каким будет государство? Изменится ли политическая сфера, и какая судьба уготовлена политикам? Что произойдет с системой образования? Каким образом будет формироваться потребительское поведение? К чему приведет система коммуникации, основанная на цифровых технологиях? Повлияет ли высокая технологичность общества на социальную структуру, рынок труда, породит ли социальные катаклизмы? Какие науки окажутся востребованными? Изменится ли сам человек и его представления о мире? Эти вопросы по-прежнему остаются открытыми.

В статье затронуты две проблемы: как информационно-технологические преобразования отразятся на государстве, его устройстве и функционировании, и приведут ли они к формированию новой классовой структуры?

Актуальность исследования определяется тем, что современные преобразования общества, вызванные широким использованием информационных технологий в процессах взаимодействия государства и общества, обусловили начало качественных трансформаций не только мирового порядка, но и многих сущностных черт государства, а также средств и способов организации политической власти и государственного управления, содействуют формированию новой классовой структуры.

В ходе исследования авторы опираются на исследование испанского социолога М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» (М.: ГУ ВШЭ, 2000), изучавшего современный этап общественного развития в рамках логики концепции постиндустриального общества, и на работу шведских авторов А. Барда и Я. Зондерквиста «Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» (СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004), представивших радикальный взгляд на трансформацию властных отношений в условиях сетевого общества. Выбор первой работы объясняется тем, что теория сетей и сетевого общества М. Кастельса позволяет оценить последствия информационно-технологической революции, а интерес ко второй работе определяется ее достаточно смелыми футуристическими предсказаниями относительно будущего развития института государства.

Методология и источники. Представленные в работе выводы опираются на методологию аналитико-критического обобщения в области социальной философии. Данная методология предполагает использование общенаучных методов, среди которых большую роль играет гипотетико-дедуктивный метод, а также специальные теории и подходы: неоинституциональный подход, теории постиндустриального и сетевого общества. Опираясь на неоинституциональный подход, авторы принимают позицию, в соответствии с которой социальные институты не только имеют значение, но и поддаются исследованию. Теория постиндустриального общества способствует пониманию направления и хода общественного развития, его связи с научно-техническим прогрессом и глобализацией. В качестве ключевой концепции использована теория сетевого общества М. Кастельса, позволяющая

определять состояние всех институтов современного общества, а также диагностировать вызовы со стороны различных подсистем общества.

Результаты и обсуждение. Изложение результатов исследования целесообразно начать с классического определения понятия «государство», от которого необходимо оттолкнуться в своих рассуждениях. В рамках этого определения государство рассматривается как особая организация политической власти, обладающая аппаратом управления обществом и аппаратом принуждения. Государство отвечает за свой народ, обеспечивая ему суверенность и предоставляя необходимые условия для развития экономической, политической, социальной и духовной сфер жизни. В отлаженном государстве без перебоя работают законодательная система, система налогообложения, полиция, суды, армия и т. д.

Доминантной современной развития государства следует рассматривать информационно-коммуникативные технологии, о которых еще в «Окинавской хартии» от 22 июля 2000 г. говорилось, что они «являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века» [1]. При этом необходимо понимать, что использование информационных технологий вносит поправки в систему государственного управления. Это чревато не только положительными дивидендами, но и всевозможными рисками.

В качестве положительного примера можно было бы рассмотреть идею «электронного правительства», рожденную в 90-е гг. XX в. в США. Внедрение этой идеи в практику государства преследует благие цели. Во-первых, предоставление населению широкого спектра государственных услуг посредством создания сайта государственных органов. Решение поставленной задачи ведет к минимизации временных затрат граждан на оформление документов, регистрацию, получение всевозможных справок, выписок и т. д. Во-вторых, реализация этой идеи способствует качественному улучшению государственного менеджмента через посредство информационных технологий, проведение в жизнь идеи диалогового взаимодействия государства и населения с помощью сети Интернет для корректирования своей собственной деятельности.

Анализируя последствия внедрения в жизнь общества информационно-коммуникационной системы, мы все больше понимаем, что у граждан с помощью новых технологических и информационно-коммуникативных решений появляется возможность вмешиваться в дела управления государственной машиной. Гражданин может высказывать свое мнение или предлагать свое решение наболевших проблем, оказывать давление на властвующие структуры в принятии тех или иных решений, – все это не является фантазией, скорее, к этому следует относиться как к реалиям сегодняшнего дня.

Однако очевидно и то, что современные технологии могут использоваться для внесения в устойчивое состояние государства различных деструктивных моментов. К непредсказуемым политическим последствиям может привести отсутствие контроля над информационными потоками. Некорректная или ложная информация способна посеять в обществе панику, привести к неадекватным реакциям. В связи с этим не удивляет возрастание значимости в государственных структурах Паблик Рилейшнз или появление отделов по связям с общественностью, а также ориентация на изучение методов и механизмов PR-технологий. Государственные структуры вынуждены овладевать информационным пространством.

По сути внедрение цифровых технологий оборачивается для государства двояко. С одной стороны, государство получает новые механизмы наблюдения, учета, контроля, давления, проверки населения, с другой – государству и правительственным структурам прихо-

дится подстраиваться под высокую степень вовлеченности граждан в процесс управления государством. Следствием высокой степени активности гражданских структур может стать децентрализация государственной власти и перераспределение властных полномочий. В этой ситуации жизнеспособность государства напрямую зависит от сговорчивости, лояльности и умения государственных политиков меняться и лавировать в новых условиях.

Существуют достаточно категоричные прогнозы. Так, по мнению шведского писателя Я. Зондерквиста, роль верховной власти может быть утрачена государством, с большой вероятностью его «сможет заменить кураторская сеть» [2, с. 154]. Здесь необходимо пояснение.

Цифровые технологии порождают такое явление, как сеть. Факт, с которым трудно спорить и с которым необходимо считаться хотя бы потому, что даже небольшая сеть обладает уникальными возможностями, позволяющими поставить на колени всех сопричастных этой сети. Не углубляясь в дебри теории сетевых технологий, сеть можно определить как систему, обеспечивающую обмен данными между пользователями с помощью различных технологических устройств (компьютеры, маршрутизаторы, серверы и т. д.).

Сетевая организация меняет принципы социального устройства. Входя в сеть, человек получает возможность неограниченного самовыражения и свободы, нажатие кнопки мыши открывает для него невиданные ранее информационные просторы. Обладать нужной информацией, вовремя ее обрабатывать и реагировать на нее – это тот дар, который страшит государственные головы, грозя государству драматическими потрясениями. Если общество будет выстроено в соответствии с принципом сетевой пирамиды, тогда мы вправе ожидать появление сетей разного порядка от низшего до высшего уровня. Сети низшего порядка допускают участие большинства населения страны, региона или конкретного общества. Любой желающий может попасть в эту сеть. Назначение ее примитивно – удовлетворение потребностей населения, регулируемое свыше, например, с помощью рекламы. Над этой сетью в иерархическом порядке выстраиваются сети иного порядка, увеличивающие свою власть с каждой новой ступенью, управляющие нижестоящими сетями, контролирующие их, обладающие все большим и большим объемом знаний и уникальной информации. Кураторская сеть – это пирамидальная верхушка, в «руках» которой возможно сосредоточение власти, информации, знаний и связей высшего порядка. В основу подобного общественного устройства будет заложено членство в сетях. Такой сценарий развития общества предполагает, что функции верховной государственной власти могут перейти к кураторской сети.

Следует обратить внимание и на тот факт, насколько основательно любая сетевая структура выстраивает отношения внутри себя, как четко прописывает те нормы и границы, за которые члены сети не могут выйти, не пострадав за свою излишнюю самостоятельность и не подвергнувшись исключению из сети. Вступая в сетевое сообщество, человек по умолчанию соглашается с правилами его игры, с внутренним этикетом, т. е., «сети-кетом» [2, с. 154]. Нарушение правил сети лишает девианта или возмутителя спокойствия возможности входить в нее.

Насколько такой прогноз оправдан? На данный момент можно констатировать, что в государстве информационного типа постепенно закрепляется иной принцип управления: на смену традиционному иерархическому принципу управления административными структурами приходит сетевой принцип. Признаком сетевого принципа государственного управления является частичная замена вертикальных связей на горизонтальные, следствием чего выступает конструктивное взаимодействие равноправных участников аппарата

управления. Реализация связей подобного типа, предполагающих чрезмерную степень сложности, требует от управленцев высокой корпоративной культуры. Положение служащих характеризуется одновременно независимостью и ангажированностью. Императивом для них становятся информированность и лояльность. Меняется суть рабочих связей – они гибкие, отвечают конкретной ситуации, существуют временно, так как выстроены для решения конкретного проекта или задачи. Возможности сотрудничества расширяются, сетевая структура управления требует подключения к каналам информации всех ее участников. Внедрившись в управленческую среду, сетевой принцип вступит в противоречие с традиционной вертикалью власти. Сеть, стремящаяся изначально к неограниченному расширению и включению в свой состав новых акторов, неминуемо приведет к децентрализации, рассеиванию функций, силы, власти, размоет старые управленческие схемы.

Рассуждая на тему, как информационно-технологический процесс сказывается на развитии государства, отметим, что развитие новых технологий рассматривается в качестве ведущего фактора процесса глобализации. В этой связи совсем фантастично выглядит прогноз Я. Зондерквиста, в соответствии с которым при распространении явления глобализации государство изживет себя, и вопросы, связанные с безопасностью, финансированием, экономическим развитием, будут переданы наднациональным органам. Пользуясь терминологией М. Маклюэна, «глобальная деревня» должна рассматривать государство как нечто иррациональное, препятствующее свободному передвижению внутри данного пространства. С точки же зрения Я. Зондерквиста, государственный национализм – «постыдная болезнь, от которой давно пора излечиться», «вид эпидемии, иллюзия, бороться с которой – акт милосердия» [2, с. 130].

Имеют ли под собой основание такие выводы? Уже сейчас констатируется появление поистине глобальной системы, объединяющей экономики и культуры разных стран. Глобальность обеспечена транснациональным характером не только промышленных корпораций, но и сферы услуг, обмена профессиональными кадрами и студентами, движением в защиту прав человека, наконец, всемирной компьютерной сетью. Геополитическое воображение трансформировалось, эволюционируя от картины, делившей мир на конкретные территориальные единицы и идеологические блоки, в сторону восприятия мира как единого целого. При этом нельзя не отметить, что глобализация – изначально противоречивое явление. Остановимся бегло на ее характерных чертах.

Вследствие глобализации усиливается роль транснациональных компаний. Такие компании могут распространять свою хозяйственную деятельность на несколько стран, при этом по месту приложения своей деятельности они носят межнациональный характер, но по сосредоточению капитала всегда остаются национальными. Другим признаком глобализации является рост мегаполисов. Крупнейшие города с развитой инфраструктурой, представляющие собой центры политического, культурного, технологического и экономического развития, в реальности порождают массу негативных тенденций. Среди них расслоение общества, перенаселенность, рост преступности, отсутствие должного социального контроля, потеря национальной идентичности. Минусы просматриваются и при анализе таких важнейших черт глобализации, как стандартизация промышленной продукции и унификация отчетности, документации, законодательства и т. п. Развитие стандартизации и унификации оборачивается формализацией и бюрократизацией для любой деятельности, т. е. снижением креативности, ограничением творческого подхода, потерей гибкости, снижением мотивации субъекта дея-

тельности. Глобализация меняет массовое сознание, прибегая к различным манипуляциям, нивелируя личность, вмешиваясь в адекватное восприятие человеком реальности в масштабах планеты. Для многих людей и народов глобализация становится источником деградации, оборачивается потерей жизненных смыслов, ведет к беспрецедентному расслоению общества на богатых и бедных и появлению глобальной элиты, предполагает столкновение локальных культур. Дж. Сорос пишет: «Глобальная капиталистическая система поставила страны мира в неравные условия. Пропасть между богатыми и бедными расширяется. А система, не дающая никакой надежды и не поддерживающая проигравших, толкает их на совершение деструктивных поступков, продиктованных отчаянием, и потому рискует быть подорванной изнутри» [3, с. 2]. При таком сценарии развития общества вряд ли можно согласиться с Я. Зондерквистом относительно судьбы государственной машины.

Тем не менее кризисность развития государства отрицать не приходится. Можно согласиться с М. Кастельсом, утверждавшим, что сегодня мы не можем рассматривать «национальное государство как уверенную единицу» [4, с. 501]. Шаткость положения государства связана в первую очередь с его неспособностью полностью реализовать свои фундаментальные обещания по преобразованию общества в общество всеобщего благоденствия, с кризисом той формы политической демократии, которая выстраивалась на протяжении двухсот лет. Невыполнение государством собственных обязательств ставит под сомнение его власть и легитимность.

Рассуждая о проблемах, с которыми столкнулось государство вследствие активного развития информационных технологий, следует обратить внимание на последствия всеобщей доступности информационных технологий. Д. Белл в свое время отмечал, что популяризация, достигаемость информационных технологий рождает ложное представление о невероятной демократичности информационного государства и общества [5]. Тем не менее, если оценивать информацию в качестве управленческого ресурса, следует подчеркнуть характерную для нее двойственность. С одной стороны, она является мощным источником власти, с другой стороны, наименее демократичным фактором управления.

Не секрет, что информации присуща селективность и избирательность. Именно это свойство позволяет обладателю информации получить неограниченную власть. Следовательно, все те, кому в силу личностных особенностей или жизненных обстоятельств не удалось получить хорошее образование, кто не обладает отличной памятью, вниманием, высоким коэффициентом интеллекта имеют ограниченный доступ к информации и власти. Власть в информационном государстве ассоциируется с интеллектуалами, которые обладают высокопрофессиональными, глубокими и обширными знаниями. Круг таких людей ограничен.

Это всего лишь логические допущения, из которых следуют другие выводы, не менее важные для понимания будущего развития общества и государства. В частности, речь может идти о рождении и дальнейшем противостоянии двух классов, которые условно могут быть названы «высшим» и «низшим». Один состоит из обладателей не только высокого интеллекта и знаний, но и имеющих значительное состояние. Другой формируется из менее успешных, менее знающих, менее состоятельных членов общества.

«Высший» класс – это класс интеллектуалов, властвующая элита общества. Именно с ними ассоциируется реальная власть, управление государством и возможность принимать стратегические решения. Я. Зондерквист называет их «нетократами». Для них знание – это «валюта, топливо, адреналин» [2, с. 8].

Нетократия, обладающая эксклюзивной информацией и внушительным капиталом, будет единолично принимать решения по поводу использования ресурсов любого типа. Единственное, что может принимать вид дилеммы у нетократов – это вопрос выбора между стратегией неограниченного доступа и стратегией эксклюзивного использования при определении судьбы ресурсов. Решение нетократов может быть сопряжено как с инвестициями в проект с последующим извлечением выгоды из этого, так и сохранением эксклюзивности и секретности, а следовательно, сознательным ограничением доступа к тем или иным ресурсам. Особенность формирующегося «высшего» класса в том, что он может предпочесть не капитал, а стратегию эксклюзивного доступа.

Мы вправе ожидать, что, объединившись в замкнутое сообщество, нетократы создадут свою субкультуру. Попасть в такое сообщество крайне сложно. Для сохранения своей уникальности ими будет разработана «совокупность правил и культурных кодов» [4, с. 389], как отмечает М. Кастельс. Эти правила и коды позволят им не только понимать друг друга, но и определять границы своего мира. Это своеобразная сегрегация, достигающаяся тщательной изоляцией и охраной своего пространства работы и отдыха от демократических тенденций и институтов общества. Принципом существования настоящего нетократа должна стать недоступность для широкой публики.

Кроме того, признаками элитарного класса информационного общества выступают его космополитичность и унифицированность. Не секрет, что власть и возможности, открывающиеся благодаря богатству, делают доступным для тебя весь мир. Локальность же и национальность – это признаки народов, черты «низшего» класса. Что же касается унифицированности, то она проявляется в стремлении к единому стилю жизни и даже дизайну личного пространства. Как следствие, мы наблюдаем схожие интерьеры, одежду, диеты, стандартные приемы гостей и взаимные приглашения. «Все это символы интернациональной культуры, идентичность которых связана не с каким-либо специфическим обществом, но с принадлежностью к управленческим кругам информационной экономики, игнорирующим глобальное культурное разнообразие» [4, с. 389].

Характеристика «низшего» класса информационного общества предполагает анализ его интерактивности. Она может быть сведена к использованию программы Word, к возможности выйти на «горячую линию» какой-то новостной программы, к общению в чате. Последнее не является случайностью, так как в приоритете горизонтальные сетевые контакты. Взаимодействие по вертикали ограничено официальным характером при сохранении довольно существенной межличностной дистанции. Нельзя утверждать, что люди данного класса обращаются к сложному типу информации – ими преимущественно используется обыденная новостная, рекламная, спортивная, а не художественная или социально-политическая информация.

Описывая «низший» класс, не стоит представлять себе людей исключительно с низким уровнем образования, дохода, не имеющих собственности, не интересующихся публичной социальной жизнью. Иными словами, низы не состоят из простых работников или деклассированных элементов, перед нами «физические» работники, которые нашли себя в сфере услуг или в обслуживании сложнейшей аппаратуры. Новая эпоха производит на свет новый класс «проигравших» с несвойственными ранее для «низшего» класса чертами.

Этот класс погружен в туман бесконечного количества информации, в котором невозможно разглядеть знание. Его функциональность не сводится к сырьевому значению, его

нельзя рассматривать в качестве затратной статьи для владельцев предприятий, он приобретает иной статус – статус производителя-потребителя с акцентом на последнее. «Его роль в производственных процессах вспомогательная, а процесс потребления продуктов производства регулируется свыше» [1, с. 90]. Пользуясь терминологией Я. Зондерквиста, мы вправе ожидать появления консьюмерариата.

Таким образом, значение научных результатов проведенного исследования состоит в том, что в нем проанализирована проблема трансформации института государства в условиях информационно-технологических преобразований, а также затронут вопрос формирования новой классовой структуры. В ходе исследования авторы подчеркнули, что информационно-технологическая парадигма, укореняющаяся в обществе, привела в движение механизмы развития не только экономической сферы. Она превратилась в детерминанту общественно-политического развития. Отрицать этот факт в современных условиях не приходится.

Очевидно, что сетевое общество высоких технологий предполагает внедрение сетевого принципа государственного управления, однако, вряд ли это приведет к размыванию границ государства и его суверенности. Более перспективной является точка зрения, что в условиях сетевого общества будет разработана и применена на практике сетевая координационная модель управления, актуализирующая координирующую функцию государства и ориентирующую на «со-участие» в управлении максимально широкого круга акторов. По-видимому, такая модель государственного управления должна стремиться нивелировать и существенные различия между элементами классовой структуры общества, воспитывая и занимаясь образованием всех «со-участников» управления государственной машиной. Но этот всего лишь предположение, возможный вариант развития общества.

Закключение. Подводя итоги всему сказанному, отметим, что информационно-технологические преобразования способствуют трансформации всех сфер современного общества. Не случайно новый этап общественного развития получил в научной литературе название «информационное общество». Информационно-коммуникативные технологии меняют в первую очередь сущность экономики и деловую сферу, но параллельно с этими изменениями наблюдаются и перемены в сфере социального обслуживания, в сфере образования и медицины, в области культуры и искусства, наконец, в системе государственного управления. Производимые в настоящее время современные информационные технологии доступны большинству организаций, групп и членов общества. Такая возможность способствует увеличению информированности общества, возрастанию потока знаний. Свобода информации выдвигает новые требования и к государственной системе, которая вынуждена внедрять новые технологии управления. Поэтому неслучайными представляются идеи электронного правительства и электронного государства. Следствием развития этих идей становится автоматизация сферы государственного управления, расширение услуг, которые она оказывает населению, а также эффективность ее работы. Свобода доступа к государственной информации способствует росту гражданской активности, обеспечивает расширение прав граждан, актуализирует идею самоуправления.

Несмотря на множество положительных моментов, связанных с информационно-технологическими преобразованиями, объективно существуют и риски информационного общества. Во многом эти риски объясняются присущей информационному обществу динамичностью. Его признаком выступают постоянные изменения, поэтому роскошь стабильности уходит на второй план. Так, государственное управление сталкивается с боль-

шим объемом информации: ежеминутно производится огромное количество статистической информации, нормативных актов, документов, деклараций, отчетов, которые государственные структуры не в состоянии переработать. Это существенно затрудняет процесс принятия решений, оперативное управление. Перед нами проблема информационного загрязнения управленческой среды.

Опасность заключается и в дифференцированности информации, вследствие чего полный объем информации доступен далеко не всем управленческим структурам, и поставить ее на службу интересам общества не всегда представляется возможным. Кроме того, неконтролируемые потоки информации способны нанести вред основам государства. Речь может идти о политической дезинформации, ложных призывах, об информации, способной расшатать устоявшуюся политическую систему.

Несмотря на точку зрения, предложенную авторами в разделе «Обсуждение» относительно нивелирования существенных различий между элементами классовой структуры общества, не стоит говорить о социальном равенстве как признаке информационного общества. Оно его не знает. Предпочтение будет отдаваться амбициям, интересам, стратегиям, ценностям «высшего» класса. Информационно-технологическое развитие, движущее общество, предоставляет немислимые рычаги влияния прежде всего тем, кто принадлежит к данному классу.

Таким образом, сегодня мы вправе утверждать, что век информационных технологий не просто создает новое общество, он определяет его сущность, структуру, основные характеристики, детерминирует и задает параметры его развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Окинавская хартия Глобального информационного общества // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 10.02.2019).
2. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер. В. Мишучкова. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
3. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца. М.: ИНФРА-М, 1999.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер., науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
5. Студиопедия. Информационное государство. URL: https://studopedia.su/4_38119_informatsionnoe-gosudarstvo.html (дата обращения: 10.03.2019).

Информация об авторах.

Гуторович Ольга Викторовна – кандидат философских наук (2002), доцент (2016), доцент кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского, Ждановская ул., д. 13, Санкт-Петербург, 197082, Россия. Автор 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки и техники, философия войны и мира, философия образования. E-mail: olwikgut@yandex.ru

Гуторович Валерий Николаевич – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского, Ждановская ул., д. 13, Санкт-Петербург, 197082, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, научная рациональность, эволюционная эпистемология, философия образования. E-mail: valgut@yandex.ru

REFERENCES

1. Okinawa Charter on Global Information Society (2000), "Official Internet Resources of the President of Russia", available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (accessed 10.02.2019).
2. Bard, A. and Zoderkvist, Ya. (2004), *Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism*, Transl. by Mishuchkov V, Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, SPb., Russia.
3. Soros, G. (1999), *The crisis of world capitalism. Open society Endangered*, Transl. by Umrikhina, S.K. and Shterngarts, M.Z., INFRA-M, Moscow, Russia.
4. Castells, M. (2000), *The information age: Economy, Society and Culture*, Transl. by Shkaratan, O.I. (ed.), Higher School of Economics, Moscow, Russia.
5. Studiopediya. *Informatsionnoe gosudarstvo* [Information State], (2019), available at: https://studopedia.su/4_38119_informatsionnoe-gosudarstvo.html (accessed 10.03.2019).

Information about the authors.

Olga V. Gutorovich – Can. Sci. (Philosophy) (2002), Docent (2016), Associate Professor at the Department of History and Philosophy, Mozhaisky Military Aerospace Academy, 13 Zhdanovskaya str., St Petersburg 197082, Russia. The author of 50 scientific publications. Areas of expertise: philosophy of science, scientific rationality, evolutionary epistemology, philosophy of education. E-mail: olwikgut@yandex.ru

Valerii N. Gutorovich – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Associate Professor at the Department of Social and Economic Disciplines, Mozhaisky Military Aerospace Academy, 13 Zhdanovskaya str., St Petersburg 197082, Russia. The author of 15 scientific publications. Areas of expertise: philosophy of science, scientific rationality, evolutionary epistemology, philosophy of education. E-mail: valgut@yandex.ru

Социальный портрет современного студента

О. В. Ярмак^{1✉}, П. П. Дерюгин², В. Е. Ярмак²

¹Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
✉sociocentre@sevsu.ru

Введение. Социологические исследования социального портрета студенчества – актуальная проблема науки, приобретающая в последнее время особое значение для российских условий. Обусловлено это теми обстоятельствами, которые, с одной стороны, вытекают из особых характеристик студенчества как специфической социальной группы, для которой особенно актуальны проблемы успешной социализации, а с другой, продиктованы существенной зависимостью студенческой молодежи от факторов, которые формируются в политическом, экономическом и правовом пространстве различных регионов. В условиях социальных трансформаций и турбулентности практически всегда студенческая молодежь оказывается в более сложной ситуации, чем старшие поколения. В частности, целый ряд проблем возникает вследствие расхождений и нюансов социального восприятия действительности, которые складываются у студентов, в различной степени адаптированных к местным условиям нахождения вуза.

Методология и источники. Теоретический фундамент исследования составляют концепция молодежи как культурной группы, методология социологического исследования риска и социальной неопределенности, работы зарубежных и отечественных исследователей студенческой молодежи, в которых отражены различные аспекты социальной жизни студентов, в частности, итоги изучения влияния социальных факторов информационного пространства, новых феноменов молодежных субкультур и пр., что предполагает разработку новых стратегий социологического исследования социального портрета студенческой молодежи.

Результаты и обсуждение. Особые проблемы социализации студентов возникают в тех регионах страны, где складываются новые правовые и политические реалии. В сравнении с другими социальными группами в таких социальных пространствах молодым людям сложнее интегрироваться, включиться в новую действительность, так как привычные механизмы социализации, сформированные ранее, уже не работают, а как реализовать себя в новом социальном пространстве, не всем еще понятно. В частности, такие противоречия отчетливо видны в крымских реалиях, в университетской среде г. Севастополя. Цель социологического исследования, проведенного Центром социологических исследований СевГУ, состояла в изучении характеристик социального портрета студенческой молодежи Севастополя, в том числе по времени пребывания на полуострове различных групп студенчества. Для этого в рамках анализа выделены две группы молодежи, отличающиеся по периоду проживания в Сева-

стополе: «коренная» – те, кто живет в Севастополе с рождения или переехал сюда в раннем возрасте, и «новая» – те, кто переехал в Севастополь после 2014 г. Результаты исследования позволили определить стратегические жизненные цели студенческой молодежи вуза, которые можно охарактеризовать как амбициозные: открытие собственного дела, приобретение автомобиля и жилья, обеспечение материального достатка, достижение карьерных успехов и самореализации.

Заключение. Большинство «коренной» молодежи и «новые» жители южной столицы России продемонстрировали отношение к Севастополю как к городу, который хочется вместе развивать. Данный факт был оценен как феномен социальной благодарности: молодое поколение, нашедшее в Севастополе возможность мирно жить и самореализовываться, связывает себя с городом, желая сделать его лучше. Проведенное исследование также подтверждает актуальность выделения среди студентов социально-демографических групп, отличающихся особенностями восприятия социальной реальности, обусловленными временем пребывания в данной социальной среде. В частности, это отмечается в более высокой степени готовности «старожилов» к практическому участию в изменениях социальной действительности – участию в общественной жизни, волонтерстве и пр.

Ключевые слова: молодежь, жизненные цели, ценности.

Для цитирования: Ярмек О. В., Дерюгин П. П., Ярмек В. Е. Социальный портрет современного студента // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 53–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.04.2019; принята после рецензирования 12.04.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Social Portrait of a Modern Student

Olga V. Yarmak^{1✉}, Pavel P. Deryugin², Veronika E. Yarmak²

¹Sevastopol State University
Sevastopol, Russia

²Saint Petersburg State University
St Petersburg, Russia

✉sociocentre@sevsu.ru

Introduction. Sociological studies of the social portrait of students are an urgent problem of science, which has recently acquired special significance in Russian conditions. This is due to those circumstances, which, on the one hand, follow from the special characteristics of students as a specific social group, for which the problems of successful socialization are especially relevant, and on the other, they are dictated by the significant dependence of students on those factors that are formed in the political, economic and the legal space of different regions. In conditions of social transformations and turbulence, almost always young students find themselves in a more difficult situation than older generations. In particular, a number of problems arise on the basis of the divergences and nuances of the social perception of reality, which are formed among students who, to varying degrees, are adapted to the local conditions of the university.

Methodology and sources. The theoretical foundation of the study is the concept of youth as a cultural group, the methodology of sociological research of risk and social uncertainty, the works of foreign and national researchers of student youth, which reflect various aspects of students' social life, in particular, the results of a study of the effects of

social factors in the information space, new phenomena of youth subcultures, etc., which involve the development of new strategies for a sociological study of the social portrait of young students.

Results and discussion. Particular problems of students' socialization arise in those regions of the country where new legal and political realities are forming. Compared with other social groups, in such social spaces, it is more difficult for young people to integrate and join in a new reality, because the usual mechanisms of socialization, formed earlier, are not actual now, and how to achieve full potential in the new social space is not yet clear to everyone. In particular, such contradictions are clearly visible in the Crimean realities, in the university community of Sevastopol. The purpose of the sociological research conducted by the Centre for Sociological Research of Sevastopol State University was to study the characteristics of the social portrait of student youth in Sevastopol, including those representing various groups of students according the period of their residence on the peninsula. For this purpose, two groups of young people were distinguished in the analysis, differing by the period of their residence in Sevastopol: an "indigenous" one – those who live in Sevastopol from birth or moved here at an early age, and a "new" one – those who moved to Sevastopol after 2014. The results of the study made it possible to determine the strategic life goals of university students, which can be described as ambitious: starting a business, acquiring a car and housing, providing material wealth, pursuing career success and self-realization.

Conclusion. Most of the "indigenous" youth and "new" residents of the southern capital of Russia have shown their attitude to Sevastopol as a city that they want to develop together. This fact was assessed as a phenomenon of social gratitude: the young generation, who found in Sevastopol the opportunity to live peacefully and fulfill itself, binds itself to the city, but wants to make it better. The study also confirms the relevance of highlighting among students social and demographic groups that differ in the perception of social reality, due to the time spent in this social environment. In particular, this is noted in a higher degree of readiness of "old-timers" for practical participation in changes in social reality – participation in public life, volunteering, etc.

Key words: youth, life goals, values.

For citation: Yarmak O. V., Deryugin P. P., Yarmak V. E. Social Portrait of a Modern Student. DISCOURSE. 2019. Vol. 5, no. 4, pp. 53–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.04.2019; adopted after review 12.04.2019; published online 25.10.2019

Введение. При кажущейся однородности социальный портрет современного студента – это портрет молодежи, представляющий различные социально-демографические группы, различные вкусы, интересы, потребности и ценностные ориентации. Оснований для формирования таких различий множество, и поэтому постоянный анализ социальных, экономических, культурных, политических и иных факторов, которые определяют мир ценностей студенчества, составляет неизменный интерес для социологии. Здесь очевиден не только научный, но и прагматический интерес. Студенческая молодежь представляет социальный потенциал общества, его будущую элиту. Что касается российских условий, то на судьбы современного студенчества выпало множество трагических событий, сопровождавших слом социально-экономической системы и формирование новых условий ее взросления и социализации. Студенчество современного российского общества представляет собой людей новой (посткоммунистической) формации, которые обладают особыми

ценностями и выстраивают жизненные стратегии, ориентированные на новые социальные и экономические цели.

Исследователи фиксируют некоторые устойчивые тренды социального портрета современного студенчества. Прежде всего это принципиальная смена самой парадигмы социального становления студенчества, его культурного, морального, идеологического наполнения. Далее это устойчивое стремление к получению высшего образования, ориентированного на прагматический интерес в предстоящей деятельности и профессии; трансформации представлений о гендерных различиях в профессиях, стирание этих граней, например, в экономических и технических сферах деятельности. Целый ряд проблем порожден особенностями получения высшего образования студентами в городских и сельских условиях. Социальную остроту приобретают проблемы образования детей в среде богатых и бедных, выходцев из семей крестьян, рабочих, интеллигенции.

Новые проблемы ценностных ориентаций студенчества, возникающих в условиях современной России, могут составить довольно длинный перечень. Должного внимания заслуживает исследование последствий информатизации. В современном мире под воздействием развития новых информационных технологий и средств коммуникаций, новых картин мира, условий социальной повседневности происходят постоянные трансформации в ценностно-смысловых конструкциях молодежи. Именно в такие периоды социальная субъектность молодого поколения проявляется наиболее полно, и эти проявления оказываются существенными при формировании новых тенденций портрета студенчества. В такие периоды новые социальные условия, реакция молодых людей на события экономической и политической жизни озадачивают власть и экспертные сообщества, связанные с исследованиями молодежи. Не учитывать, не исследовать эти изменения нельзя, что само по себе грозит не только напряженностью и конфликтами поколений, но и политической нестабильностью и социальной дезориентацией общества.

Особо актуальными в системе ценностей студенческой молодежи становятся изменения, происходящие на фоне резких трансформаций социально-политической сферы общественной жизни. В частности, таких, которые наблюдаются в Крыму. Воссоединение Крыма и России актуализировало вопросы изучения социального портрета молодого поколения севастопольцев, поскольку их установки формировались в различных общественных средах: частично в украинский период и сейчас, в новых исторических условиях, – в Российской Федерации. Этот процесс решающим образом влияет на социальный портрет молодого севастопольца, на его сознание, систему смыслов и ценностей, отношение к себе и своему поколению.

Методология и источники. Теоретический фундамент данного исследования составляют концепция молодежи как культурной группы (Э. Шпрангер, Р. Бенедикт, Б. Малиновский, М. Мид, Дж. Г. Мид и др.). Для нашего анализа социального портрета молодежи в трансформационных условиях ценна сформированная М. Мид идея о том, что в определенные эпохи путь передачи культурных кодов от старших поколений младшим может смениться равенством поколений, когда для достижения жизненного успеха молодые не могут опираться на опыт старших и, напротив, старшие нуждаются в знании молодых и их видении мира, прислушиваются к молодежи [1].

Отдельный научный интерес для нашего исследования составляет методология социологического исследования риска и социальной неопределенности (У. Бек [2], [3],

Э. Гидденс [4], [5], Н. Луман [6]). Коллаборация тематик общества риска и социального развития молодежи позволяет использовать рискологическую концепцию молодежи, открывающую перспективы понимания современных социальных феноменов и процессов при формировании социального портрета молодого поколения.

В рамках нашего исследования мы обращались к работам отечественных исследователей молодежи М. К. Горшкова, Ю. А. Зубок, И. М. Ильинского, А. И. Ковалевой, В. А. Лукова, Е. Л. Омельченко, В. И. Чупрова, Ф. Э. Шереги. Наиболее крупной публикацией, ориентированной на теоретико-методологический подход структурного функционализма, является исследование М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет» [7]. В ряде последних научных работ более масштабно представлено осмысление эмпирического материала, использованного при разработке программы исследования, отразившего новые аспекты социальной жизни молодежи, в частности, итоги изучения рисков, которым подвержены новые поколения [8], новых феноменов молодежных субкультур.

Результаты и обсуждение. Цель исследования состояла в изучении социального портрета молодежи города Севастополя; была раскрыта через решение следующих задач:

- выявление жизненных целей и планов севастопольской молодежи;
- определение рейтинга проблем севастопольской молодежи;
- анализ социальных интересов молодых людей, живущих в Севастополе;
- анализ уровня общественно-политической активности севастопольской молодежи.

Методом сбора информации в рамках данного исследования был метод интервьюирования по методике face to face.

Выборочная совокупность составила 1 000 чел. с учетом статистической ошибки 3 % и основывалась на квотном принципе отбора респондентов, с опорой на статистические данные Севастопольстата на 01.01.2015 г. и имеющееся статистическое распределение по гендерным и возрастным группам. Согласно статистическим данным Севастопольстата на 01.01.2015 г. молодое население города Севастополя в возрасте от 14 до 30 лет насчитывало 86 862 чел. Схема разработки выборочной совокупности основывалась на квотном принципе отбора респондентов, в частности, по гендерному и возрастному признакам (распределение групп от 14 до 30 лет: 14–16, 17–19, 20–22, 23–25, 26–30). Итоговая выборочная совокупность составила 1000 чел. и в квотном распределении показана в табл. 1.

Таблица 1. Выборочная совокупность (половозрастное распределение)
Table 1. Sampled population (gender and age arrangement)

Выборочная совокупность				
Возраст	Мужчины и женщины, чел.	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Не ответили
14–16	107	40	67	–
17–19	433	155	278	–
20–22	213	96	117	–
23–25	109	49	60	–
26–30	112	56	56	–
ИТОГО	974	396	578	26

В опросе приняли участие 41 % юношей и 59 % девушек. Самой многочисленной группой по возрасту оказались молодые люди в возрасте от 17 до 19 лет (44 %), на втором месте была возрастная группа от 20 до 22 лет (22 %), на третьем месте – от 26 до 30 лет (11 %). С неполным высшим образованием было большинство наших респондентов (63 %), со средним – 15 %, со средним специальным – 9 %, с неоконченным средним – 8 %. Основная

часть принявших участие в опросе – это студенты вузов и учащиеся техникумов (79 % и 14 % соответственно).

Оценивая собственное финансовое состояние, молодые люди ответили, что основные источники их доходов – это деньги, полученные от родителей (65 %), временные и периодические заработки (26 %) и стипендии (24 %), при этом у половины (48 %) средний месячный доход составил 6 000 р. и менее.

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов исследования, хотелось бы остановиться на некоторых выявленных характеристиках выборочной совокупности. В частности, на распределении полученной выборки по времени проживания в Севастополе. Половину наших респондентов составили те, кто проживает в Севастополе с рождения (42 %) или переехали сюда в раннем детстве (9 %). Вторая половина наших опрошенных не относится к «коренным» жителям федерального центра: 32 % опрошенных переехали в Севастополь после 2014 г. в связи с поступлением в местный вуз и 6 % – по личным причинам; 6 % опрошенных переехали в Севастополь незадолго до 2014 г. в связи с поступлением в местный вуз и 5 % респондентов – по личным причинам. Таким образом, были выделены две группы молодежи, отличающиеся по периоду проживания в Севастополе: «коренная» – те, кто живет в Севастополе с рождения или переехал сюда в раннем возрасте, и «новая» – те, кто переехал в Севастополь недавно в связи с поступлением или по личным причинам, незадолго до и после 2014 г.

Актуальные проблемы молодежи. Получение высшего образования – самая актуальная проблема для молодежи. На втором месте – решение финансовых вопросов, на третьем – трудоустройство, затем проблема самореализации, успешная сдача сессий и создание семьи (табл. 2).

Таблица 2. Какие проблемы для Вас являются наиболее актуальными?
Table 2. What problems are most relevant for you?

Какие проблемы для Вас являются наиболее актуальными?	Количество ответивших, %
Получить высшее образование	56
Обеспечить себе материальный достаток	49
Трудоустроиться, получить хорошую работу	41
Самореализоваться, найти себя, свою профессию	39
Купить свое жилье	19
Сдать успешно сессии	26
Создать семью	21
Устроить личную жизнь, найти любимого человека	14
Поддерживать свое здоровье	12
Решить свои проблемы с алкоголизмом, курением, употреблением наркотиков	0,6

Долгосрочные и краткосрочные жизненные цели молодежи. Больше половины ответивших молодых людей (58 %) отметили, что в ближайшие пять лет хотели бы получить высшее образование. На втором месте в списке ближайших жизненных задач у 47 % респондентов – желание устроиться на работу. Третье место в рейтинге жизненных планов севастопольской молодежи делят (по 34 %) такие амбициозные желания, как открытие собственного дела и приобретение автомобиля, далее – приобретение жилья (30 %). Стремятся к созданию семьи в ближайшие пять лет 27 % опрошенных молодых севастопольцев (рис. 1).

Причем необходимо акцентировать внимание на том, что для современного молодого севастопольца создание семьи не является приоритетной задачей на ближайшие пять лет, а выступает его главной жизненной стратегией: достижение счастливой семейной жизни важно для 69 % опрошенных. На втором месте в рейтинге стратегических жизненных целей находятся материальные (обеспечение материального достатка – 48 %) и профессиональные

(построение успешной карьеры – 41 %). Самореализация как стратегическая цель значима для 36 % респондентов. Для трети опрошенных (28 %) важно хорошее здоровье (рис. 2).

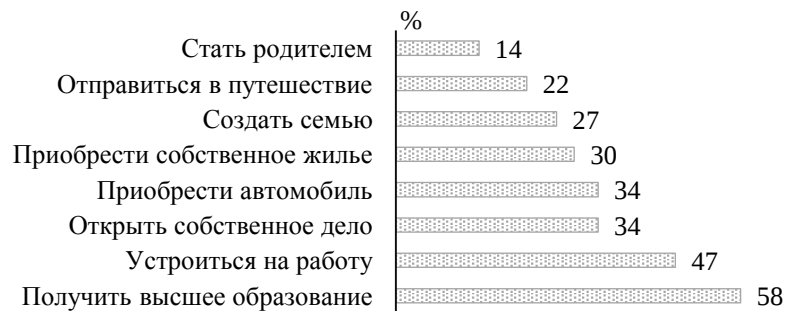


Рис. 1. Какие задачи Вы планируете решить в ближайшие 5 лет (количество ответивших, %)?
Fig. 1. What tasks do you plan to complete in the next 5 years (as a percentage of the number of respondents)?

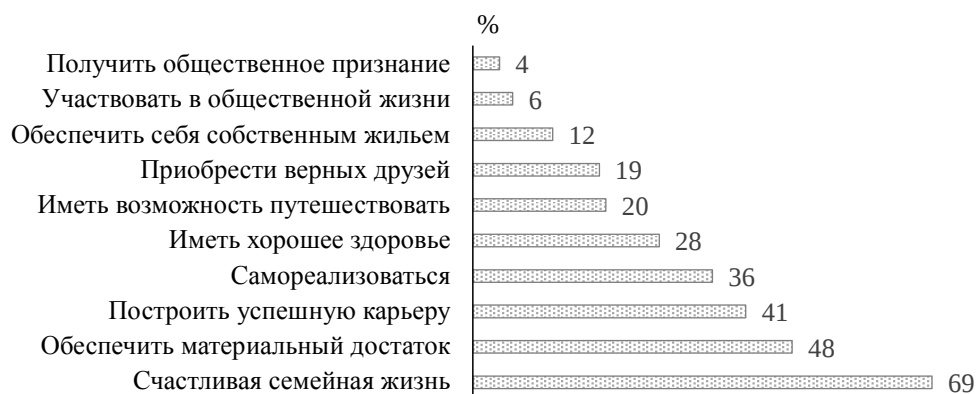


Рис. 2. Какие стратегические задачи Вы планируете решить в будущем (количество ответивших, %)?
Fig. 2. What tasks do you plan to complete in the future (as a percentage of the number of respondents)?

На вопрос о том, на кого рассчитывает современная молодежь в достижении своих краткосрочных и долгосрочных целей, подавляющее большинство (90 %) сказали, что на себя и свои силы. Половина опрошенных (45 %) ожидают поддержки родственников и семьи. 13 % респондентов верят в поддержку друзей и знакомых. Мизерная часть опрошенных (3 %) рассчитывают на государственную поддержку в решении своих проблем.

Планируемые сферы занятости. 41 % респондентов планируют заняться собственным бизнесом, что говорит об амбициозности северокавказской молодежи и ее готовности работать и реализовываться, ставя перед собой большие цели. В сфере развлекательно-гостиничного бизнеса собираются работать 24 % респондентов, в финансовой и банковской сфере – 20 % (табл. 3), а также в сфере права и юриспруденции – 22 %, в бюджетной сфере – 17 %, в сфере IT-технологий и программирования – 12 %, ориентированы на военную службу 12 % респондентов.

Таблица 3. В какой сфере Вы хотели бы работать?
Table 3. In what sphere of activity would you like to work?

В какой сфере вы хотели бы работать?	Количество ответивших, %
Сфера развлекательно-гостиничного бизнеса	24
Сфера транспорта и связи	8
Финансовая деятельность и банковский бизнес	20
Сфера сельского хозяйства и агробизнеса	2
Сфера энергетики	3
Судостроение	3
Строительная сфера	3

Факторы при выборе профессии. При выборе профессии определяющим фактором является финансовый (62 %). Для трети респондентов (35 %) важна престижность профессии. Альтруистический критерий – возможность принесения пользы людям – актуален для 27 % опрошенных молодых людей. Творческий характер труда в работе важен для четверти опрошенных (рис. 3).

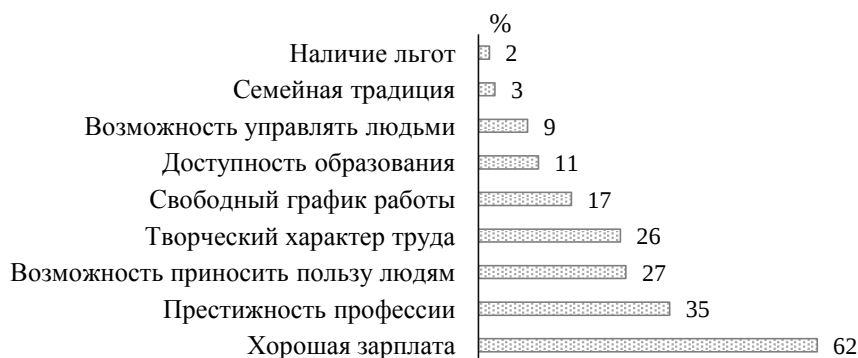


Рис. 3. Какие факторы лично для Вас являются определяющими при выборе профессии (количество ответивших, %)?

Fig. 3. What factors for you personally are decisive when choosing a profession (as a percentage of the respondents)?

Досуг молодежи. Большинство молодежи (77 %) проводит свободное время дома. 70 % опрошенных проводят свой досуг с друзьями: либо на улице (45 %), либо у них дома (30 %). Кафе, рестораны популярны у 21 % опрошенных. Проводят время на природе 20 % опрошенной молодежи. Посещают спортивные секции 21 % участников исследования (табл. 4).

Таблица 4. Где чаще всего Вы проводите свое свободное время?
Table 4. Where do you most often spend your free time?

Где чаще всего Вы проводите свое свободное время?	Количество ответивших, %
У себя дома	77
На улице с друзьями	45
Дома у друзей, знакомых	30
В кафе, ресторанах	21
В ночных клубах, на дискотеках	3
На природе	20
В спортивных секциях	21
В кинотеатрах	15
На даче	3
В театрах, музеях, библиотеках	8
В интернет-кафе	2
В игорных заведениях	1

Популярные темы в СМИ. Наиболее популярными интересами молодежи в масса-медиа и сети являются искусство и кино (44 %), отдых, досуг и развлечения (34 %), новости (29 %), спорт (24 %), мода и стиль (19 %), познавательные передачи (18 %), образование и наука (18 %) и политика (13 %). Таким образом, можно сказать, что северокавказская молодежь в целом интересуется позитивно-развлекательной тематикой и, в частности, интерес к искусству и кино можно использовать в работе с молодежью, но применяя методы ее вовлечения в мероприятия с учетом повышенной амбициозности молодого поколения (табл. 5).

Таблица 5. Какая тематика материалов СМИ и Интернета вызывает у Вас наибольший интерес?
Table 5. What subjects of media and Internet materials spark your greatest interest?

Какая тематика материалов СМИ и Интернета вызывает у Вас наибольший интерес?	Количество ответивших, %
Отдых, досуг, развлечения	34
Спорт	24
Искусство, кино	44
Новости	29
Авто- и мототехника	10
Семья и отношения между мужчиной и женщиной	11
Здоровье	7
Криминал	12
Образование и наука	18
Мода и стиль	19
Познавательные передачи	18
Шоу-бизнес	8
Политика	13
Экономика и финансы	8
Религия и верования	3

Отношение к алкоголю, наркотикам и вредным привычкам. Подавляющее большинство опрошенных не считают допустимым употребление легких (85 %) и тяжелых наркотиков (96 %). Употребление алкоголя считают неприемлемым 42 % опрошенных, но при этом 40 % респондентов относятся к употреблению алкоголя без возражений. Курить считают недопустимым 57 % опрошенных, но почти треть (28 %) нормально относятся к курению. К посещению игорных заведений 64 % опрошенных относятся отрицательно, но 18 % респондентов считают посещение игорных заведений приемлемым (рис. 4).

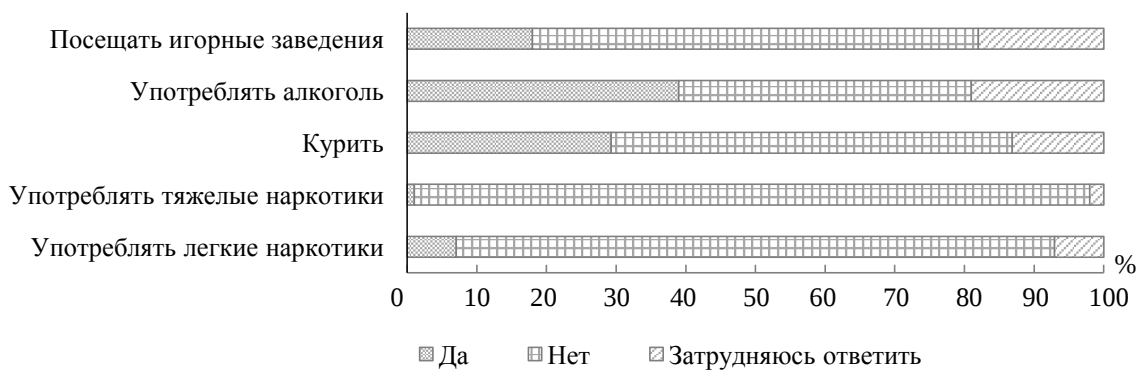


Рис. 4. Что Вы считаете нормальным, допустимым?
Fig. 4. What is considered to be normal, acceptable?

Интерес к политике, общественной и волонтерской деятельности. Политикой и участием в политических движениях интересуется четверть опрошенной молодежи (26 %), из них 29 % – «коренных» севастопольцев и столько же «новых». Для 58 % опрошенных политическая деятельность неинтересна. Вовлечение в общественную работу интересно половине опрошенных (48 %), из которых 47 % – «коренные» севастопольцы и 34 % – «новые» жители города. Неинтересна общественная деятельность 40 % опрошенным. Участвовать в волонтерских проектах и движениях хотели бы 39 % ответивших молодых людей: это 48 % «коренных» севастопольцев и 35 % «новых». Не интересуются такими проектами 44 % респондентов (рис. 5).



Рис. 5. Интерес к политике, общественной деятельности, волонтерским движениям (количество ответивших, %)
Fig. 5. Interest in politics, public activity, volunteer movements (as a percentage of respondents)

Участие в городских проектах развития. 38 % ответивших молодых людей готовы лично участвовать в проектах развития города. Эту группу составляют 46 % «коренных» севастопольцев и 36 % «новых» жителей Севастополя. Половина опрошенных (49 %) не думали об участии в городских проектах развития. Они представляют так называемый «молодежный пассив», который состоит из 54 % «коренных» севастопольцев и 30 % «новых». Не готовы участвовать в проектах развития Севастополя лишь 12 % ответивших. На вопрос «Что для Вас Севастополь?» 62 % респондентов сказали, что относятся к нему как к городу, который хочется вместе развивать, среди них 34 % «коренной» молодежи и 36 % «новой».

Заключение. Анализируя проблемы, стратегические жизненные цели, интересы и установки севастопольской молодежи, можно отметить, что ее волнуют, в первую очередь, получение высшего образования, финансовая обеспеченность посредством трудоустройства, самореализация и создание семьи.

Для того чтобы понять, какие механизмы использовать для успешной интеграции севастопольской молодежи, необходимо проанализировать задачи, которые ставят перед собой молодые люди. Среди краткосрочных жизненных целей севастопольской молодежи – получение высшего образования, желание устроиться на работу, открыть собственное дело, приобрести автомобиль и жилье. Попадание таких долгосрочных личностных целей, как приобретение движимого и недвижимого имущества, в краткосрочные задачи свидетельствует о повышенных амбициях нашего молодого поколения. К долгосрочным жизненным задачам молодой севастополец относит достижение счастья в семейной жизни, обеспечение материального достатка, осуществление карьерных успехов и самореализации.

Ответ на вопрос, в какой сфере хотят работать молодые севастопольцы, еще раз подтвердил наш вывод об амбициозности севастопольской молодежи. Почти половина опрошенных планируют заняться собственным бизнесом, а основными критериями при выборе профессии являются ее престижность и достойная оплата.

Примечательным стало выявленное отношение молодежи к Севастополю: большинство оценивает его как город, который хочется вместе развивать. И такое отношение не только у «коренной» молодежи, но и у «новых» жителей южной столицы России. Данный факт можно оценивать как феномен социальной благодарности, так как приехавшая после тяжелых событий 2014 г. на Украине и нашедшая в Севастополе возможность мирно жить и самореализовываться молодежь хочет сделать город лучше, ощущая его уже своим.

Подводя итог рассмотрению мира ценностных ориентаций студенческой молодежи, хочется сказать, что всплеск активности этих исследований в российской социологии неслучаен. По результатам настоящего и других исследований становится очевидно, что ценности студенческой молодежи в России скорее набирают потенциал дифференциации, чем потенциал интеграции. Среди множества факторов, которые стимулируют эту дифференциацию, региональные особенности социально-экономического порядка и политическая среда в регионе оказывают существенное влияние на ценности и ценностные ориентации студенческой молодежи. Поэтому обеспечение систематичности исследований ценностных ориентаций молодежи будет способствовать анализу динамичных социальных процессов в студенческой среде, своевременную фиксацию и изучение новых трансформаций и изменений в этих ценностях.

Кроме этого, на наш взгляд, в научном отношении важно достичь интеграции достоинств концепции о молодежи как об особой культурной группе, на основании которой проводилось настоящее исследование, с методологическими основаниями исследования общества риска и социальной неопределенности, общества, в котором информационные процессы оказывают самое существенное влияние на социализацию студенчества. Здесь требуется разработка принципов, обеспечивающих взаимосвязи этих теорий. В частности, перспективными в данном случае могут стать стратегии социологических исследований, основанные на платформе сетевого подхода, позволяющего систематизировать данные, актуальные для теорий, речь о которых шла выше. В свою очередь сетевые данные о ценностях студенчества могут быть использованы как в социальной работе, так и в управленческой деятельности вузов. Пилотажные исследования, осуществленные в данном направлении, показывают определенные позитивные результаты такой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mead M. Culture and commitment: A study of the generation gap. N. Y.: Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970.
2. Beck U. Risk society: towards a new modernity / transl. by M. Ritter. London: SAGE Publications Limited, 2012.
3. Beck U. Power in the Global Age. Cambridge: Polity Press, 2006.
4. Giddens A. Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives. London: Routledge, 2002.
5. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991.
6. Luhmann N. Theory of Society / transl. by R. Barrett. Stanford: Stanford Univ. Press, 2012. Vol. 1.
7. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПИМ, 2010.
8. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука, 2003.

Информация об авторах.

Ярмак Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук (2004), доцент (2011), ведущий научный сотрудник Центра социологических исследований Севастопольского государственного университета, ул. Университетская, д. 33, Севастополь, 299053, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие. E-mail: sociocentre@sevsu.ru

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 202 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Ярмак Вероника Евгеньевна – бакалавр (2019), студентка (1-й курс магистратуры) факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: сети организаций, социология молодежи, ценностные ориентации молодежи. E-mail: veronika_arkhipenko@mail.ru

REFERENCES

1. Mead, M. (1970), *Culture and commitment: A study of the generation gap*. Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, N.Y., USA.
2. Beck, U. (2012), *Risk society: towards a new modernity*, Transl. by Ritter, M., SAGE Publications Limited, London, GBR.
3. Beck, U. (2006), *Power in the Global Age*, Polity Press, Cambridge, GBR.
4. Giddens, A. (2002), *Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives*, Routledge, London, GBR.
5. Giddens, A. (1991), *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
6. Luhmann, N. (2012), *Theory of Society*, Transl. by Barrett R., vol. 1, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
7. Gorshkov, M.K. and Sheregi, F.E. (2010), *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: a sociological portrait]. Moscow, TsSPiM, Russia.
8. Chuprov, V.I., Zubok, Yu.A. and Uil'yams, K. (2003), *Molodezh' v obshchestve riska* [Youth in the risk society] 2-nd ed., Moscow, Nauka, Russia.

Information about the authors.

Olga V. Yarmak – Candidate of Sociological Sciences (2004), Associate Professor (2011), Leading Researcher at the Center for sociological research, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya str., Sevastopol 299053, Russia. The author of 30 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic consent. E-mail: sociocentre@sevsu.ru

Pavel P. Deryugin – Doctor of Sociological Sciences (2002), Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 202 scientific publications. Areas of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Veronika E. Yarmak – bachelor (2019), student (1st year, master) of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 8 scientific publications. Areas of expertise: networks of organizations, the sociology of youth, value orientations of youth. E-mail: veronika_arkhipenko@mail.ru

Пропаганда сквозь призму фотографического образа в тоталитарных государствах на примере Третьего рейха

В. С. Заблоцкая✉

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
✉vika_mcclure@mail.ru*

Введение. Люди долго шли к изобретению какого-то способа фиксации объектов, явлений, помимо изобразительной деятельности, так как последняя отнимала очень много времени и не в полной мере могла передать внешний облик изображаемого объекта. Качество и приближенность к реальности зависели не только от мастерства художника, но и от жанра, в котором исполнялась картина. И как итог огромного количества экспериментов, усилий десятка человек в XIX в. человечество, наконец, нашло иной способ фиксации образов повседневности, которым стала фотография.

Методология и источники. Использованы данные интернет-источников, научной литературы по данной тематике. Применены сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный анализ, типологический подход.

Результаты и обсуждение. В данной работе на примере Третьего рейха рассмотрим, как передается желаемая реальность через призму фотографических образов. Тезисы, которые мы попытаемся доказать, привлекая не только исторические сведения, но и данные проведенного опроса, звучат следующим образом: фотография может передать отношение государства к человеку и показать место личности в идеологизированном обществе.

Заключение. В статье идет речь о передаче желаемой реальности через призму фотографических образов на примере Третьего рейха. Автором проведен опрос респондентов, на основании результатов которого рассмотрены выдвигаемые автором тезисы.

Ключевые слова: пропаганда, фотография, государство, человек, Третий рейх, фюрер.

Для цитирования: Заблоцкая В. С. Пропаганда сквозь призму фотографического образа в тоталитарных государствах на примере Третьего рейха // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 65–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-65-72

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 22.03.2019; принята после рецензирования 25.04.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Propaganda Through a Prism of a Photographic Image in the Totalitarian States on the Example of the Third Reich

Viktoriya S. Zablotskaya✉

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia
✉vika_mcclure@mail.ru*

© Заблоцкая В. С., 2019



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Introduction. People have long gone to the invention of the method of fixing objects, phenomena not only with the help of graphic activity, since this method took a lot of time and could not fully convey the appearance of the depicted object. The quality and proximity to reality depended not only on the skill of the artist, but also on the genre in which the painting was performed. And, as a result of a huge number of experiments and invested efforts of a dozen of people, in the XIX century they finally found a different way of fixing everyday life. And photography has become this way.

Methodology and sources. The research used data from Internet sources, scientific literature on this subject matter. In the study are used a comparative historical method, a structure-functional analysis, a typological approach.

Results and discussion. In this paper, we consider how the same reality was transmitted through the prism of photographic images on the example of the Third Reich. The thesis, which we will try to prove, involving not only the history, but also the data of the survey, is as follows: a photograph can convey the attitude of the state to a person and the place of a person in an ideological society.

Conclusion. Thus, this paper deals with the transfer of the desired reality through the prism of photographic images on the example of the Third Reich. The author conducted a survey of respondents. The paper proves the theses of the author based on the carried survey.

Key words: propaganda, photography, state, man, the Third Reich, the Fuhrer.

For citation: Zablotskaya V. S. Propaganda Through a Prism of a Photographic Image in the Totalitarian States on the Example of the Third Reich. DISCOURSE. 2019. Vol. 5, no. 4, pp. 65–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-65-72 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.03.2019; adopted after review 25.04.2019; published online 25.10.2019

Введение. Фотография почти с самого начала своего существования используется, чтобы запечатлеть ценные, важные мгновения в жизни человека. Постепенно улучшались технологии создания изображений, и фотоизображения стали нередким явлением, однако в связи с этим и другими значимыми изменениями в обществе (например, вследствие повышения общего технологического уровня в различных странах) такое инновационное изобретение не могло пройти мимо политического дискурса, а именно мимо конкретной его стороны – пропаганды [1]–[5].

Методология и источники. Использованы данные интернет-источников, научной литературы по данной тематике. Применены сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный анализ, типологический подход.

Результаты и обсуждение. Пропаганда – это целенаправленное распространение в обществе определенных идей, ценностей, норм и программ поведения. Это явление было далеко не новым в XIX и XX вв., но именно в 1933–1945 гг. оно обретает колоссальные масштабы. Благодаря фотографии и кинематографу пропаганда может охватить более широкие круги населения, выглядеть более реалистичной, а значит, и внушать больше доверия. Искусное манипулирование технологией фиксации изображений приводило к невероятным успехам для тех, кто эти манипуляции производил.

Наиболее представительными для подробного рассмотрения заявленной темы являются страны с тоталитарным политическим режимом. Именно в них главной целью правящей элиты выступает постоянное, спланированное и систематическое воздействие на

население, распространение выгодной правителям информации, фальсифицированных фактов. С таким жестким ограничением было необходимо находить или выдумывать определенный образ, не оторванный от реальности и не противоречащий установившейся идеологии, способный воодушевить народ.

В данной работе мы на примере Третьего рейха рассмотрим, как же передавалась желаемая реальность через призму фотографических образов. Тезисы, которые мы попытаемся доказать, привлекая не только историю, но и данные проведенного опроса, звучат следующим образом: фотография может передать отношение государства к человеку и показать место личности в идеологизированном обществе.

Для начала поясним, какую же реальность хотели получить или какой ее видели политические лидеры Третьего рейха.

Национал-социалистическая идеология рассматривала человека нераздельно с его расовой принадлежностью, а единственной приемлемой расой считалась арийская, четкий образ которой был определен. Причем этот образ различался для мужчин и женщин. Некоторое общее, что можно выделить у представителей арийской расы, это: 1) высокий рост (от 175 см); 2) выступающий подбородок; 3) узкий и прямой нос; 4) стройное тело; 5) прямые светлые волосы; 6) светлые глаза; 7) белая кожа.

Также идеологи национал-социалистов укрепляли в общественном сознании несколько ослабевшую в эпоху индустриализации установку о том, что в соотношении полов мужчины представляют элитарную часть германского общества.

В более поздних выступлениях фюрер демонстрировал традиционную для нацистов схему мышления, исходившую из веры в параллельность миров мужчины и женщины. Это проявлялось в таких высказываниях, как «мир мужчины – государство», «мир женщины – ее муж, ее семья, ее дети, ее дом». Далее следовали иррациональные утверждения, что такой «порядок санкционирован самим Провидением», что подобное ограничение круга деятельности женщины «предопределено ей природой». Устремляя взор в будущее, фюрер предрекал, что создаваемое НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партией) государство будет чисто мужским, а женщине отведена в нем роль «спутницы» или матери воина [6]–[14].

Мы взяли две фотографии, отражающие общее представление о женщине как матери в национал-социалистической картине мира, и спросили 30 респондентов, какая, по их мнению, идея лежит в основе данных фотографий.

На первой фотографии (рис. 1) мать, ее дочери и сын в униформе Гитлерюгенда позировали для журнала «SS-Leitheft» [15]. Фото сделано в феврале 1943 г. Примечательно на данной фотографии взаимодействие матери и сына. Она одобрительно улыбается ему, а он держится за ее руку, при этом также улыбаясь матери и глядя ей в глаза. На данном снимке не только прослеживается подтекст важности материнства как такового, но также делается упор на гордость матери сыном, уже исполняющим свой государственный долг.



Рис. 1. Фотография в журнале «SS-Leitheft»
Fig. 1. Photo in SS-Leitheft Magazine



Рис. 2. Фотография из архива
«Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz»

Fig. 2. Foto in Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz

На второй фотографии (рис. 2) представлен также образец национал-социалистической пропаганды материнства как единственной важной вещи в жизни женщины. Снимок сделан в 1939 г., на нем запечатлена мать в окружении мужа и ее восьмерых детей [16]. Также на груди женщины отчетливо виден золотой «Почетный крест немецкой матери» («Ehrenkreuz der deutschen Mutter»). Данная награда была введена 16 декабря 1938 г. и подразделялась на три группы. Бронзовый крест выдавался при рождении четырех детей. Серебряный крест присваивался при рождении шести детей. И, наконец, золотой крест выдавался при рождении восьми и более детей. Фотография взята из архива «Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz». Это агентство владеет одной из крупнейших коллекций

фотографий в Европе, содержит более 12 млн изображений.

Согласно полученным в опросе данным, переведенным в процентные соотношения, мы можем наблюдать следующую картину для первой фотографии (рис. 1): 9 чел. из 30 (30 %) указали главной идеей семейное счастье и радость. Еще 11 чел. из 30 (36,67 %) написали: «счастье материнства», «традиционные ценности» и «для женщины важно быть матерью». Остальные ответы выглядят так: 1) 4 чел. из 30 (13,33 %) посчитали главной идеей «любовь матери и детей»; 2) 1 чел. из 30 (3,33 %) назвал главной идеей «жизнь»; 3) 1 чел. предложил вариант «помощь младшего поколения старшему»; 4) 1 чел. увидел в фотографии «скрытую ненависть, непонимание»; 5) 1 чел. посчитал, что «ребенок справа более любимый», обосновывая это надетой на мальчике формой Гитлерюгенда. Как видно из полученных данных, только 11 чел. из 30 (36,67 %) прямо называли основной идеей традиционные ценности, где место женщины определено довольно четко и не выходит за рамки роли матери. Также достаточно много было ответов, касающихся идеи семейного счастья и радости или любви.

Результаты опроса по второй фотографии (рис. 2) следующие: 13 чел. из 30 (43,33 %) назвали главной идеей фотографии многодетность семьи. Это самый высокий показатель, остальные же результаты выглядят так: 1) 4 чел. из 30 (13,33 %) отметили, что на данной фотографии отображена идея «традиционных семейных ценностей»; 2) 3 чел. из 30 (10 %) указали в ответе, что идея фотографии состоит в показе «образцовой немецкой семьи» как основной ценности Третьего рейха; 3) 5 чел. из 30 (16,67 %) назвали главной идеей «семью»; 4) 1 чел. из 30 (3,33 %) указал в ответе «мать»; 5) 1 чел. из 30 (3,33 %) отметил, что идея фотографии заключается в пропаганде материнства; 6) 1 чел. из 30 (3,33 %) написал в ответе «поколения». 18 чел. из 30 (60 %) считают главной идеей фотографии – идею семьи. При этом 13 чел. подчеркивают, что речь идет о многодетных семьях.

Подводя промежуточный итог, мы делаем вывод, что большинство респондентов (особенно это показывает анализ ответов по второй фотографии) не видят в предлагаемых фотографиях основную идею «материнство – величайшее счастье для женщины».

Для доказательства другого тезиса, относящегося к возможности показать через фотографию место личности человека в тоталитарном государстве, мы обратимся к фактически единственно важной для масс персоне – к личности самого Адольфа Гитлера.

Национал-социализм не предполагал рассмотрение ценности человека в отрыве от расовых, гендерных и национальных представлений. В данной идеологии фюрер получает власть от избранной расы; он хоть и служит своему народу, являясь, по сути, воплощением его надежд и исполняя возложенную на него обязанность править (что едва ли в дальнейшем соответствовало действительности), но также подчеркивается, что именно нация является первостепенной. Вождь в контексте национал-социалистической идеологии – это связующее звено, которое объединяет государство, партию и, наконец, народ.

Личностный аспект здесь абсолютно не важен. Одним из главных факторов, определяющих «настоящего» человека, арийца, является умение отставить собственные качества и поверить, довериться лидеру, а также полное осознание себя как неотделимого от народа, нации. В такой обстановке уходит на второй план любая личная инициатива, исключая ту, что пойдет на благо народа и фюрера. Отсюда мы можем сделать вывод, что единственной личностью, чью важность невозможно оспорить, становится вождь, харизматичный избранник народа.

Продолжая развивать мысль, мы также можем вспомнить о том, насколько важен был культ личности фюрера в Третьем рейхе. По отношению к основной массе населения культ фюрера был эффективным средством сплочения нации. Поэтому он занимал одно из центральных мест в системе нацистской диктатуры. Партийная и государственная власть в национал-социалистической Германии фактически зиждились на «харизме фюрера». Пропагандистский же, мифологизированный образ вождя был призван сплотить немецкое общество. Позднее Геббельс скажет, что создание мифа о Гитлере – выдающееся достижение пропаганды.

Подводя краткие итоги, можно точно обозначить единственную важную фигуру, личные качества которой действительно играли существенную роль в национал-социалистической парадигме. И это фигура фюрера Адольфа Гитлера.

На большинстве фотографий (исключая не предназначенные для массового тиражирования и носящие личный характер), даже если рядом с Гитлером есть другие видные деятели НСДАП, мы видим результат мифологизации личности фюрера. В национал-социалистических пропагандистских фильмах (например, в фильме о съезде НСДАП в 1934 г. в Нюрнберге, снятом кинорежиссером Лени Рифеншталь, «Триумф воли») мы можем отчетливо увидеть, что образ фюрера всегда подчеркивается. Этот же принцип верен и для фотографий.

Мы предложили респондентам две фотографии и попросили описать, кто или что на данном изображении, по их мнению, является важным.

На фотографии (рис. 3) Адольф Гитлер приветствует толпу во время Байрёйтского фестиваля в 1940 г. [17]. Это ежегодный летний фестиваль, на котором исполняются



Рис. 3. Адольф Гитлер на фестивале в Байрёйте. 1940

Fig. 3. Adolf Hitler during the Bayreuth festival. 1940



Рис. 4. Адольф Гитлер на балконе
Fig. 4. Adolf Hitler on the balcony

музыкальные драмы Рихарда Вагнера [18], основанный самим композитором 13 августа 1876 г. Гитлер придавал фестивалю особенное пропагандистское значение. Фотография взята из архива «Süddeutsche Zeitung Photo». Архив данного фотоагентства в основном содержит изображения современных событий и личностей, а также предоставляет исчерпывающий обзор прошлого и настоящего Мюнхена.

На фотографии (рис. 4) мы видим Гитлера спиной к камере, обращенного лицом к людям [19]. Данная фотография опубликована в книге Нила Венборна «XX век: история в фотографиях» со ссылкой на «Hulton Archive».

Результаты опроса для первой фотографии (рис. 3) были такие: 22 чел. (73,33 %) упоминали в своем ответе народ или толпу, при этом 14 чел. (63,64 %) подчеркивали, что люди «просто собраны в массу, ведомую сильным лидером». 46,67 % респондентов от общего числа ответивших обратили внимание на толпу перед оратором, но подчеркнули, что важным на фото является человек в окне, т. е. Адольф Гитлер. Только 3 чел. (10 % ответивших) в той или иной форме указывали на «человека, стоящего на балконе», не упоминая толпу людей перед ним. Еще 3 чел. указали на «женщину, проходящую мимо салютующей толпы и не обращающую внимания на Гитлера». Еще 1 чел. (3,33 %) посчитал важным «проводку, ограждение», также 1 респондент обратил внимание на важность происходящего (в целом). 17 чел. из 30 (56,67 %) посчитали важным на фотографии человека на балконе, оратора.

Для второй фотографии (рис. 4) результат следующий: 19 чел. из 30 (63,33 %) опрошенных упоминали в ответе народ, толпу или армию. Из них: 1 чел. (5,26 % от 19, или 3,33 % от 30) посчитал важным ракурс, открывающий вид на «количество солдат Вермахта»; 7 чел. (36,84 % от 19, или 23,33 % от 30) посчитали главным образ Гитлера, управляющего толпой; 10 респондентов (52,63 % от 19, или 33,33 % от 30) указали в ответе на важность огромного количества людей или многочисленной армии. Еще 10 чел. из 30 (33,33 %) указали на важность только оратора, личности человека, стоящего спиной к камере. Еще 1 чел. из 30 (3,33 %) назвал важным «мирное (пока что) небо».

Полученные данные совпали с данными по первой фотографии (рис. 3): 17 чел. из 30 (56,67 %) посчитали важным на фотографии оратора.

Из анализа ответов респондентов следует сделать вывод: более половины опрошенных подтверждают выдвинутый ранее тезис: на предоставленных фотографиях прослеживается важность личности.

Заключение. По результатам опроса нам не удалось доказать тезис, что фотография может передать отношение государства к человеку. Ответы, подходящие под это утверждение, были немногочисленны (для рис. 1: 11 из 30 (36,37 %), для рис. 2 – 5 из 30 (16,67 %)). Особенно популярным был ответ «семья» для рис. 2 (18 из 30 (60 %)). Причина, по которой значительная часть респондентов выбрала ответ «семейное счастье» и любые вариации этого ответа, нам видится в том, что большинству опрошенных важнее критерий счастья. Возможно, ввиду того, что опрос проводился среди молодых людей, преимущественно

студентов, имеет смысл предположение: молодые люди не заиклены на мысли, что женщина способна реализовать себя только в материнстве. Но это лишь наши предположения.

Второй тезис – о том, что фотография может показать место личности в идеологизированном обществе, – исходя из результатов опроса (56,67 % отметили на фотографиях важность оратора), можно назвать доказанным. Хотя стоит отметить, что значительная часть респондентов называла народ, толпу или людей, армию не менее важными или придавала им единственную главную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Н. М. Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 14, № 2. С. 98–113.
2. Логинов А. А. Фотография и визуальное восприятие: ключевые понятия и исследовательские вопросы // Обсерватория культуры. 2014. №. 4. С. 107–111.
3. Реброва И. Фотография как свидетель современности // Ab Imperio. 2012. №. 3. С. 442–448. DOI: 10.1353/imp.2012.0082.
4. Селиванова Е. В. Исследовательский и образовательный потенциал фотографии как современного средства визуализации // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 155–164.
5. Гавришина О. Фотография в историческом нарративе. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/38g-pr.html> (дата обращения: 07.03.2019).
6. Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2004.
7. Маркин Ю. П. Искусство Третьего рейха. М.: РИП-Холдинг, 2012.
8. The German National Catechism. URL: <https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/catech.htm> (дата обращения: 07.03.2019).
9. Winkler D. Frauenarbeit im «Dritten Reich». Hamburg: Hoffmann und Campe, 1977.
10. Gordon A. G., Siber G.-F. Deutsche Geschichte 1866–1945: Vom Norddeutschen Bund bis zur Ende des Drittes Reiches. München: C. H. Beck, 1980.
11. Бросчат М. Закат тысячелетнего рейха / пер. с нем. В. Кузнецова. М.: Яуза; Эксмо, 2005.
12. Kershaw I. Hitler and the Germans // Life in the Third Reich / ed. by R. Bessel. London: Oxford Univ. Press, 2001.
13. Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944 / пер. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2015.
14. Statutory Legislation of the German Reich: Satzung des Ehrenkreuzes der Deutschen Mutter vom 16. Dezember 1938, Reichsgesetzblatt (RGBl). Teil I. 1938. Nr. 224. S. 1924.
15. Abschlussprüfung für die Perfekte SS-Braut. URL: <https://www.welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article118919362/Abschlusspruefung-fuer-die-perfekte-SS-Braut.html> (дата обращения: 07.03.2019).
16. Purper (Orgel-Koehne) Liselotte. Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz, Image-No.: 30001485, Inventar-Nr.: Or 2356-11, 1939.
17. Adolf Hitler during the Bayreuth festival, 1940. URL: <https://www.sz-photo.de> (дата обращения: 07.03.2019).
18. Акопян Л. О. Музыка XX века: энциклопедический словарь / науч. ред. Е. М. Двоскина. М.: Практика, 2010.
19. Wenborn N. The 20th Century: A Chronicle in Pictures. Sydney: Gaslight Publishing, 1989.

Информация об авторе.

Заблоцкая Виктория Сергеевна – студентка (1 курс, бакалавриат), департамент «Исторический факультет», Уральский федеральный университет имени первого Президента

России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: новая и новейшая история Германии. E-mail: vika_mcclure@mail.ru

REFERENCES

1. Bogdanova, N.M., (2012), "Photography as a Tool for Sociological Analysis of Visual Practices of Self-presentation", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 14, no. 2, pp. 98–113.
2. Loginov, A.A., (2014), "Photography and Visual Comprehension: Key Notions and Research Issues", *Observatory of Culture*, no. 4, pp. 107–111.
3. Rebrova, I. (2012), "Photography as a witness of modern times", *Ab Imperio*, no. 3, pp. 442–448. DOI: 10.1353/imp.2012.0082.
4. Selivanova, E.V. (2015), "Research and educational potential of photography as a modern visualization tool", *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (37), pp. 155–164.
5. Gavrishina, O. (2015), *Fotografija v istoricheskom narrative* [Photography in historical narrative], available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/38g-pr.html> (accessed 07.03.2019).
6. Nazaretjan, A.P. (2004), *Agressivnaja tolpa, massovaja panika, sluhi: Lekcii po social'noj i politicheskoj psihologii* [Aggressive crowd, massive panic, rumors: Lectures on social and political psychology], Piter, SPb., Russia.
7. Markin, Ju.P. (2012), *Iskusstvo Tret'ego rejha* [Art of the Third Reich], RIP-Holding, Moscow, Russia.
8. The German National Catechism (2003), available at: <https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/catech.htm> (accessed 07.03.2019).
9. Winkler, D. (1977), *Frauenarbeit im «Dritten Reich»*, Hoffmann und Campe, Hamburg, CER.
10. Gordon, A.G. and Siber G.-F., (1980), *Deutsche Geschichte 1866–1945: Vom Norddeutschen Bund bis zur Ende des Drittes Reiches*, C. H. Beck, München, GER.
11. Broszat, M. (2005), *Sunset Millennial Reich*, Transl. by Kuznetsov, V. Yauza, Eksmo.
12. Kershaw I. (2001), "Hitler and the Germans", *Life in the Third Reich*, in Bessel, R (ed.), Oxford Univ. Press, London, UK.
13. Neumann, F. L. (2015), *Begemot. Struktura I praktika natsional-sotsializma 1933–1944* [Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944], Transl. by Bystrov, V. Yu., Vladimir Dal', SPb., Russia.
14. Statutory Legislation of the German Reich: Satzung des Ehrenkreuzes der Deutschen Mutter vom 16. Dezember 1938, Reichsgesetzblatt (RGBl) Teil I, 1938, Nr. 224. S. 1924.
15. Abschlussprüfung für die perfekte SS-Braut (2013), available at: <https://www.welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article118919362/Abschlusspruefung-fuer-die-perfekte-SS-Braut.html> (accessed 07.03.2019).
16. Purper (Orgel-Koehne) Liselotte (1939), Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz, Image-No.: 30001485, Inventar-Nr.: Or 2356-11, 1939.
17. Adolf Hitler during the Bayreuth festival, (1940), available at: <https://www.sz-photo.de> (accessed 07.03.2019).
18. Akopyan, L.O. (2010), *Muzyka XX veka: entsiklopedicheskii slovar'* [Music of the XX Century: Encyclopedic Dictionary], in Dvoskina, E.M. (ed.), Praktika, Moscow, Russia.
19. Wenborn, N. (1989), *The 20th Century: A Chronicle in Pictures*, Gaslight Publishing, Sydney, AUS.

Information about the author.

Zablotskaya Viktoriya Sergeevna – student (1 year, bachelor) of the Department of History, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira str., Ekaterinburg 620002, Russia. The author of 8 scientific publications. Areas of expertise: modern and contemporary history of Germany. E-mail: vika_mcclure@mail.ru

Санкции как социально-политический фактор международного сотрудничества (на примере влияния современных российско-германских отношений на международную систему)

А. П. Нагдасева

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Введение. В работе определяется современное значение международных санкций, исследуются виды санкций, цели их введения и последствия для международной системы. В качестве примера анализируются антироссийские санкции и ответные меры, а также их влияние на отношения между государствами. Дается оценка развития российско-германского сотрудничества в различных сферах до и после введения санкций.

Методология и источники. Используются такие методы исследования, как анализ, синтез, сравнение, статистические методы. В статье анализируются импорто-экспортные отношения между Россией и Германией.

Результаты и обсуждение. Россия несет большие потери от санкций по сравнению с Европейским союзом. Антироссийские санкции не способствуют развитию свободной международной торговли. Европейский союз испытывает трудности в поддержании трансатлантических отношений в сфере экономики. Введение американских экстерриториальных санкций наносит ущерб немецким и другим европейским компаниям. И у стран Европы, и у России есть внутренние проблемы, которые санкционное противостояние обостряет.

Заключение. Несмотря на все существующие проблемы и препятствия, возникающие в двусторонних отношениях, в них наблюдаются положительные тенденции. Россия и Германия в целом приспособились к санкционному режиму. Антироссийские санкции, вероятно, не будут отменены в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: международные отношения, международное сотрудничество, санкции, санкционное противостояние, международная система.

Для цитирования: Нагдасева А. П. Санкции как социально-политический фактор международного сотрудничества (на примере влияния современных российско-германских отношений на международную систему) // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-73-85

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 18.02.2019; принята после рецензирования 13.06.2019; опубликована онлайн 25.10.2019



Sanctions as a Socio-Political Factor of International Cooperation (on the Example of the Influence of Modern Russian-German Relations on the International System)

Anna P. Nagdaseva

*Saint Petersburg State University
St Petersburg, Russia*

Introduction. The research work defines the current significance of international sanctions, examines the types of sanctions, the goals of their imposition and the consequences for the international system. As an example, anti-Russian sanctions and retaliatory measures are being analyzed, as well as their influence on relations between the states. In the study an assessment of the development of Russian-German cooperation in various fields before and after the imposition of sanctions is given.

Methodology and sources. Such research methods as analysis, synthesis, comparison, statistical methods are used in the research work. Import-export relations between Russia and Germany are analyzed in the paper.

Results and discussion. Russia incurs heavy losses from sanctions compared to the European Union. Anti-Russian sanctions do not contribute to the development of free international trade. The European Union is having difficulty maintaining transatlantic economic relations. The imposition of US extraterritorial sanctions is detrimental to German and other European companies. Both European countries and Russia have internal problems, which are aggravated by the sanctions confrontation.

Conclusion. Despite all the existing problems and obstacles that stand in the way of bilateral relations, there are positive trends in them. Russia and Germany, in general, have adapted to the sanctions regime. Anti-Russian sanctions will probably not be lifted in the short term.

Key words: international relations, international cooperation, sanctions, sanctions confrontation, international system.

For citation: Nagdaseva A. P. Sanctions as a Socio-Political Factor of International Cooperation (on the Example of the Influence of Modern Russian-German Relations on the International System). DISCOURSE. 2019. Vol. 5, no. 4, pp. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-73-85 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.02.2019; adopted after review 13.06.2019; published online 25.10.2019

Введение. В настоящее время санкции являются достаточно распространенным инструментом внешней политики. Они применяются как альтернатива или дополнение к применению силы и способствуют укреплению переговорных позиций [1]. Увеличивается число случаев введения санкций Советом Безопасности ООН, а также отдельными государствами для защиты их политических и экономических интересов. Спорным вопросом является эффективность санкций как средства принуждения.

В связи с событиями на Украине многие западные страны приняли решение о введении санкций в отношении России. Канцлер ФРГ Ангела Меркель по-прежнему выступает за их продление в целях исполнения Минских договоренностей. По прошествии пяти лет с момента введения антироссийских санкций можно проанализировать, как повлияли взаимные

ограничительные меры на положение и сотрудничество России и Германии, а также на систему международных отношений в целом. Изменения, вызванные санкционным противостоянием, затронули экономику Германии, которая является крупнейшим торговым партнером России в Европе. Политика санкций негативно повлияла на торговый оборот Европейского союза и Германии с Россией, что также отразилось на деятельности ряда германских традиционно экспортных отраслей и показателях экспорта отдельных федеральных земель Германии. В работе дается оценка развития российско-германского сотрудничества в различных сферах до и после введения санкций.

Методология и источники. При написании работы были применены такие методы исследования, как изучение научной литературы, документов, статистических данных по теме исследования, метод сравнительного анализа, историко-описательный метод, прогнозирование и др. Был проведен анализ экспортно-импортных показателей, использованы данные рейтинга стран по общему объему ВВП.

В российской научной литературе проблеме использования санкций уделяется достаточно большое внимание. С точки зрения международного права политико-экономические санкции анализировали такие ученые, как И. И. Лукашук, А. В. Семенов, И. Н. Тимофеев. Понятие «международные санкции» носит исключительно международно-правовой характер. Оно применяется к принудительным мерам, которые вводятся международной организацией против правонарушителя в целях побуждения его к выполнению обязательств, вытекающих из правоотношения ответственности [2], [3]. В частности, санкции Совета Безопасности ООН включают перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- и других средств сообщения, разрыв дипломатических отношений, а также военные меры [4], [5]. В случае угрозы миру или акта агрессии данные меры могут быть обязательными для применения государствами-членами ООН. На практике в современных международных отношениях санкции зачастую применяются не международными организациями, а государствами. Таким образом, под международными санкциями в широком смысле понимают односторонние или коллективные меры политического, экономического или правового характера, направленные на государство, его институты, компании или отдельных граждан с целью принуждения, ограничения или предупреждения их деятельности [6]. Следовательно, к санкциям относят меры невоенного и несилового принуждения.

Необходимым признаком санкций является их правомерность. Принуждение должно быть обоснованным и применяться с использованием законных методов. Ограничительные меры не должны противоречить основным принципам и целям международного права. Санкции не могут выступать в качестве превентивной меры. Они направлены на защиту и восстановление нарушенных прав субъектов международного права. Контрмеры могут осуществляться только после отказа государства-нарушителя выполнить обязательства, которые вытекают из правонарушения (восстановление прежней ситуации, выплата компенсации, принесение официальных извинений и др.).

В ряде случаев санкции способствовали поддержанию международной безопасности. Примером может служить деятельность ООН по ликвидации расистских режимов в Южной Родезии и Южной Африке. Тем не менее запрещение или ограничение экономических связей с государством-объектом санкций зачастую имеет негативные последствия и для той стороны, которая их вводит [7]. Степень санкционного воздействия во многом зависит от уровня, на котором они вводятся. Максимальное влияние оказывают ограничительные

меры, принятые на глобальном уровне, т. е. вводимые международными организациями. Они затрагивают все сферы государственной и общественной жизни. На межгосударственном уровне санкции наносят значительный урон различным секторам и отраслям экономики, а также препятствуют функционированию институтов государства. Распространение отраслевых санкций ограничивается наиболее чувствительными и уязвимыми отраслями экономики [8]. Наименьшее воздействие оказывают адресные санкции на корпоративном и индивидуальном уровнях. Они имеют предупредительный характер и нацелены на то, чтобы призвать оппонентов пересмотреть свои позиции. Корпоративные санкции способны нанести удар по имиджу отдельных компаний. Влияние персональных санкций на мировую политику, как правило, минимально и чаще сводится к психологическому давлению на лиц, которые принимают решения [6].

Политические санкции являются нематериальной формой ответственности. Целями введения политических санкций могут быть *ограничение военного потенциала государства, предотвращение военных действий, смена политического режима или дестабилизация политической системы страны, а также умеренное изменение политического курса* [9].

Виды политических санкций:

- дипломатические (отмена дипломатических виз, отзыв дипломатов);
- спортивные (запрет на участие в спортивных мероприятиях, их отмена, отказ от сотрудничества);
- культурные (прекращение научно-технического и культурного сотрудничества, отмена мероприятий);
- персонифицированные (запрет на въезд в страну или ограничение доступа для отдельных лиц).

Экономические санкции – это ограничение или полное прекращение торговых и финансовых операций для достижения внешнеполитических целей. Их относят к материальной форме ответственности [10].

Виды экономических санкций:

- коммерческие (объявление торгового эмбарго, запрет или ограничение доступа к рынкам, финансовым ресурсам и инфраструктуре);
- технологические (запрет или ограничение доступа к технологиям, прекращение технического обслуживания);
- финансовые (арест и замораживание счетов, блокирование активов за рубежом, ограниченный доступ на финансовые рынки) [6].

Российские исследователи, в частности, С. А. Беляев, М. В. Клинова и Е. А. Сидорова, указывают на фактор негативного влияния ограничительных мер на возможности хозяйственного развития России и стран ЕС. Они отмечают, что обмен санкциями порождает обособленность, способствует потере рабочих мест и ограничивает возможности развития предпринимательского сектора. В полной мере экономический эффект от санкций ощущается не сразу, а спустя определенное время [11].

Результаты и обсуждение. Особенности антироссийских санкций. В 2014 г., после событий на Украине, США и Европейский союз ввели политические и экономические ограничения в отношении России. Первоначально западные страны использовали персональные санкции против отдельных политиков, а также заявили о замораживании их

финансовых средств в иностранных банках. Постепенно список этих лиц был расширен, были введены новые виды санкций, увеличилось количество стран, присоединившихся к ним. Наиболее ощутимыми среди введенных мер следует считать ограничения на доступ к зарубежным рынкам капитала и на поставку в Россию современного технологического оборудования, в особенности для нефтедобычи. Кроме того, санкции предусматривают запрет на предоставление кредитов российским компаниям, а также пяти российским банкам с государственным участием. Для России санкции со стороны США менее болезненны, чем со стороны европейских стран, так как ЕС признают российским стратегическим партнером. Однако следует иметь в виду, что продукция и технологии США зачастую являются уникальными, имеют патентную защиту, а это осложняет их замену на схожие позиции на рынках других стран [11].

Практика «односторонних санкций» неоднозначна. Данные ограничительные меры не имеют твердой юридической базы, так как вводятся отдельными государствами и международными организациями. Вопрос об их правомерности в науке международного права является спорным. Легальными признаются санкции, применяемые по решению Совета Безопасности ООН или на основании вердикта Международного уголовного суда. Опираясь на эти аргументы, Россия ввела собственные продовольственные контрсанкции, мотивируя это защитой своих национальных интересов от незаконных действий других государств.

Санкции нарушают свободу торговли и фундаментальные принципы Всемирной торговой организации, направленные на открытие рынков и поддержание стабильных экономических отношений. И западные страны, и Россия ссылаются на статью XXI ГАТТ, в которой идет речь об исключениях, разрешающих введение торговых ограничений для защиты национальной безопасности [12]. Выход из сложившейся ситуации возможен в случае достижения политических договоренностей по вопросу украинского кризиса.

США и ЕС обуславливают отмену санкций выполнением Россией Минских договоренностей. Обязательства по ним несут стороны конфликта – Киев и Донбасс. По мнению Правительства РФ, Украина уклоняется от выполнения своей части обязательств и таким образом загоняет мирный процесс на Донбассе в тупик [13]. Следует отметить, что длительность санкционного режима находится в зависимости от процесса мирного урегулирования на Украине.

Последствия введения санкций для российской и европейской экономик. Негативные последствия введенных ограничений стали заметны и в России, и в западных странах. На начальном этапе санкционная война наряду с другими внутриэкономическими факторами усугубила финансовый кризис в России, ухудшила инвестиционный климат и способствовала международной изоляции России. Под угрозой оказались многие достижения российской внешней политики, которых удалось добиться в 2013 г., такие как договоренность по вопросу иранской ядерной программы и успехи на сирийском направлении. Россия была исключена из «Большой восьмерки» – форума наиболее влиятельных государств мира. При этом, по мнению российского руководства, глобальные вопросы решаются сегодня в других международных форматах, в частности, на встречах «Большой двадцатки» и БРИКС. Россия стремится активно участвовать в развитии новых, незападных центров политического и экономического влияния, таких как Евразийский экономический союз.

Необходимо признать, что от санкционного противостояния российская сторона несет бóльшие потери, чем страны Запада. Это связано с положением государств в мировой экономике. Так, доля США и ЕС в мировом ВВП около 40 %, России – меньше 3 %. Более уязвимой является сторона с менее мощной экономикой. Под санкции попадают те отрасли, от развития которых зависит уровень доходов государственного бюджета. При этом экономика страны сохраняет сырьевую специализацию, что приводит к ее нестабильности. Санкции, направленные против российского военно-промышленного комплекса, способствуют увеличению объемов военных расходов. В 2015 г. ВВП России сократился на 2,8 %, при этом мировой ВВП вырос на 2,6 %. После этого российская экономика смогла адаптироваться к новой ситуации [11].

Некоторые эксперты отмечают положительное влияние санкций на экономику России:

- выход российских компаний на азиатские финансовые рынки;
- ускорение реализации программы импортозамещения в военной сфере;
- рост самообеспеченности России в продовольственной сфере при уменьшении влияния продовольственных санкций на инфляцию [14].

Ответные меры России в виде эмбарго на некоторые продовольственные товары затрагивают менее 1 % общего экспорта ЕС. Это небольшая величина в сравнении с ВВП Европейского союза, но для отдельных стран, таких как Польша, Венгрия, Финляндия, Литва, последствия санкций более ощутимы. Поэтому ЕС препятствует увеличению поставок в Россию товаров из стран Азии и Латинской Америки.

Влияние санкций на российско-германские отношения. Среди европейских стран одним из главных партнеров России традиционно является Германия. ФРГ стремится к открытому диалогу и широкому сотрудничеству с Россией. Страны объединяют тесные исторические связи и экономическое партнерство. Россия является крупнейшим и наиболее важным соседом ЕС. В интересах Германии и Европы в целом – строительство в России современного, экономически развитого и демократического государства. Политика Германии в отношении России и Восточной Европы прежде всего определяется состоянием отношений ЕС и НАТО. Федеральное правительство подчеркивает, что безопасность в Европе может быть обеспечена только при сотрудничестве с Россией [15]. Германия была одной из немногих западных стран, критиковавших планы США по созданию системы ПРО в Восточной Европе.

ФРГ была лидером во внешнеторговом обороте России до 2009 г., занимала второе место в 2011 г. (после Китая), третье место в 2010 и с 2012 по 2014 г. (после Китая и Нидерландов). В 2012 г. показатели двустороннего товарооборота достигли рекордных 80 млрд евро. Развивалось и инвестиционное сотрудничество, как на уровне компаний, так и на уровне государств. Наиболее крупным межгосударственным проектом стал «Северный поток» – магистральный газопровод между странами, проходящий по дну Балтийского моря. Топливо-энергетический комплекс относится к стратегическим сферам взаимодействия России и Германии. В сфере энергетики обе стороны объединяет профессиональное понимание основ энергетической безопасности России, Германии и Евросоюза, а также стремление исключить из нее политические факторы. Поставки природного газа и нефти имеют высокую значимость для немецкой экономики и социальной стабильности в целом, несмотря на достигнутое Берлином сокращение доли российского углеводородного топлива в общей структуре энергопотребления.

Конфликт на Украине негативно повлиял на российско-германское сотрудничество в сфере безопасности. Россия, согласно позиции правительства Германии, «ставит под вопрос европейский миропорядок» и, если не изменит свой внешнеполитический курс, будет представлять собой «на обозримое будущее вызов для безопасности на нашем континенте». В 2014 г. ФРГ присоединилась к антироссийским санкциям, приостановив экспорт оборонной и военной продукции [16].

Санкции, как правило, применяются в том случае, когда бездействие в определенной ситуации ведет к утрате доверия к руководству страны со стороны ее граждан и международного сообщества. В таком случае подрыв репутации становится дороже, чем последствия от введенных мер. Так, министр финансов Германии В. Шойбле заявил: «Экономические интересы не являются приоритетом. Приоритет – это поддержание стабильности и мира». Очевидно, что для федерального правительства большое значение имеет поддержание стратегического сотрудничества с европейскими странами и США.

Изменения в политических отношениях стали причиной значительного ухудшения торгово-экономических и инвестиционных связей. Объемы взаимного товарооборота, которые стабильно росли, с 2014 г. начали резко снижаться. Несмотря на это, на сегодняшний момент торговые отношения между Россией и Германией восстанавливаются.

В структуре российского экспорта ФРГ является третьим по величине партнером (7,1 %). За период 2013–2017 гг. Россия поставила в Германию товаров на сумму 144,6 млрд долларов. Более половины российских поставок на запад составляют товары сырьевой направленности, древесина, удобрения, металлы, электрические машины и оборудование.

В составе импорта поставки из Германии находятся на втором месте (10,8 %) после Китая. За период 2013–2017 гг. Германия поставила в РФ товаров на сумму 134,6 млрд долларов. Закупки РФ – это преимущественно машины и оборудование, транспортные средства, продукция фармацевтической и химической промышленности, пластмасса, оптика и др. По итогам 2017 г. был достигнут явный прогресс. Российско-германский внешнеторговый оборот вырос почти на 20 %, кроме того, увеличились взаимные капиталовложения в форме прямых инвестиций [17]. В 2018 г. также произошло увеличение товарооборота между странами на 19 %.

Общий спад в показателях внутриторговых отношений стран свидетельствует о высокой интегрированности двух экономик и необходимости ведения конструктивной и совместной экономической политики. Кроме того, для обеих стран выявлена прямая зависимость от снижения общего экспортно-импортного баланса в период сокращения двухстороннего взаимодействия России и Германии [18].

Принятый в 2017 г. в США закон о новых санкциях против России вызвал критику со стороны ЕС и европейского бизнеса. В силу экстерриториального характера данного закона под ударом оказались европейские компании, участвующие в газотранспортном проекте «Северный поток – 2». В результате резко выросли риски экономического сотрудничества с Россией. Германия и другие ведущие европейские страны выступили против подобной направленности ограничительных мер. В частности, А. Меркель во время встречи с Д. Трампом 27 апреля 2018 г. по просьбе своего предпринимательского сообщества обсуждала возможности введения исключений из нового санкционного режима, но не встретила понимания у американского президента.

11 декабря 2018 г. палата представителей Конгресса США приняла резолюцию против строительства газопровода «Северный поток – 2». Конгрессмены заявили: увеличение притока российского газа в Европу «усилит контроль Москвы» над поставками энергоносителей. В январе 2019 г. посол США Р. Гренелл разослал немецким компаниям письма, в которых предупредил о возможности введения в отношении них американских санкций из-за поддержки строительства газопровода «Северный поток – 2». Гренелл отметил, что фирмы, которые участвуют в совместных энергетических проектах с Россией (в том числе и «Турецком потоке»), «подрывают безопасность Украины и Европы» [19].

Таким образом, администрация США критикует сильную зависимость Европейского союза от российских поставок энергии. В качестве альтернативы президент США Д. Трамп предлагает европейским странам приобретать американский сжиженный газ.

В Германии серьезно относятся к критике «Северного потока – 2» со стороны США, однако считают его прежде всего экономическим проектом. Так, в январе 2019 г. министр иностранных дел ФРГ Х. Маас заявил на мероприятии Восточного комитета немецкой экономики в Берлине, что «вопросы европейской энергетической политики должны решаться в Европе, а не в США». Он добавил, что «Северный поток – 2» не является «российско-германским особым путем» [20]. Правительство Германии осуждает возможный ввод односторонних санкций против компаний, участвующих в данном проекте. В мае 2019 г. руководитель комитета Бундестага по экономике и энергетике К. Эрнст подчеркнул, что «по экологическим причинам российский природный газ более привлекателен для Германии, чем сжиженный газ из Америки». Кроме того, он заявил, что американский газ будет стоить дороже, чем газ из России [21]. В пользу строительства газопровода также выступает Российско-германская внешнеторговая палата (ВТП), которая представляет интересы немецких компаний в России и оказывает поддержку российским компаниям в Германии. Ее представители считают, что сохранение газового транзита способно послужить связующим звеном для постепенного сближения России и Украины. Согласно официальной позиции ВТП, «в вопросах энергоснабжения и энергетической безопасности Германия не должна подчиняться диктату или воздействию других стран, будь то Россия или США» [22].

Таким образом, продолжающаяся дискуссия по вопросу строительства газопровода «Северный поток – 2» осложняет германо-американские отношения и не способствует разрешению ситуации с антироссийскими санкциями.

«Северный поток – 2» планируется ввести в эксплуатацию в конце 2019 г. Линия, проходящая через Балтийское море, длиной около 1 200 км, должна ежегодно транспортировать до 55 млрд кубометров природного газа из России в Германию.

Принимая во внимание тесную взаимосвязь с США в экономической, политической и военной сферах, Европа не способна оказать серьезное сопротивление давлению со стороны Соединенных Штатов. Тем не менее Россия и страны ЕС в целом приспособились к взаимным ограничительным мерам в сфере экономики. Развивается научно-техническое сотрудничество, в котором участвуют как академические и отраслевые научные учреждения, так и высшие учебные заведения. Активно поддерживаются культурные связи между странами, а также взаимодействие по линии гражданских обществ.

В мае 2017 г. на встрече А. Меркель и В. Путина в Сочи состоялся подробный обмен мнениями по основным международным проблемам. Обе стороны подтвердили, что решение

сирийского вопроса может быть найдено только мирным путем и под эгидой ООН, а также высказались за активизацию переговорного процесса. В связи с выходом США из ядерной сделки с Ираном стороны обсудили дальнейшие перспективы урегулирования иранской ядерной программы. И президент России, и канцлер Германии считают Минские соглашения единственной основой, на которой следует искать решение конфликта в Донбассе. Они пообещали продолжать встречи на высшем уровне в «нормандском формате» [23].

В августе 2018 г. на российско-германских переговорах также обсуждались проблемы двусторонних отношений и актуальные международные вопросы. Лидеры двух стран проанализировали возможность учреждения миссии ООН, которая смогла бы играть важную роль в мирном процессе на Украине. На переговорах поднималась тема возможных санкций против компаний, участвующих в реализации проекта газопровода «Северный поток – 2». Так как данный проект выгоден обеим странам, «необходимо принять меры, чтобы оградить его от возможных неконкурентных и незаконных нападков со стороны третьих государств» [24]. Президент и канцлер с удовлетворением отметили растущую динамику торгового оборота между Россией и Германией. Во время беседы В. Путин выразил заинтересованность в расширении деятельности немецких компаний на российском рынке. Речь шла также о необходимости углубления диалога по линии гражданского общества. Путин и Меркель обсудили продолжение транзита газа через территорию Украины и выразили обеспокоенность в связи с неясными перспективами продления истекающего закона об особом статусе Донбасса. Стороны договорились продолжить обсуждение процесса Сирийского урегулирования в формате «четверки» (Россия, ФРГ, Франция и Турция). По словам пресс-секретаря президента Д. Пескова, это был «очень обстоятельный и детальный разговор» [25]. Таким образом, несмотря на существующие политические разногласия, политический диалог между Москвой и Берлином не прерывался.

Вопрос о продлении антироссийских санкций был одной из ключевых тем длительных переговоров о формировании правительства Германии в 2017–2018 гг. За сохранение ограничительных мер в нынешнем виде выступали члены Христианско-демократического союза (ХДС) во главе с канцлером ФРГ А. Меркель. Христианско-социальный союз (ХСС) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) настаивали на их смягчении [7]. Рейтинг правящей в Германии коалиции ХДС/ХСС и СДПГ постепенно снижается. Это нашло отражение в выборах в Европарламент, которые проводились с 23 по 26 мая 2019 г. Проевропейские партии получили две трети мест, однако евроскептики также улучшили свои позиции. Христианские демократы и социал-демократы больше не смогут формировать большинство в Европарламенте. Им понадобится поддержка либералов или «зеленых». Консервативный партийный блок ХДС/ХСС канцлера Германии потерял часть голосов по сравнению с предыдущими выборами 2014 г. Вместе с тем проевропейский блок поддержали занявшие второе место немецкие «зеленые». СДПГ показала рекордно низкий результат для партии на выборах как в Европарламент, так и внутри страны. В связи с этим председатель Социал-демократической партии Германии А. Налес уходит в отставку. Она также покидает пост лидера фракции СДПГ в Бундестаге. Однако канцлер Германии заявила, что правительство продолжит работу «со всей основательностью и, в первую очередь, с большим пониманием ответственности». По моему мнению, ослабление позиций правящей коалиции связано, в основном, не с антироссийскими санкциями, а с обострением миграционной проблемы, а также с падением авторитета А. Меркель внутри ее партии.

Заключение. Причиной введения санкционного режима стало противостояние разных взглядов относительно нового международного порядка. Попытки России создать альтернативную, более справедливую структуру международных отношений привели к политическому конфликту со странами Запада, в котором активно применяются экономические рычаги давления. Политический кризис на Украине не только обострил уже имеющиеся противоречия между Россией и западными странами, но и подорвал все усилия и переговорные форматы, направленные на построение общеевропейского пространства безопасности. Антироссийские санкции не принесли желаемого результата и привели к экономической изоляции России. Тем не менее введение санкций влияет не только на государство-адресата, но и на эффективность международной торговли в целом. Санкционная война способствует ослаблению позиций государств в мировой экономике и, следовательно, в международных отношениях.

На сегодняшний момент России в целом удалось реструктуризировать экономику таким образом, чтобы смягчить прямые последствия принятых мер для граждан. Российская экономика находится на пути диверсификации внешнеэкономических связей и стремится к налаживанию торговых отношений со странами Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Индией.

В условиях санкционного режима правительство Германии стремится к изменению внешнеполитического курса РФ в целях обеспечения европейской безопасности и сохранения трансатлантического партнерства. Германия является традиционным хозяйственным партнером России, поэтому санкции влияют на ее экономику сильнее, чем на экономику других европейских стран. Несмотря на взаимные ограничительные меры, Германия успешно реализует задачи, поставленные правительством. Повышается благосостояние граждан. ФРГ принимает активное участие в дипломатическом урегулировании украинского кризиса, а также поддерживает стратегическое сотрудничество с США и европейскими странами. Очевидно, что антироссийские санкции не способствуют развитию свободной и беспрепятственной международной торговли. Тем не менее они не наносят существенный вред экономике Германии. В целом, в ФРГ наблюдаются наиболее стабильная экономическая ситуация и наиболее высокие темпы роста экономики в Европейском союзе. Антироссийские санкции также не оказывают существенного влияния на имиджевые потери правящей коалиции и канцлера А. Меркель. Тем не менее отсутствие успеха на переговорах по урегулированию украинского кризиса угрожает европейской безопасности, что затрагивает интересы Германии и Европейского союза.

Россия и Германия готовы к конструктивному обсуждению на двустороннем уровне всех основных мировых проблем и существующих международных конфликтов. Возможно сближение позиций двух стран в сфере противодействия внешнеполитическому курсу американской администрации во главе с президентом Д. Трампом. Антироссийские санкции, вероятно, не будут отменены в ближайшем будущем. Вопросы, связанные с Крымом и ситуацией на юго-востоке Украины, по-прежнему будут осложнять отношения России с Германией и странами Запада в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hufbauer G., Oegg B. Targeted Sanctions: A Policy Alternative? Paper for a symposium on Sanctions Reform? Evaluating the Economic Weapon in Asia and the World. URL: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/targeted-sanctions-policy-alternative> (дата обращения: 20.10.2018).

2. Лукашук И. И. Международное право. URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/pdf/lukashuk_1.pdf (дата обращения: 04.04.2019).
3. Elliott K., Hufbauer G. Sanctions // The Concise Encyclopedia of Economics. URL: <https://www.econlib.org/library/Enc1/Sanctions.html> (дата обращения: 25.11.2018).
4. Устав ООН. Глава VII: действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. Ст. 41, 42. URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/> (дата обращения: 21.03.2019).
5. Masters J. What Are Economic Sanctions? URL: <http://www.cfr.org/sanctions/economic-sanctions/p36259> (дата обращения: 30.11.2018).
6. Семенов А. В. Что такое международные политико-экономические санкции. URL: <http://analitikaru.ru/2015/07/20/chto-takoe-mezhdunarodnye-politiko-ekonomicheskie-sankcii/> (дата обращения: 21.03.2019).
7. Антироссийские санкции препятствуют формированию правительства ФРГ // Известия. URL: <https://iz.ru/702403/2018-01-30/antirossiiskie-sankcii-prepiatstvuiut-formirovaniu-pravitelstva-frg> (дата обращения: 01.03.2019).
8. US Economic Sanctions: The Impact on Trade, Jobs and Wages. Working Paper / G. Hufbauer, K. Elliott, T. Cyrus, E. Winston. URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/us-economic-sanctions-their-impact-trade-jobs-and-wages> (дата обращения: 28.10.2018).
9. Тимофеев И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестн. МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.
10. Drezner D. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice // Int. Studies Rev. 2011. Vol. 13, iss. 1. P. 96–108. URL: <https://academic.oup.com/isr/article-abstract/13/1/96/1807429?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 21.10.2018). DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.01001.x>.
11. Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопр. экономики. 2014. № 12. С. 67–79.
12. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947). Статья XXI. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901981> (дата обращения: 21.03.2019).
13. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Россия – ЕС. Санкции и контрсанкции. URL: <http://www.mid.ru/rossia-es.-sankcii-i-kontrsankcii> (дата обращения: 21.03.2019).
14. Веселов А., Азанов Р. Три года санкций: потери и приобретения. URL: <https://tass.ru/politika/4103932> (дата обращения: 21.03.2019).
15. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. URL: <https://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/koalitionsvertrag.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).
16. «Белая книга – 2016»: Германия признает многополярность мира и выбирает антироссийский полюс // EADaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/07/20/belaya-kniga-2016-germaniya-priznaet-mnogopolyarnost-mira-i-vybiraet-antirossiyskiy-polyus> (дата обращения: 21.03.2019).
17. MMF. Взаимный товарооборот России и Германии: партнерство продолжается. URL: <http://moneymakerfactory.ru/biznes-plan/tovarooborot-rossii-i-germanii/> (дата обращения: 21.03.2019).
18. Беляев С. А. Анализ внешнеторговых отношений России и Германии. URL: <https://www.innov.ru/science/economy/analiz-vneshnetorgovykh-otnosheniy/> (дата обращения: 24.11.2018).
19. US-Botschafter Grenell schreibt Drohbriefe an deutsche Firmen. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/richard-grenell-us-botschafter-schreibt-drohbriefe-an-deutsche-firmen-a-1247785.html> (дата обращения: 10.06.2019).
20. Деловая газета «Взгляд». Берлин привел неожиданный аргумент в защиту «Северного потока – 2». URL: <https://vz.ru/news/2019/1/11/958834.html> (дата обращения: 10.06.2019).

21. Деловая газета «Взгляд». В Берлине напомнили, что Германия не является колонией США. URL: <https://vz.ru/news/2019/5/16/977887.html> (дата обращения: 10.06.2019).

22. Российско-Германская внешнеторговая палата. Позиция Российско-Германской внешнеторговой палаты по проекту «Северный поток – 2». URL: https://russland.ahk.de/fileadmin/AHK_Russland/Newsroom/2019/02/21_NS-2/2019-02-18_Position_Nord_Stream_2_RU.pdf (дата обращения: 10.06.2019).

23. Кремль подвел итоги встречи Путина с Меркель в Сочи // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/05/2017/5908b47d9a794705cda36e08> (дата обращения: 04.04.2019).

24. Президент России. Российско-германские переговоры. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58328> (дата обращения: 04.04.2019).

25. Песков рассказал о подробностях «полезной своевременной» беседы Путина и Меркель. URL: <https://www.newsru.com/world/19aug2018/mesebergtreffen.html> (дата обращения: 04.04.2019).

Информация об авторе.

Нагдасева Анна Павловна – студентка 1-го курса магистратуры факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 2 научных публикаций. Сфера научных интересов: внешняя политика Германии, общая внешняя политика и политика безопасности Европейского союза, трансатлантические отношения. E-mail: nag02@inbox.ru

REFERENCES

1. Hufbauer, G. and Oegg, B. (2000), "Targeted Sanctions: A Policy Alternative?", available at: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/targeted-sanctions-policy-alternative> (accessed 20.10.2018).

2. Lukashuk, I.I. (2005), *Mezhdunarodnoe pravo* [International law], available at: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/pdf/lukashuk_1.pdf (accessed 04.04.2019).

3. Elliott, K. and Hufbauer, G. (2018), "Sanctions", available at: <https://www.econlib.org/library/Enc1/Sanctions.html> (accessed 25.11.2018).

4. United Nations, Charter of the United Nations, Chapter vii: action with respect to threats to the peace, breaches of the peace, and acts of aggression, Article 41, 42, available at: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/> (accessed 21.03.2019).

5. Masters, J. (2019), "What Are Economic Sanctions?", available at: <http://www.cfr.org/sanctions/economic-sanctions/p36259> (accessed 30.11.2018).

6. Semenov, A.V. (2015), "What is international political and economic sanctions", available at: <http://analitikaru.ru/2015/07/20/что-такое-международно-политико-экономические-санкции/> (accessed 21.03.2019).

7. Izvestiya, (2018), Anti-Russian sanctions hinder the formation of the German government, (2018), available at: <https://iz.ru/702403/2018-01-30/antirossiiskie-sankcii-prepitatstvuiut-formirovaniu-pravitelstva-frg> (accessed 01.03.2019).

8. Hufbauer, G., Elliott, K., Cyrus, T. and Winston E. (1997), "US Economic Sanctions: The Impact on Trade, Jobs and Wages", available at: URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/us-economic-sanctions-their-impact-trade-jobs-and-wages> (accessed 28.10.2018).

9. Timofeev, I.N. (2018), "Economic sanctions as a concept of power politics", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 59, no. 2, pp. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.

10. Drezner, D. (2011), "Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice", *International Studies Review*, vol. 13, issue 1, pp. 96–108, available at: <https://academic.oup.com/isr/article-abstract/13/1/96/1807429?redirectedFrom=fulltext> (accessed 21.10.2018). DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.01001.x>.

11. Klinova, M. and Sidorova, E. (2014), "Economic Sanctions and EU-Russia Economic Relations" *Voprosy Ekonomiki*, no. 12, pp. 67–79.
12. Electronic Fund for Legal and Standard Technical Documentation (2019), General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947). Article XXI, available at: <http://docs.cntd.ru/document/1901981> (accessed 21.03.2019).
13. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2018), Russia-EU. Sanctions and counter sanctions, available at: <http://www.mid.ru/rossia-es.-sankcii-i-kontrsankcii> (accessed 21.03.2019).
14. Veselov, A. and Azanov, R. (2017), *Tri goda sanktsii: poteri i priobreteniya* [Three years of sanctions: losses and gains], available at: <https://tass.ru/politika/4103932> (accessed 21.03.2019).
15. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD (2018), Legislaturperiode, available at: <https://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/koalitionsvertrag.pdf> (accessed 21.03.2019).
16. EADaily, (2016), "White Paper – 2016": Germany recognizes the multipolarity of the world and chooses an anti-Russian pole, available at: <https://eadaily.com/ru/news/2016/07/20/belaya-kniga-2016-germaniya-priznaet-mnogopolyarnost-mira-i-vybiraet-antirossiyskiy-polyus> (accessed 21.03.2019).
17. MMF (2018). Mutual trade turnover between Russia and Germany: partnership continues, available at: <http://moneymakerfactory.ru/biznes-plan/tovarooborot-rossii-i-germanii/> (accessed 21.03.2019).
18. Belyaev, S.A. (2018), "Analysis of foreign trade relations of Russia and Germany", available at: <https://www.innov.ru/science/economy/analiz-vneshnetorgovykh-otnosheniy/> (accessed 24.11.2018).
19. Spiegel (2019), US-Botschafter Grenell schreibt Drohbriefe an deutsche Firmen, available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/richard-grenell-us-botschafter-schreibt-drohbriefe-an-deutsche-firmen-a-1247785.html> (accessed 10.06.2019).
20. Business newspaper "Vzglyad", Berlin brought an unexpected argument in defense of Nord Stream 2, available at: <https://vz.ru/news/2019/1/11/958834.html> (accessed 10.06.2019).
21. Business newspaper "Vzglyad", In Berlin, reminded that Germany is not a colony of the United States, available at: <https://vz.ru/news/2019/5/16/977887.html> (accessed 10.06.2019).
22. Deutsch-Russische Auslandshandelskammer (2019), Position of the Russian-German Chamber of Commerce on the Nord Stream 2 project, available at: https://russland.ahk.de/fileadmin/AHK_Russland/Newsroom/2019/02/21_NS-2/2019-02-18_Position_Nord_Stream_2_RU.pdf (accessed 10.06.2019).
23. RBK (2017), Kremlin summed up Putin's meeting with Merkel in Sochi, available at: <https://www.rbc.ru/politics/02/05/2017/5908b47d9a794705cda36e08> (accessed 04.04.2019).
24. President of Russia (2018), Russian-German talks, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58328> (accessed 04.04.2019).
25. Newsru.com (2018), Peskov told about the details of the "useful timely" conversation between Putin and Merkel, available at: <https://www.newsru.com/world/19aug2018/mesebergtreffen.html> (accessed 04.04.2019).

Information about the author.

Anna P. Nagdaseva – 1st year student (master) of the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 2 scientific publications. Areas of expertise: German foreign policy, European foreign and security policy, transatlantic relations. E-mail: nag02@inbox.ru

Использование чат-ботов в волонтерской деятельности

В. В. Василькова, Н. И. Легостаева[✉], Е. А. Пенькова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

[✉] n.legostaeva@spbu.ru

Введение. Практики применения социальных ботов становятся все более разнообразными, боты используются в политике, экономике, культуре, здравоохранении, образовании и т. д. В связи с этим актуализируется необходимость анализа этой новой цифровой технологии распространения информации различными социальными субъектами, преследующими различные социальные цели (как конструктивные, так и деструктивные). В фокусе внимания авторов находятся чат-боты, используемые волонтерскими организациями для расширения своего социального влияния. В статье рассматривается новаторский опыт использования чат-ботов в волонтерском движении ряда зарубежных стран, а также впервые анализируются практики применения чат-ботов российскими волонтерскими организациями.

Методология и источники. Авторы разработали и применили методику анализа структуры и функций чат-ботов по следующим параметрам: 1) цель чат-бота; 2) функции, которые он осуществляет; 3) внешние характеристики бота; 4) процедура запуска бота; 5) платформа, на которой он функционирует; 6) продуктивность его деятельности.

Результаты и обсуждение. Результаты сравнительного исследования пяти выявленных ботов по данным параметрам показали, что цели создания чат-ботов в добровольческой сфере российских благотворительных и некоммерческих организаций обусловлены их функциями. Были выявлены три основные функции: фандрайзинг, информирование, рекрутинг. Внешние характеристики и процедуры запуска рассматриваемых чат-ботов отличаются в зависимости от специфики платформ, на которых они функционируют (Telegram, Facebook Messenger, «ВКонтакте»). В качестве возможного обсуждения авторы рассматривают такие проблемы, как дальнейшая разработка типологии социальных ботов, перспектива использования чат-ботов для российских волонтерских организаций, разработка параметров для оценки эффективности чат-ботов в волонтерском движении и корректировки их функционирования.

Заключение. По итогам проведенного исследования авторы делают вывод, что область применения «доброкачественных» ботов является чрезвычайно актуальной, но малоизученной проблемой в современной науке. В статье на основе исследований, осуществленных зарубежными исследователями (S. Savage, A. Monroy-Hernandez, T. Höllerer, K. Starbird, L. Palen), показана продуктивность функционирования таких ботов в сфере волонтерской деятельности, а также впервые проанализирован продуктивный опыт применения подобных цифровых технологий (в частности, чат-ботов) в российском волонтерском движении.

Ключевые слова: социальные боты, чат-боты, волонтерство, социальные сети, мессенджеры, функции чат-бота.

Для цитирования: Василькова В. В., Легостаева Н. И., Пенькова Е. А. Использование чат-ботов в волонтерской деятельности // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 86–101. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-86-101

Источник финансирования. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-011-00988 «Структура бот-пространства онлайн социальных сетей: сетевой анализ»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 18.06.2019; принята после рецензирования 28.06.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Use of Chatbots in Volunteering

V. V. Vasilkova, N. I. Legostaeva✉, E. A. Penkova

Saint Petersburg State University

St Petersburg, Russia

✉ n.legostaeva@spbu.ru

Introduction. Practices of social bots are becoming more diverse, bots are used in politics, economics, culture, health care, education, etc. In this connection, the need to analyze this new digital technology for disseminating information by various social actors, pursuing different social goals (both destructive and constructive) has been mainstreamed. The authors focus on chatbots used by volunteer organizations to expand their social influence. The paper realizes the following objectives: it considers the innovative experience of using chatbots in the volunteer movement of a number of foreign countries, and also analyzes the use of chatbots by Russian volunteer organizations for the first time.

Methodology and sources. The authors developed and applied a methodology for analyzing the structure and functions of chatbots by the following parameters: 1) the purpose of the chatbot; 2) the functions that it performs; 3) external characteristics of the bot; 4) the procedure for starting the bot; 5) the platform on which it operates; 6) the productivity of its activities.

Results and discussion. The results of a comparative study of five identified bots according to these parameters showed that the goals of creating chatbots in the volunteer sphere of Russian charitable and non-profit organizations are determined by their functions. There were identified three main functions: fundraising; informing; recruiting. The external characteristics and launch procedures of the chatbots in question differ depending on the specificity of the platforms on which they operate (Telegram, Facebook Messenger, VKontakte). As a possible discussion, the authors consider such problems as further developing the typology of social bots, the prospect of using chatbots for Russian volunteer organizations, the development of parameters for evaluating the effectiveness of chatbots in the volunteer movement and adjusting their functioning.

Conclusion. According to the results of the study, the authors conclude that the study of the field of application of “benign” bots is an extremely relevant, but poorly understood problem in modern science. In the paper, on the basis of studies carried out by foreign researchers (S. Savage, A. Monroy-Hernandez, T. Höllerer, K. Starbird, L. Palen), the productivity of such bots in the field of volunteering was shown, as well as the productive experience of similar digital technologies (in particular, chatbots) in the Russian volunteer movement was analyzed for the first time.

Key words: social bots, chatbots, volunteering, social networks, messengers, chatbot functions.

For citation: Vasilkova V. V., Legostaeva N. I., Penkova E. A. Use of Chatbots in Volunteering. DIS-COURSE. 2019. Vol. 5, no. 4, pp. 86–101. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-86-101 (Russia).

Source of financing. The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-011-00988 “Structure of the bot space of online social networks: network analysis”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.06.2019; adopted after review 28.06.2019; published online 25.10.2019

Введение. Социальные боты – это аккаунты, управляемые программным обеспечением, алгоритмически генерирующие контент и устанавливающие взаимодействие [1]. Данная технология привлекла особое внимание в силу огромных перспектив использования ботов в самых разных сферах – политике, экономике, образовании, социальном секторе [2]–[9], а также возможностей их манипулятивного воздействия, позволяющего оказывать существенное влияние на макромасштабные процессы, например, на итоги политических выборов [10]–[12]. Современные информационные технологии предоставляют все более широкие возможности для создания и функционирования бот-сетей, распространяющих информацию с большой скоростью и эффективностью, в том числе за счет имитации поведения реальных пользователей социальных сетей.

Особого внимания заслуживают исследования, в которых рассматриваются не только вредоносные боты, но и доброкачественные. Вредоносные боты разрабатываются для осуществления злонамеренных действий (спам, кража личных данных, распространение дезинформации и информационного шума во время политических дебатов, распространение вредоносного программного обеспечения и др.) [13]–[15]. Доброкачественные боты генерируют совокупный контент, автоматически реагируют на сообщения, выполняют полезные услуги (новостные боты, боты, распространяющие информацию о погоде, спортивные и трафик-боты и др.) [16], [17] и координируют волонтерскую деятельность [18].

Наряду с развитием социальных и политических ботов, а также семейств бот-сетей высокую популярность набирают чат-боты – прикладные программы, которые получают информацию от пользователя и формируют корректные, логически обоснованные ответы [19]. При этом чат-бот может выполнять дополнительные функции, например, поиск музыки и картинок, информирование о прогнозе погоды, курсе валют, сбор пожертвований и др. [20]. Модель гибкой и оперативной опосредованной сетевой коммуникации, реализуемой чат-ботом, приближает его к коммуникации, осуществляемой реальным пользователем-консультантом, поэтому у потребителя товаров или услуг при общении с чат-ботом формируется ощущение общения с живым человеком, а не роботом.

В связи с возрастающей актуальностью исследований в области конструктивных и доброкачественных функций бот-технологий целью данной статьи является описание опыта и имеющихся подходов к использованию чат-ботов в волонтерском движении и анализ кейсов создания и функционирования чат-ботов в волонтерской деятельности российских социальных организаций.

В зарубежных исследованиях авторы описывают активное использование некоммерческими организациями и координаторами-волонтерами социальных сетей Facebook и Twitter с целью сбора средств, рекламы предстоящих событий, составления фоторепортажей, развития

услуг почтового маркетинга (MailChimp, ConstantContact) в сфере волонтерства, использования облачного программного обеспечения для онлайн-опросов SurveyMonkey для получения обратной связи от добровольцев, использования веб-сервиса, способствующего созданию и развитию волонтерских сообществ и инициатив VolunteerMatch для анонсирования событий в сфере волонтерства с использованием настроек геолокации и сфер интересов, а также публикации отчетов по результатам волонтерской деятельности и т. д. [21].

Большую популярность набирают исследования в сфере «цифрового волонтерства» и рекрутинговой роли ботов в сфере добровольчества. В ряде статей описан опыт таких практик и сделаны первые обобщения, связанные с демонстрацией продуктивности новых технологий в данной деятельности. В частности, S. Savage, A. Monroy-Hernandez, T. Höllerer в статье «Botivist: призыв волонтеров к действию с помощью онлайн-ботов» связывают бот-технологии с новым типом гражданских СМИ и описывают работу ботов на платформе Botivist, которые распространяли твиты на испанском языке, призывающие к консолидации усилий в решении социальных проблем в Латинской Америке. Используя качественный анализ текстов пользователей социальных сетей, а также разные стратегии презентации сообщений, ботам удалось привлечь 175 волонтеров, которые сделали 424 твита и 813 ретвитов. Боты платформы не скрывают, что они боты, и каждый бот-аккаунт насчитывает около 50 последователей. Главным отличием бот-аккаунтов являются коммуникативные стратегии, которые используются для активации волонтеров: прямая стратегия, стратегия солидарности, стратегия усиления, стратегия потери [18, с. 815].

Прямая стратегия заключается в том, чтобы быть искренним и прямым при распространении петиции. При использовании этой стратегии Botivist напрямую призывает людей к действию, чтобы найти решение социальной проблемы. Стратегия солидарности предполагает, что чувство солидарности или эмпатии может провоцировать людей на отклик и соучастие в процессе решения проблемы. Стратегия усиления показывает людям выигрыш, который они получают при активном участии в решении социальных проблем. Стратегия потери показывает людям потери, которые возникнут в случае отказа от участия в решении проблемы. По результатам исследования авторы пришли к выводу, что любая коммуникативная стратегия имеет эффект, измеряемый количественно, например, числом пользователей, вступивших в обсуждение, количеством новых связей между участниками беседы.

Другие исследователи (в частности, K. Starbird, L. Palen) изучали развитие цифрового волонтерства – «digital volunteers» [22] – в период крупных бедствий на примере землетрясения на Гаити 12 января 2010 г., которое унесло жизни 200–250 тыс. чел. Авторы описывают опыт создания и функционирования бот-аккаунта в Twitter для регулярного распространения твитов о катастрофе с автоматически настроенными интервалами (периодичность – 1 час) на английском и французском языках. При формировании контента, распространяемого автоматически настроенным аккаунтом, авторы исследования использовали синтаксис Tweak the Tweet (TtT), который относится к области предложений микросинтаксиса Twitter, используемого в период аварийных ситуаций и позволяющего с помощью хештегов структурировать информацию таким образом, чтобы компьютеры могли легко идентифицировать и анализировать ключевые элементы информации: тип сообщения, местоположение, контакт и т. д.

Массив данных, собранный с 10 января по 1 февраля 2010 г., состоял из 292 928 твитов от 339 авторов. В результате K. Starbird и L. Palen обнаружили две целевые группы волонтеров:

1) цифровые волонтеры, которые распространяли «кризисные твиты»; 2) волонтеры, которые оказывали помощь в ликвидации последствий землетрясений. Результаты исследования, полученные с помощью API Twitter, анализа синтаксиса твитов и интервью с участниками цифрового движения, позволили сделать вывод, что социальная сеть предоставляет ресурсы и механизмы активации для самоорганизации людей в кризисные периоды.

В России 2018 г. проходил под эгидой популяризации волонтерского движения. С 1 мая 2018 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)». В соответствии с законом под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг [23]. Российская волонтерская деятельность стала активно вливаться в процесс цифровизации. Речь идет о самых разных практиках – от создания единых коммуникативных платформ (например, единый портал добровольцев России) до развития опосредованных механизмов мобилизации (например, электронные петиции). В отечественных исследованиях подчеркивается возрастающая роль цифровых технологий, которые используют некоммерческие организации в продвижении социально ориентированных проектов и привлечении добровольцев: SEO-продвижение, контекстная реклама, социальные сети и социальные медиа, веб-сайты и т. д. Так, О. И. Володина рассматривает каналы распространения добровольчества (социальные сети, интернет-сайты, блоги), а также медиапродукты, способствующие совершенствованию информационной деятельности НКО, на примере компании Google (Google Grants, Google-диск, Google-группы, Google-карты). Среди преимуществ новых информационных каналов она отмечает глобальность, оперативность и интерактивность коммуникации [24].

Важно подчеркнуть, что расширение использования чат-ботов связано не только с развитием социальных сетей (Facebook, «ВКонтакте», Twitter, Instagram), но также с широким распространением мессенджеров (Instagram Direct, Facebook Messenger, Skype, ICQ, WhatsApp, Viber, Discord, Telegram, Snapchat). Основным инструментом мессенджеров является чат, в котором люди группируются по схожим интересам, обмениваются контактами и информацией. Чат-боты – прикладные программы, которые, получая информацию от пользователя, формируют корректные, логически обоснованные ответы [19]. Технология чат-ботов стала интенсивно развиваться внутри мессенджеров, поскольку сама коммуникативная природа мессенджеров соответствует логике диалогов, используемой чат-ботами. Чат-боты получили широкое распространение в экономическом секторе (банки, туризм, бизнес), позднее подключилась и социальная сфера (благотворительные фонды, НКО, онлайн-образование). Среди функций, выполняемых чат-ботами, выделяют развлекательную (поиск музыки, фото, юмор), инструментальную (калькулятор), информационную (курс валют, прогноз погоды, рассылка новостей), фандрайзинг (сбор пожертвований) и т. д.

Методология и источники. Целью эмпирического исследования является анализ практик создания и использования чат-ботов российскими волонтерскими организациями.

При обосновании метода эмпирического исследования, проведенного авторами, следует прежде всего учитывать специфику тех платформ, на которых осуществлялся поиск чат-ботов.

Большинство зарубежных исследований, посвященных бот-технологиям, проводится на платформе социальной сети Twitter. Это связано с тем, что Twitter по сравнению с Facebook

имеет более открытый API и не очень строгие правила, регламентирующие процедуру использования ботов. В отечественных исследованиях авторы изучают чат-боты в социальной сети «ВКонтакте» и на отдельных сайтах. Как отмечают зарубежные исследователи, в отличие от китайских Baidu и Weibo, российская социальная сеть «ВКонтакте» одержала победу над своим американским «коллегой» Facebook на территории Российской Федерации. Именно по этой причине многие исследования российских бот-технологий проводятся на платформе социальной сети «ВКонтакте». Авторы данного исследования постарались учесть этот факт и при изучении чат-ботов в волонтерской деятельности рассмотрели широкую линейку платформ, на которых функционируют чат-боты: «ВКонтакте», Telegram, Facebook Messenger, автономные сайты.

Оригинальность авторской методики описания чат-ботов связана с использованием структурно-функционального анализа ботов. Дело в том, что в отечественной и зарубежной литературе авторы, изучающие чат-боты в добровольческой деятельности, акцентировали внимание на содержании контента, распространяемого ботами [18], либо на содержании контента-базиса, на фундаменте которого разрабатывается чат-бот [20], а также на структуре распространяемого контента [22]. Авторы данного исследования провели анализ структуры и функций самих чат-ботов. К структурным элементам чат-ботов авторы отнесли статичные признаки, алгоритм запуска, платформу размещения. Функции, выполняемые чат-ботами, авторы рассматривали через призму целей создания чат-ботов, временного параметра работы бот-технологии, а также существующих на сегодняшний день параметров оценки эффективности.

Первым шагом в процессе поиска чат-ботов стало размещение публикации на странице аккаунта в Instagram, среди подписчиков которого были волонтеры. На основании обратной связи, полученной от волонтеров, был составлен список известных чат-ботов в волонтерской деятельности. С помощью поисковых запросов на платформах социальных сетей «ВКонтакте», Telegram, Facebook со страниц личных аккаунтов были обнаружены чат-боты, с которыми авторы исследования вступили в диалог, следуя инструкциям в описании чат-ботов.

В ходе нашего анализа чат-боты сравнивались и описывались по следующим параметрам: 1) цель чат-бота; 2) функции, которые он осуществляет; 3) внешние характеристики бота; 4) процедура запуска бота; 5) платформа, на которой функционирует чат-бот; 6) продуктивность его деятельности. Данные параметры определялись при помощи анализа контента, встроенного в чат-боты, структуры опций, визуального анализа страниц чат-ботов, а также размещенных в электронных СМИ интервью руководителей проектов.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования были обнаружены и описаны пять чат-ботов, созданных различными волонтерскими организациями и действующих на различных платформах.

Первый чат-бот @tdnewsbot (рис. 1) принадлежит редакции «Такие дела» – это информационный портал благотворительного фонда «Нужна Помощь». Фонд развивает благотворительные, общественные и социально значимые инициативы в России, кроме того, собирает пожертвования для других НКО. Бот базируется в мессенджере Telegram и запускается с помощью команды / start. После запуска приходит приветственное сообщение, в котором говорится о том, что можно прислать новость, картинку или видео, которые затем поступят в редакцию «Таких дел» (рис. 1).

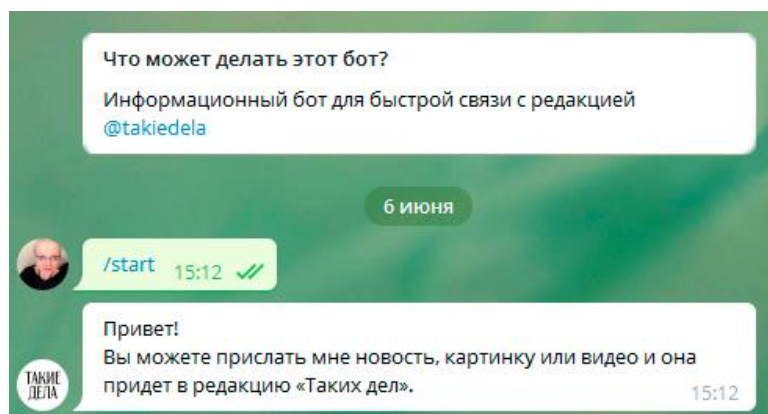


Рис. 1. Чат-бот @tdnewsbot
Fig. 1. Chatbot @tdnewsbot

После того, как новость отправлена, бот благодарит и говорит, что также при желании можно связаться с редакцией по электронной почте. Таким образом, запускается механизм по решению описанной проблемы. Основная функция этого бота – поиск информации, однако сама редакция отмечает, что «бот – точно не самый используемый канал информирования». Эта фраза подтверждается статистикой по количеству сообщений: с июля 2018 г. по июнь 2019 г. в редакцию через чат-бот поступило 341 сообщение, 222 из которых – от основателя «Такие дела», что говорит о смещении информационной функции бота на быстрый способ внутренней коммуникации.

Второй чат-бот @AistenokBot (рис. 2), так же, как и первый, расположен в мессенджере Telegram и основной его функцией является сбор пожертвований в пользу Свердловской региональной общественной организации «Аистенок».

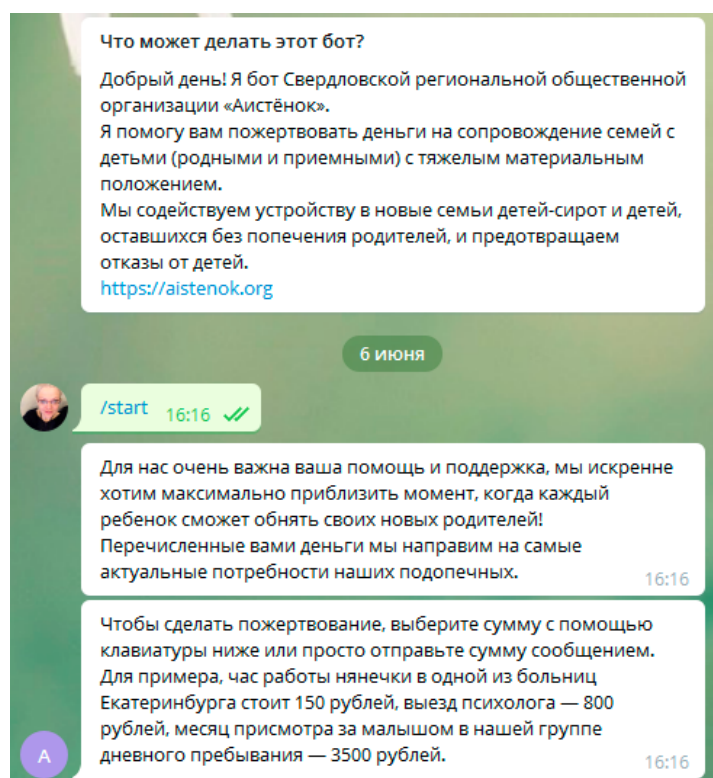


Рис. 2. Чат-бот @AistenokBot
Fig. 2. Chatbot @AistenokBot

В задачи общественной организации входит сопровождение семей с детьми (родными и приемными) с тяжелым материальным положением, содействие устройству в новые семьи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предотвращение отказов от детей. Для запуска чат-бота требуется выполнить команду /start. После запуска придет сообщение о том, что для организации очень важны помощь и поддержка благотворителей. В следующем сообщении представлена информация о том, каким образом можно внести пожертвование (рис. 2). Это можно сделать двумя способами: 1) выбрать сумму с помощью клавиатуры, расположенной внизу; 2) отправить сумму сообщением. Перевод осуществляется в Telegram без перехода на посторонние ресурсы с помощью «Яндекс.Кассы». После осуществления перевода приходит сообщение с благодарностью. Таким образом, чат-бот @AistenokBot операционализирует процесс финансового фандрайзинга – привлечения средств, необходимых данной организации для осуществления ее деятельности.

Третий бот @tutryadom_bot (рис. 3) нацелен на привлечение новой аудитории к Центру системной поддержки людей с расстройствами аутистического спектра «Антон тут рядом».

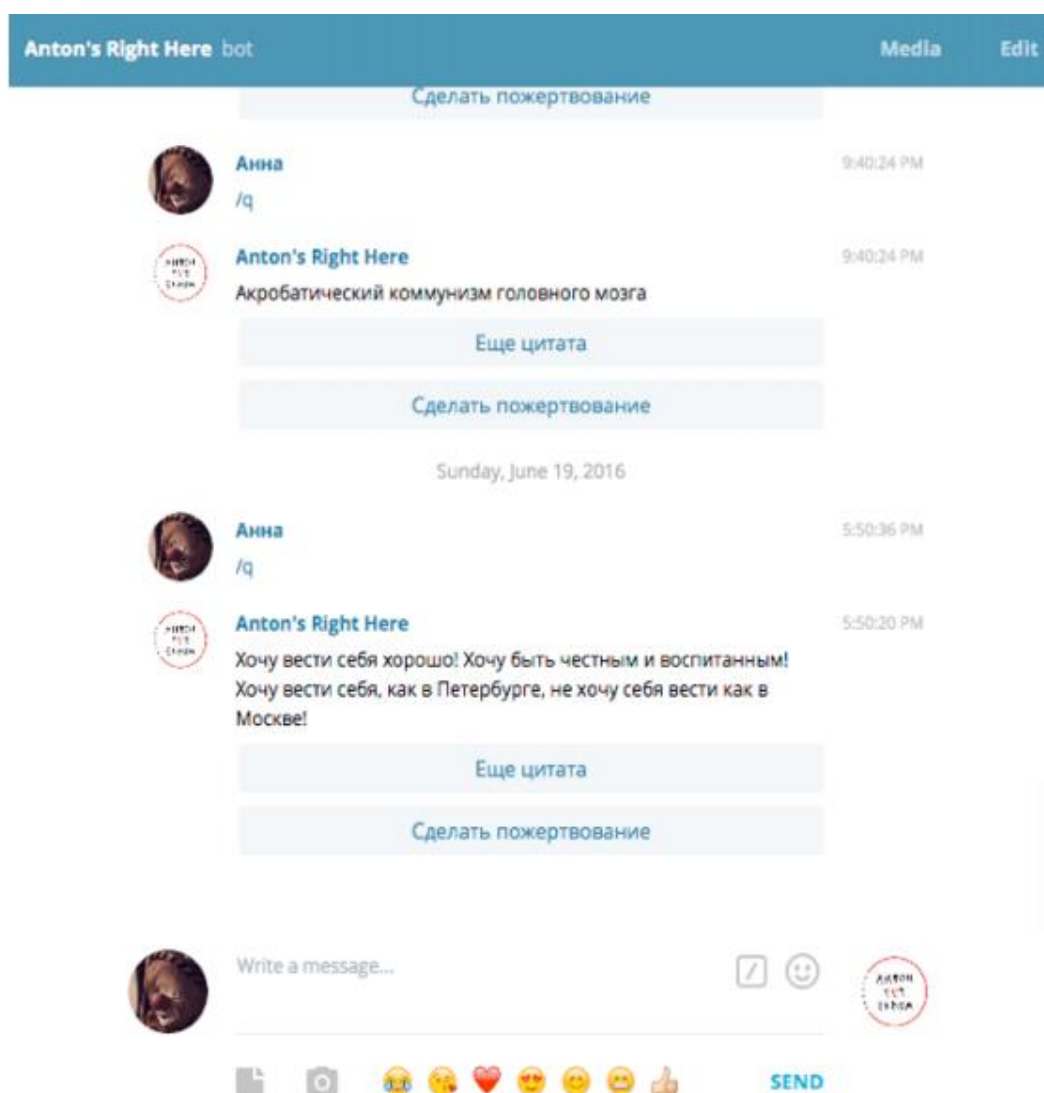


Рис. 3. Чат-бот @tutryadom_bot
Fig. 3. Chatbot @tutryadom_bot

Он был создан «Теплицей социальных технологий» с помощью плагина TeploBot (Telegram Bot for WP) и запущен в Telegram в 2016 г. Бот присылает анонсы мероприятий и новостей в ответ на запросы пользователей. К основным функциям чат-бота относятся фандрайзинг социальных ресурсов, распространение информации о центре, а также сбор пожертвований для центра. Бот запускается с помощью команды / help и реагирует на четыре команды: 1) при использовании команды / q выдается случайное высказывание студента, а если использовать / q + слово – высказывание с этим словом; 2) в ответ на команду / m выпадает список мест, в которых можно поддержать деятельность центра (например, выпив кофе или сходя в кинотеатр); 3) команда / i используется для выдачи рисунка, нарисованного студентом центра; 4) с помощью последней команды / s + слово, производится поиск по заданному слову на сайте центра (рис. 3).

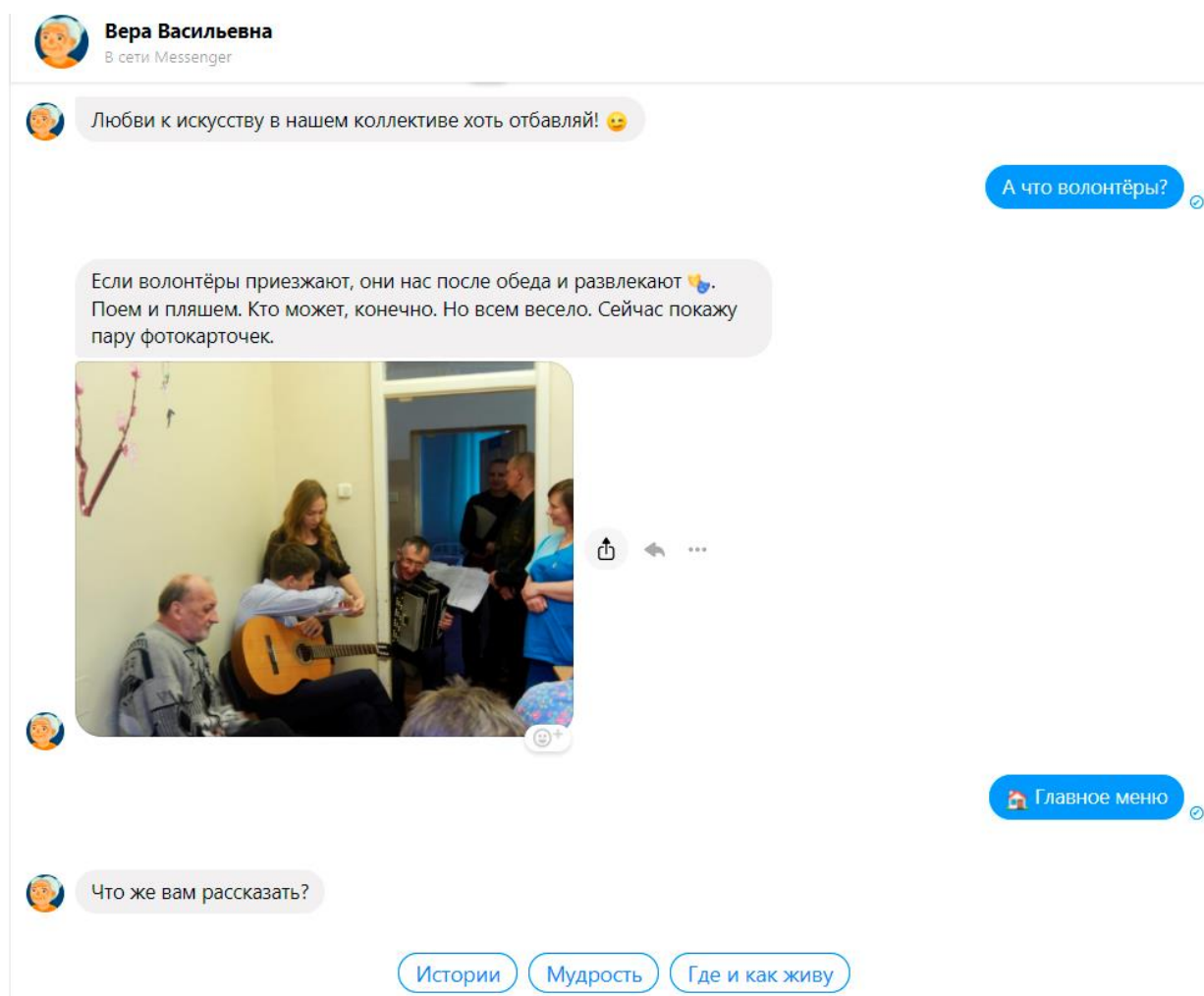


Рис. 4. Чат-бот «Вера Васильевна»

Fig. 4. Chatbot «Vera Vasil'evna»

В марте 2019 г. благотворительный фонд «Старость в радость», целью которого является оказание помощи пожилым людям, совместно с BRM-агентством Convergent Media Group презентовал запуск чат-бота «Вера Васильевна» (рис. 4). Основными функциями чат-бота являются распространение информации о фонде, привлечение волонтеров и финансовых средств. Отличительная особенность «Веры Васильевны» – ее персонификация с пожилой женщиной 75 лет из Тверской области, которая раньше работала учительницей

начальных классов, а в пожилом возрасте стала жить в доме престарелых. Пообщаться с данным чат-ботом можно в Facebook Messenger и во «ВКонтакте». Бот запускается с помощью нажатия кнопки «начать» и имеет широкий спектр команд. Чат-бот «Вера Васильевна» может рассказать пользователям различные истории из своей жизни в доме престарелых, поделиться житейской мудростью, а также рассказать, как стать внуком по переписке для одинокого пожилого человека.

Чат-бот «Индекс уязвимости» (рис. 5) был создан благотворительной организацией «Ночлежка», помогающей бездомным людям в Санкт-Петербурге и Москве. Цель создания данного бота – фандрайзинговый проект, который направлен на работу со стереотипами о бездомности.

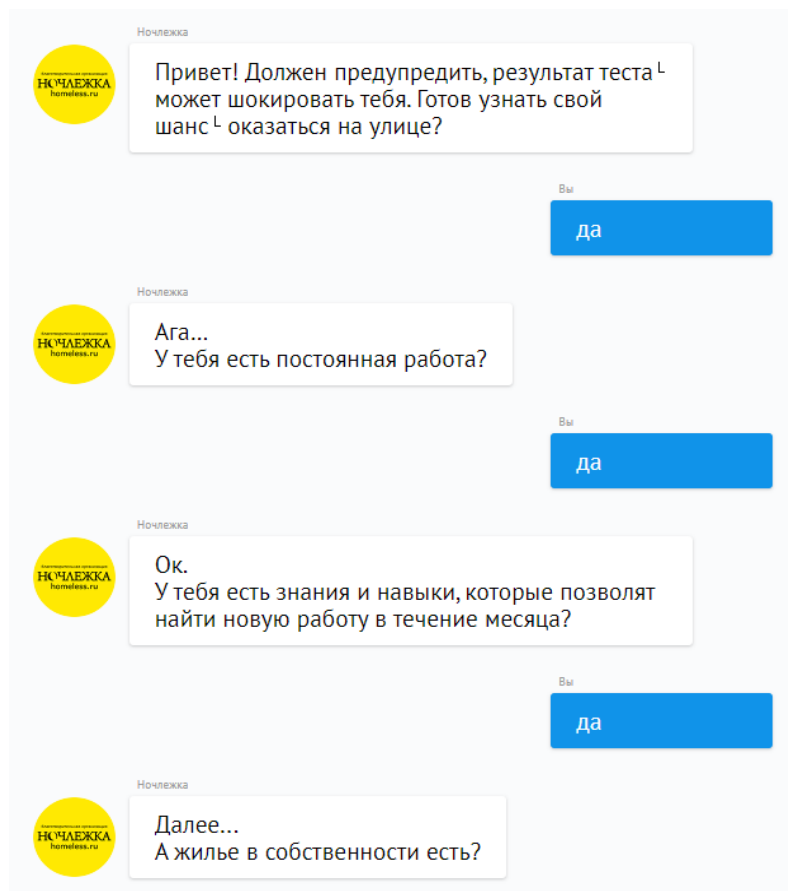


Рис. 5. Чат-бот «Индекс уязвимости»

Fig. 5. Chatbot «Vulnerability Index»

Данный чат-бот не встроен в Telegram, VK или Facebook. «Индекс уязвимости» – это тест, который базируется на отдельной платформе, и его могут пройти люди, которым не обязательно быть пользователем социальных сетей. За 6 месяцев работы чат-бота 50 тыс. чел. ответили на его вопросы, 9 000 чел. перешли на сайт и узнали о причинах бездомности, 1 500 чел. поделились результатами теста в социальных сетях. Координатор проектов и фандрайзер «Ночлежки» Виктория Рыжкова сообщила, что за первые два дня работы чат-бота они заработали около 400 тыс. р. [25].

Анализ специфики чат-ботов и их применения является важным для понимания разнообразия структуры бот-пространства интернет-коммуникации и функций ботов в различных

коммуникативных практиках. Амбивалентный характер бот-технологий породил целый ряд исследований по всему миру, посвященных деструктивным функциям ботов: манипулирование общественным мнением, распространение ложной информации, пропаганда и т. д. Однако в последнее время стали появляться работы, рассматривающие бот-технологии с точки зрения их конструктивных функций. Например, к доброкачественным ботам исследователи относят боты, генерирующие совокупный контент и автоматически реагирующие на сообщения (новостные боты, боты, распространяющие информацию о погоде, спортивные, трафик-боты и др.) [26].

Исследуемая тема также вносит свой вклад в дискуссию о перспективах данной цифровой технологии в практиках российских организаций. Несмотря на заявления о том, что первая волна эйфории от перспектив использования чат-ботов прошла вследствие отсутствия в их функционале многозадачности, в настоящее время технология чат-ботов продолжает развиваться в направлении создания голосовых ассистентов в сфере бизнеса, досуга, быта и т. д. При этом, по оценкам компании Just AI, объем рынка чат-ботов и голосовых помощников в России к середине 2018 г. достиг 524 млн р. По их прогнозам, в 2019 г. он возрастет до 1,5 млрд р., к 2021 г. этот показатель достигнет 9,6 млрд, а к 2023 – 33 млрд р. [27]. Данную точку зрения поддерживают отечественные исследователи А. В. Параскевов, А. А. Каденцева и С. И. Мороз. Они отмечают, что рынок чат-ботов для мессенджеров и социальных сетей активно развивается благодаря удобству программных средств для разработки чат-ботов, а также высокой эффективности в сфере фандрайзинга [28, с. 5].

В связи с этим можно сказать, что значимость проведенного исследования заключается в том, что авторы осуществили первую попытку анализа использования чат-ботов на базе российского сегмента Интернета. При этом авторы отдают себе отчет в том, что данное исследование является локальным, поскольку охватывает лишь несколько чат-ботов, применяемых лишь в одной из сфер деятельности (волонтерстве). Однако сам подход, включающий методику анализа структуры и функций чат-ботов, представляется нам достаточно продуктивным, поскольку позволяет выявить намерения социальных субъектов (индивидов, организаций), создающих и использующих чат-боты.

Одним из важнейших направлений последующей разработки темы является, на наш взгляд, вопрос оценки эффективности использования чат-ботов. Для разработки адаптивной системы оценки работы чат-бота по определенному профилю необходимо учитывать комплекс показателей. Применительно к нашей теме исследования такими показателями могут быть количество волонтеров (новых и вернувшихся), количество собранных средств, количество обсуждений по заданной теме, количество откликов / вопросов, поступивших в организацию, количество кликов по ссылкам внутри чат-бота и т. д. Как показало наше исследование, не у всех координаторов проектов и фандрайзеров имеется инструмент оценки работы чат-бота, некоторые сотрудники благотворительных организаций отмечают невыполнение чат-ботом запрограммированной доминирующей функции и смещение его работы на второстепенную, например, функция внешнего информирования замещается функцией внутреннего оповещения. В связи с этим еще одной перспективной темой в области чат-ботов становится разработка гибкого инструментария оценки эффективности использования чат-бота с последующими алгоритмами по его корректировке.

Заключение. Область применения «доброкачественных» ботов является чрезвычайно актуальной, но малоизученной проблемой в современной науке. Данная проблема была рассмотрена на примере использования чат-ботов в деятельности волонтерских организаций. Была показана продуктивность функционирования таких ботов на основе исследований, осуществленных зарубежными исследователями (S. Savage, A. Monroy-Hernandez, T. Höllerer, K. Starbird, L. Palen), а также было показано, что российские исследователи фиксируют важность применения новейших цифровых технологий (в частности, чат-ботов) для расширения возможностей волонтерского движения.

В результате проведенного исследования по авторской методике были выявлены следующие чат-боты, используемые в российском волонтерском движении: @tdnewsbot благотворительного фонда «Нужна Помощь», @AistenokBot региональной общественной организации «Аистенок», @tutryadom bot Центра системной поддержки людей с расстройствами аутистического спектра «Антон тут рядом», чат-бот «Вера Васильевна» благотворительного фонда «Старость в радость», чат-бот «Индекс уязвимости» благотворительной организации «Ночлежка».

Анализ данных чат-ботов показал, что цели создания чат-ботов в добровольческой сфере российских благотворительных и некоммерческих организаций обусловлены их функциями. Были выявлены три основные функции: 1) фандрайзинг; 2) информирование; 3) рекрутинг. Внешние характеристики и процедуры запуска рассматриваемых чат-ботов отличаются в зависимости от специфики платформ, на которых они функционируют. Использовались следующие платформы: Telegram, Facebook Messenger, «ВКонтакте».

Перспективы анализируемой темы авторы связывают с исследованиями по уточнению типологии ботов, а также роли, перспектив и параметров эффективности использования чат-ботов как одной из новейших цифровых технологий для развития волонтерского движения в современном российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Online human-bot interactions: Detection, estimation, and characterization? / O. Varol, E. Ferrara, C. A. Davis, F. Menczer, A. Flammini. URL: <https://arxiv.org/abs/1703.03107> (дата обращения: 18.05.2019).
2. Følstad A., Brandtzæg P. B. Chatbots and the new world of HCI // Interactions. 2017. Vol. 24, iss. 4. P. 38–42.
3. Bots and political influence: A sociotechnical investigation of social network capital / D. Murthy, A. B. Powell, R. Tinati, N. Anstead, L. Carr, S. J. Halford, M. Weal // Int. J. of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4952–4971.
4. Neff G., Nagy P. Talking to bots: symbiotic agency and the case of Tay // Int. J. of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4915–4931.
5. Shorey S., Howard P. N. Automation, Big Data and Politics: A Research Review // Int. J. of Communication. 2016. Vol. 10. P. 5032–5055.
6. The Influence and Deception of Twitter: The Authenticity of the Narrative and Slacktivism in the Australian Electoral Process / B. Waugh, M. Abidinpanah, O. Hashemi, S. A. Rahman, D. M. Cook // Proceed. of the 14th Australian Information Warfare Conference. Edith Cowan University, Perth, Western Australia. URL: <https://ro.ecu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1053&context=isw> (дата обращения: 18.05.2019).
7. Williams J. A., Miller D. M. Netizens decide 2014? A look at party campaigning online // Japan Decides. 2014. Palgrave Macmillan, London, 2016. P. 144–152.

8. Woolley S. C., Howard P. N. Political communication, computational propaganda, and autonomous agent – Introduction // *Int. J. of Communication*. 2016. Vol. 10. P. 4882–4890.
9. Василькова В. В., Легостаева Н. И. Социальные боты в политической коммуникации // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Социология*. 2019. № 19 (1). С. 121–133.
10. Bessi A., Ferrara E. Social Bots Distort the 2016 US Presidential Election Online Discussion // *First Monday*. 2016. Vol. 21, no. 11. URL: <https://ssrn.com/abstract=2982233> (дата обращения: 18.05.2019).
11. Political bots and the manipulation of public opinion in Venezuela / M. C. Forelle, P. N. Howard, A. Monroy-Hernandez, S. Savage // *Project on Computational Propaganda*. Oxford, UK, 2015. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1507/1507.07109.pdf> (дата обращения: 18.05.2019).
12. Junk news and bots during the U.S. Election: What were Michigan voters sharing over Twitter? / P. N. Howard, G. Bolsover, B. Kollanyi, S. Bradshaw, L.-M. Neudert 2017. URL: <http://comprop.oii.ox.ac.uk/research/working-papers/junk-news-and-bots-during-the-u-s-election-what-were-michigan-voters-sharing-over-twitter/> (дата обращения: 18.05.2019).
13. The rise of social bots / E. Ferrara, O. Varol, C. Davis, F. Menczer, A. Flammini // *Communications of the ACM*. 2016. Vol. 59 (7). P. 96–104.
14. Predicting online extremism, content adopters, and interaction reciprocity / E. Ferrara, W.-Q. Wang, O. Varol, A. Flammini, A. Galstyan // *Int. Conf. on Social Informatics*. Bellevue, WA, USA. 2016. P. 22–39. DOI: 10.1007/978-3-319-47874-6_3.
15. Science vs conspiracy: Collective narratives in the age of misinformation / A. Bessi, M. Colletto, G. A. Davidescu, A. Scala, G. Caldarelli, W. Quattrociocchi // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10 (2): e0118093. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0118093> (дата обращения: 18.05.2019).
16. Lokot T., Diakopoulos N. News bots: Automating news and information dissemination on twitter // *Digital Journalism*. 2016. Vol. 4, iss. 6. P. 682–699.
17. Tweets as impact indicators: Examining the implications of automated «bot» accounts on twitter / S. Haustein, T. D. Bowman, K. Holmberg, A. Tsou, C. R. Sugimoto, V. Larivière // *J. of the Association for Information Science and Technology*. 2016. Vol. 67, iss. 1. P. 232–238.
18. Savage S., Monroy-Hernandez A., Höllerer T. Botivist: Calling volunteers to action using online bots // *Proceed. of the 19th ACM Conf. on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. ACM. 2016. P. 813–822.
19. Матвеева Н. Ю., Золотарюк А. В. Технологии создания и применения чат-ботов // *Научные записки молодых исследователей*. 2018. № 1. С. 28–30.
20. Шовин В. А. Программа chatbot – чат-бот или виртуальный собеседник // *Математические структуры и моделирование*. 2016. № 4 (40). С. 96–101.
21. Vaida A., Harmon E., Ani B. Bridging between organizations and the public: volunteer coordinators' uneasy relationship with social computing // *Proceed. of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. ACM. 2012. P. 1967–1976.
22. Starbird K., Palen L. Voluntweeters: Self-organizing by digital volunteers in times of crisis // *Proceed. of the SIGCHI conference on human factors in computing systems*. ACM. 2011. P. 1071–1080.
23. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» от 05.02.2018 № 15-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289772/ (дата обращения: 18.05.2019).
24. Володина О. И. Инструменты продвижения некоммерческих проектов в сети Интернет: современные тренды // *Коммуникология: электронный науч. журн*. 2017. № 1 (2). С. 92–104.
25. Фрейман Н. Чат-бот поможет: как использовать мессенджеры в фандрайзинге. URL: <https://philanthropy.ru/analysis/2017/07/03/52030/> (дата обращения: 18.05.2019).
26. The rise of social bots / E. Ferrara, O. Varol, C. Davis, F. Menczer, A. Flammini // *Communications of the ACM*. 2016. Vol. 59, iss. 7. P. 96–104. URL: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=2963119.2818717> (дата обращения: 18.05.2019).

27. Скобелев В. Без лишних разговоров. Чат-боты набирают популярность среди ретейлеров и отельеров. URL: https://www.dp.ru/a/2019/05/13/Bez_lishnih_razgovorov (дата обращения: 18.05.2019).

28. Параскевов А. В., Каденцева А. А., Мороз С. И. Перспективы и особенности разработки чат-ботов // Науч. журн. КубГАУ. 2017. № 130 (06). URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/06/pdf/30.pdf> (дата обращения: 18.05.2019).

Информация об авторах.

Василькова Валерия Валентиновна – доктор философских наук (1999), профессор кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 151 научной публикации. Сфера научных интересов: социальная коммуникация, интернет-коммуникация, фрейм-анализ, сетевой анализ, сети в коммуникации, методы изучения коммуникации. E-mail: v.vasilkova@spbu.ru

Легостаева Наталья Игоревна – кандидат социологических наук (2012), научный сотрудник лаборатории изучения социально-экономических и политических процессов современного общества Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, жизненные стратегии, интернет-коммуникация, интернет-структуры, боты, астротурфинг. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8726-8784>. E-mail: n.legostaeva@spbu.ru

Пенькова Елизавета Андреевна – студентка (3-й курс) факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: чат-боты, волонтерство, социальное предпринимательство. E-mail: st054819@student.spbu.ru

REFERENCES

1. Varol, O., Ferrara, E., Davis, C.A., Menczer, F. and Flammini A. (2017), "Online human-bot interactions: Detection, estimation, and characterization?", available at: <https://arxiv.org/abs/1703.03107> (accessed 18.05.2019).
2. Følstad A. and Brandtzæg P. B. (2017), "Chatbots and the new world of HCI", *Interactions*. Vol. 24. Issue 4. pp. 38–42.
3. Murthy, D., Powell, A.B., Tinati, R., Anstead, N., Carr, L., Halford, S.J. and Weal, M. (2016), "Bots and political influence: A sociotechnical investigation of social network capital", *International Journal of Communication*. Vol. 10. pp. 4952–4971.
4. Neff, G. and Nagy, P. "Talking to bots: symbiotic agency and the case of Tay", *International Journal of Communication*. 2016. Vol. 10. pp. 4915–4931.
5. Shorey, S. and Howard, P.N. "Automation, Big Data and Politics: A Research Review", *International Journal of Communication*. 2016. 10. pp. 5032–5055.
6. Waugh, B., Abidinpanah, M., Hashemi, O., Rahman, S.A., and Cook D.M. (2013), "The Influence and Deception of Twitter: The Authenticity of the Narrative and Slacktivism in the Australian Electoral Process", *Proceed. of the 14th Australian Information Warfare Conference*. Edith Cowan University, Perth, Western Australia, available at: <https://ro.ecu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1053&context=isw> (accessed 18.05.2019).
7. Williams, J.A. and Miller, D.M. (2016), "Netizens decide 2014? A look at party campaigning online", *Japan Decides 2014*, London, Palgrave Macmillan, UK, pp. 144–152.

8. Woolley, S.C. and Howard, P.N. (2016), "Political communication, computational propaganda, and autonomous agent – Introduction", *International Journal of Communication*, vol. 10, pp. 4882–4890.
9. Vasilkova, V.V. and Legostaeva, N.I. (2019), "Social bots in political communication", *RUDN Journal of Sociology*, no. 19 (1), pp. 121–133.
10. Bessi, A. and Ferrara, E. (2016), "Social Bots Distort the 2016 US Presidential Election Online Discussion", *First Monday*, vol. 21. no. 11, available at: <https://ssrn.com/abstract=2982233> (accessed 18.05.2019).
11. Forelle, M. C., Howard, P. N., Monroy-Hernandez, A. and Savage, S. (2015), "Political bots and the manipulation of public opinion in Venezuela", Project on Computational Propaganda. Oxford, UK, available at: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1507/1507.07109.pdf> (accessed 18.05.2019).
12. Howard, P. N., Bolsover, G., Kollanyi, B., Bradshaw, S., and Neudert L.-M. (2017), "Junk news and bots during the U.S. Election: What were Michigan voters sharing over Twitter?", available at: <http://comprop.oii.ox.ac.uk/research/working-papers/junk-news-and-bots-during-the-u-s-election-what-were-michigan-voters-sharing-over-twitter/> (accessed 18.05.2019).
13. Ferrara, E., Varol, O., Davis, C., Menczer, F. and Flammini, A. (2016), "The rise of social bots", *Communications of the ACM*, vol. 59 (7), pp. 96–104.
14. Ferrara, E., Wang, W.-Q., Varol, O., Flammini, A. and Galstyan A. (2016), "Predicting online extremism, content adopters, and interaction reciprocity", *International Conference on Social Informatics*. Bellevue, WA, USA, pp. 22–39. DOI: 10.1007/978-3-319-47874-6_3.
15. Bessi, A., Coletto, M., Davidescu, G.A., Scala, A., Caldarelli G., and Quattrociocchi, W. (2015), "Science vs conspiracy: Collective narratives in the age of misinformation", *PLoS ONE*, vol. 10 (2), DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0118093> (accessed 18.05.2019).
16. Lokot, T. and Diakopoulos, N. (2016), "News bots: Automating news and information dissemination on twitter", *Digital Journalism*, vol. 4, Issue 6, pp. 682–699.
17. Haustein, S., Bowman, T.D., Holmberg, K., Tsou, A., Sugimoto, C.R. and Larivière, V. (2016), "Tweets as impact indicators: Examining the implications of automated "bot" accounts on twitter", *Journal of the Association for Information Science and Technology*, vol. 67, Issue 1, pp. 232–238.
18. Savage, S., Monroy-Hernandez, A. and Höllerer, T. (2016), "Botivist: Calling volunteers to action using online bots", *Proceed. of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. ACM, pp. 813–822.
19. Matveeva, N.Y. and Zolotaryuk, A.V. (2018), "Technologies of creating and using chat bots", *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej*, no. 16, pp. 28–30.
20. Shovin, V.A. (2016), "Chatbot program – chat bot or virtual chat", *Matematicheskie struktury i modelirovanie*, no. 4 (40), pp. 96–101.
21. Volda, A., Harmon, E. and Ani, B. (2012), "Bridging between organizations and the public: volunteer coordinators' uneasy relationship with social computing", *Proceed. of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. ACM. pp. 1967–1976.
22. Starbird, K. and Palen, L. (2011), "Voluntweeters: Self-organizing by digital volunteers in times of crisis", *Proceed. of the SIGCHI conference on human factors in computing systems*. ACM, pp. 1071–1080.
23. Federal'nyj zakon (2018), "O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam dobrovol'chestva (volonterstva)" ot 05.02.2018 N 15-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Volunteering (Volunteering)" of 05.02.2018 N 15-FZ (last revised)], available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289772/ (accessed 18.05.2019), (Russia).
24. Volodina, O.I. (2017), "Tools for promoting non-commercial projects on the Internet: current trends", *Communicology*, no. 1, pp. 92–104.

25. Frejman, N. (2017), *Chat-bot pomozhet: kak ispol'zovat' messendzhery v fandrajzinge* [Chat bot will help: how to use instant messengers in fundraising], available at: <https://philanthropy.ru/analysis/2017/07/03/52030/> (accessed 18.05.2019).

26. Ferrara, E., Varol, O., Davis, C., Menczer, F. and Flammini, A. (2016), "The rise of social bots" *Communications of the ACM*, vol. 59. Issue 7, pp. 96–104, available at: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=2963119.2818717> (accessed 18.05.2019).

27. Skobelev, V. (2019), *Bez lishnih razgovorov. Chat-boty nabirayut populyarnost' sredi retejlerov i otel'ero* [Without extra talk. Chat bots are gaining popularity among retailers and hoteliers], available at: https://www.dp.ru/a/2019/05/13/Bez_lishnih_razgovorov (accessed 18.05.2019).

28. Paraskevov, A.V., Kadenceva, A.A. and Moroz, S.I. (2017), "Prospects and features of the development of chat bots", *Nauchnyj zhurnal KubGAU*, no. 130 (06), available at: <http://ej.kubagro.ru/2017/06/pdf/30.pdf> (accessed 18.05.2019).

Information about the authors.

Valeria V. Vasilkova – Dr. Sci. (Philosophy) (1999), Professor at the Department of Sociology of Culture and Communication, St Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 151 scientific publications. Area of expertise: social communication, internet communication, frame analysis, network analysis, networks in communication, methods of studying communication. E-mail: v.vasilkova@spbu.ru

Natalya I. Legostaeva – Can. Sci. (Sociology) (2012), Researcher Officer of the Laboratory for the Study of Socio-Economic and Political Processes of Modern Society, St Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 15 scientific publications. Area of expertise: youth, life strategies, Internet communication, internet structures, bots, astroturfing. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8726-8784>. E-mail: n.legostaeva@spbu.ru

Elizaveta A. Penkova – student (3rd year) of the Faculty of Sociology, St Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: chat bots, volunteering, social entrepreneurship. E-mail: st054819@student.spbu.ru

Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization

Oleg M. Polyakov✉

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia

✉road.dust.spb@gmail.com

Introduction. The article opens a series of publications on the linguistics of relations (hereinafter R-linguistics), the purpose of which is to formalize the processes studied by linguistics, to expand the possibilities of their use in artificial intelligence systems. At the heart of R-linguistics is the hypothesis that mental and linguistic activity is based on the use of consciousness model of the world, which is a system of specially processed relationships observed in the world or received by consciousness in the process of communication.

Methodology and sources. This article is devoted to the axiomatization of the categorization process. The research methods consist of the development of necessary mathematical concepts for linguistics.

Results and discussion. Axioms of categorization are defined and their equivalence with other systems of axioms is established. The concept of linguistic spaces, which consist of categories formed on the basis of axioms, is formulated. The properties of linguistic spaces are defined. In the paper are introduced the concepts of forming species which are important in decompositions of spaces, and in the transition to a parametric representation and language. Three variants of categorization are considered, the most important of which is verbal categorization. The evaluation of the results and their further development in different directions is carried out.

Conclusion. At the end of the article some additional comments are made for further publications of the series.

Key words: R-linguistics, categorization, linguistic spaces, generators, types.

For citation: Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 03.06. 2019; adopted after review 01.07.2019; published online 25.10.2019

Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 1. Категоризация

О. М. Поляков✉

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
Санкт-Петербург, Россия*

✉road.dust.spb@gmail.com

© Polyakov O. M., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Введение. Статья открывает серию публикаций по лингвистике отношений (далее R-лингвистике) целью которой является формализация процессов, изучаемых лингвистикой, для расширения возможностей их использования в системах искусственного интеллекта. В основе R-лингвистики лежит гипотеза о том, что мыслительная и языковая деятельность базируется на использовании сознанием модели мира, которая представляет собой систему специальным образом переработанных отношений, наблюдаемых в окружающем мире или полученных сознанием в процессе коммуникации.

Методология и источники. Методы исследования заключаются в развитии необходимых математических представлений для лингвистики.

Результаты и обсуждения. Определены аксиомы категоризации и установлена их эквивалентность с другими системами аксиом. Сформулировано понятие лингвистических пространств, которые состоят из категорий, образованных на основе аксиом. Определены свойства лингвистических пространств. Введены понятия образующих и видов, играющих важное значение в разложениях пространств, а также в переходе к признаковому представлению и языку. Рассмотрены три варианта категоризации, важнейшим из которых является глагольная категоризация. Произведена оценка полученных результатов и их дальнейшее развитие в различных направлениях.

Заключение. Сформулированы некоторые дополнительные замечания для связи с дальнейшими публикациями серии.

Ключевые слова: R-лингвистика, категоризация, лингвистические пространства, образующие, виды.

Для цитирования: Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 1. Категоризация // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 03.06.2019; принята после рецензирования 01.07.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Introduction. This article opens a series of publications on the linguistics of relations (R-linguistics) – a formal direction in linguistics. It is hardly necessary to say how important any formalization in linguistics. Formalization allows you to have clear definitions and understand the boundaries of what is allowed. In addition, formalization is the basis of any computer application of linguistics. This series of articles aims to build the axiomatic foundations of the model of the world, formed by consciousness and underlying linguistic human activity. The most important first step on this path is the axiomatics of categories, which this article is devoted to. Questions of categorization are presented in detail in cognitive linguistics. Axiomatization allows to reveal fundamental problems of cognitive linguistics, although the article is not enough for such conclusions.

The philosophical foundations, the principles of R-linguistics are the subject of a separate discussion and are beyond the scope of this article. R-linguistics assumes that the main function of our consciousness is the prediction of events, actions, phenomena, etc. This function of consciousness ensures the survival of the species along with other functions: fertility, protection, size, poisons, etc. Every day we make thousands of various predictions, without which our life would be impossible. We predict muscle contractions that allow you to reach the desired touches, predict the next color of the traffic light when approaching the intersection, the behavior of your dog to distinguish it from the actual behavior and determine that the dog is sick, etc. The further and more accurate we predict, the greater our ability to survive.

Prediction is always the product of the work of a certain model and, therefore, the main function of consciousness is the modeling of the surrounding world. R-linguistics uses the most general approach to modeling the world, based on the observation of all kinds of relationships in which the objects around us interact. 0-ary relations are just specific objects of the surrounding world. Unary relations are categories that for various reasons combine 0-ary objects. Binary and in the general case n-ary relations describe the interactions of different numbers of objects. It is necessary to distinguish between categorization, as the process of forming categories, and identification, as the process of relating specific objects to already formed categories. This article deals only with categorization. The issues of categories and signs are not touched here either, as they are related to identification and are considered separately. Categorization only by signs is fruitless: it describes the placement of objects in boxes with different names, and nothing more. Another thing is when signs identify categories obtained for other reasons. In this case, observing the features of objects, one can make predictions of those processes that lie in the basis of one or another categorization. In this sense, the main type of categorization is the verb, because within such a categorization, the identification of objects allows one to make predictions of their behavior (interaction). Of course, not all verbs synthesize categories, but this is the topic for another discussion.

Methodology and sources. As a method of investigation in this paper uses the results of the following mathematical topics: the theory of relations, the lattice theory, general topology, theory of data dependencies. The research materials are presented in the form of mathematical proofs of various properties of the linguistic model associated with the process of categorization.

Results and discussion.

1. Categorization axioms.

Let U be the universe of objects that are categorized. Let θ denotes the operation, which for some set of examples forms a category. This is exactly the operation that was in the head of Robinson Crusoe, who was watching the index finger of Friday. Thanks to it, using a lot of received examples, he guessed which category was being discussed. And at first one should make a few comments.

When we talk about the size of a category, we mean the whole existing set of examples of this category. But, as a rule, we do not know the limits of the category, even if it consists of a finite set of objects. For example, no one knows the set of all the tables of humanity, which, moreover, changes every minute. Therefore, in fact, the operator θ for each specific object determines whether this object is the same category example along with the set of examples given. For example, after demonstrating some examples of trees, Robinson could define the category “tree” and after pointing to trees that were not mentioned by Friday at the beginning. This means that he mastered the operator θ . Under the result of applying the operation θ , we will understand all the many examples that could potentially be obtained if we step by step applied the operator θ to various objects of the universe. Although the operator and the operation θ are different things, we will not take into account this distinction in the future, considering these explanations to be sufficient.

Consider what properties can be in the operation θ . So, let X be a set of objects from U . Obviously, the category $\theta(X)$, formed on the basis of the set of objects X , should include these examples X . Of course, after forming the category, other examples will also be included in it, but the initial examples must be included surely. So, we denote this property as an axiom:

$$A1 \quad X \subseteq \theta(X).$$

The axiom A1 in mathematics is called the axiom of extensiveness. According to the axiom A1, each of the examples on the basis of which a category is formed is necessarily included in this category for the simple reason that is an example of this category. In particular, for the universe U , we have $U \subseteq \theta(U)$. Since, by definition, the universe U contains all the elements, then $U = \theta(U)$. In other words, the universe itself is a category. Let C be any category obtained with the help of the operation θ , and X be some set of examples from C , then

A2 from $X \subseteq C$ follows $\theta(X) \subseteq C$.

Axiom A2 says that any choice of many examples in any category does not allow to go beyond this category. Axiom A2 will be called the axiom of correctness. From this point on, categorization refers to the use of the operation θ with the specified properties [1]. Any process to be called a categorization must at least satisfy the axioms A1 and A2. Somewhat later, we will consider categorization options, and now we will define its properties.

From axiom A2 follows.

Proposition 1. If $X \subseteq \theta(Y)$ and $Y \subseteq \theta(X)$, then $\theta(X) = \theta(Y)$.

The proof directly follows from A2.

In mathematics, the closure operation with the following axioms is well known:

A1 $X \subseteq \theta(X)$ (extensiveness);

C1 $\theta(X) = \theta(\theta(X))$ (idempotency);

C2 from $X \subseteq Y$ follows $\theta(X) \subseteq \theta(Y)$ (monotonicity).

Theorem 2. The systems of axioms $\langle A1, A2 \rangle$ and $\langle A1, C1, C2 \rangle$ are equivalent.

Proof. For the idempotency axiom C1 of A1, it follows that $\theta(X) \subseteq \theta(\theta(X))$. Since $\theta(X) \subseteq \theta(X)$, it follows from A2 that $\theta(\theta(X)) \subseteq \theta(X)$, and, therefore, $\theta(X) = \theta(\theta(X))$. For axiom C2, let $X \subseteq Y$. From the axiom A1 $Y \subseteq \theta(Y)$, and, therefore, $X \subseteq \theta(Y)$. Applying A2, we obtain $\theta(X) \subseteq \theta(Y)$. Conversely, we show that the system of axioms for the closure operator implies A2. Let $X \subseteq \theta(Y)$. Then from C2 it follows that $\theta(X) \subseteq \theta(\theta(Y))$, and taking C1 into account, we get $\theta(X) \subseteq \theta(Y)$.

The axiom system $\langle A1, A2 \rangle$ (or $\langle A1, C1, C2 \rangle$) defines the properties of a certain map θ that associates with each subset of examples from U an element of a certain family of categories over U . Consider the properties of this family of categories.

In [2] the following axioms are introduced by Moore for purely mathematical purposes:

B1 U belongs to the family of sets;

B2 intersection of family members is a member of the family.

It should be noted that the axiom system $\langle B1, B2 \rangle$ simply defines a certain family of subsets of U with certain properties, and there is no question of any mapping. Therefore, later in the text we have to talk about equivalency, and not about the equivalence of the axiom system $\langle B1, B2 \rangle$ with the systems $\langle A1, A2 \rangle$ and $\langle A1, C1, C2 \rangle$.

Lemma 3. For any operation θ satisfying the axiom systems $\langle A1, A2 \rangle$ or $\langle A1, C1, C2 \rangle$, in the family of its closed sets, the axioms B1 and B2 are fulfilled.

Proof. From A1 it follows that $\theta(X) \cap \theta(Y) \subseteq \theta(\theta(X) \cap \theta(Y))$. On the other hand, $\theta(X) \cap \theta(Y) \subseteq \theta(X)$ and $\theta(X) \cap \theta(Y) \subseteq \theta(Y)$, and, therefore, in accordance with A2 $\theta(\theta(X) \cap \theta(Y)) \subseteq \theta(X)$ and $\theta(\theta(X) \cap \theta(Y)) \subseteq \theta(Y)$. Thus, $\theta(\theta(X) \cap \theta(Y)) \subseteq \theta(X) \cap \theta(Y)$ and, therefore, $\theta(\theta(X) \cap \theta(Y)) = \theta(X) \cap \theta(Y)$. Axiom B1 is a direct consequence of A1, taking into account that the set U is maximal.

Remark 4. The proof of Lemma 3 easily extends to an infinite family of intersections of closed sets in axiom B2. We limited ourselves to only two operands solely because we are only interested in finite category systems.

So, the operation θ satisfying the axiom systems $\langle A1, A2 \rangle$ (or $\langle A1, C1, C2 \rangle$) defines a category system that satisfies the axiom system $\langle B1, B2 \rangle$. Conversely, for the axiom system $\langle B1, B2 \rangle$, one can construct an operation θ satisfying the axiom systems $\langle A1, A2 \rangle$ and $\langle A1, C1, C2 \rangle$.

Theorem 5. For a given family of sets satisfying the axioms B1 and B2, there exists a unique operation θ satisfying the axiom systems $\langle A1, A2 \rangle$ (or $\langle A1, C1, C2 \rangle$).

Proof. For an arbitrary X , we define $\theta(X)$ as the intersection of all closed sets to which X belongs. For U , from the axiom B1, we get $\theta(U) = U$. From B2 it follows that this definition is correct. By constructing the axiom A1 is being performed. Let $X \subseteq C$. It means that C belongs to the family of intersecting closed sets and, therefore, $\theta(X) \subseteq C$.

Suppose that for the same family of closed sets there exists an operation θ_1 , different from θ , but satisfying the system of axioms $\langle A1, A2 \rangle$ (or $\langle A1, C1, C2 \rangle$). This means that there exists a set X for which $\theta(X) \neq \theta_1(X)$. Since θ and θ_1 form the same family of sets, $\theta(X)$ corresponds to one set of the family, and $\theta_1(X)$ to the other one. Since A1 is satisfied for θ_1 , $X \subseteq \theta_1(X)$ and, therefore, the closed set $\theta_1(X)$ belongs to the intersection family for $\theta(X)$, whence $\theta(X) \subseteq \theta_1(X)$. In addition, from A1 $X \subseteq \theta(X)$ and from A2 for θ_1 , we obtain $\theta_1(X) \subseteq \theta_1(\theta(X))$. But $\theta(X)$ is a closed set, and therefore, according to C1, $\theta_1(X) \subseteq \theta(X)$. So, $\theta_1(X) = \theta(X)$, which contradicts the assumption.

The investigation. Taking into account Remark 4, the category family for the categorization operation is a complete lattice.

The proof follows from the fact that there is a unity in this family (the category of U). In addition, for any subset of categories, there is an exact lower bound (the intersection of categories) [3]. Thus, in addition to the intersection operation in the family of categories, the addition operation is defined: if S and T are two categories, then $S + T = \theta(S \cup T)$. Since the lattice is complete, this operation can also be extended to an infinite number of operands.

Remark 6. Lemma 3 and Theorem 5 make clear the meaning that is embedded in the equivalency of the axiom system $\langle B1, B2 \rangle$ with the systems $\langle A1, A2 \rangle$ and $\langle A1, C1, C2 \rangle$. They uniquely associate a category family with a categorization operation: one uniquely defines the other. From here we get a simple way to define a category system: you must first define some family of initial categories, including U , and then add to it all possible missing intersections of the family elements. This will uniquely determine the categorization operation that satisfies the axiom system $\langle A1, A2 \rangle$ (or $\langle A1, C1, C2 \rangle$).

Hence the obvious, but important.

Theorem 7. Let θ_1 and θ_2 be two categorization operations on U . There is also a unique categorization operation θ_3 for θ_1 and θ_2 on U such that the categories of operations θ_1 and θ_2 are categories of operation θ_3 , and every other operation with this property forms more categories than the operation θ_3 .

Proof. Combine the categories of operations θ_1 and θ_2 . If, according to Remark 6, to these categories add all missing intersections, then we get the family of categories of the operation θ_3 . This operation will be the smallest, since any operation that combines the categories of original families must, according to B2, contain intersections of the categories of these families.

Remark 8. Operation θ_3 forms new categories in the most economical way, without creating “extra” categories, therefore everywhere in the future, the mixing of categorization operations means a categorization operation obtained by the method described above [4].

Similarly, if θ_1 and θ_2 are two categorization operations on U , then you can enter θ_3 – the **multiplication** of these operations. The set of categories of operation θ_3 consists of all categories that are simultaneously members of families of categories by operations θ_1 and θ_2 . Obviously, this is the correct definition of a multiplication operation. Indeed, the universe U belongs to the families of categories for θ_1 and for θ_2 , which means that it will be included in the set of categories for θ_3 . Similarly, if K and L are two categories of operation θ_3 , then by definition they are categories for operations θ_1 and θ_2 , and therefore the intersection of these categories will belong to θ_3 .

Remark 9. And again, for the operations mixing and multiplication, an infinite number of operands can be considered.

Remark 10. The topological spaces on which modern spatial representations are based are also defined by a special type of closure operation. It is given by the following axioms [5]:

$$\begin{aligned} A1 \quad & X \subseteq \theta(X); \\ D1 \quad & \theta(X \cup Y) = \theta(X) \cup \theta(Y); \\ D2 \quad & \theta(\emptyset) = \emptyset; \\ C1 \quad & \theta(X) = \theta(\theta(X)). \end{aligned}$$

From the axioms indicated, for example, this property of the topological closure operation follows:

$$C2 \quad \text{from } X \subseteq Y \text{ follows } \theta(X) \subseteq \theta(Y).$$

Axioms $A1$, $C1$, $C2$ are the axioms of the closure already considered by us, so the topological spaces are a special case of families of categories that satisfy the axioms $\langle A1, A2 \rangle$ (or $\langle A1, C1, C2 \rangle$ or $\langle B1, B2 \rangle$). By analogy with topological spaces, for convenience, we will call families of closed sets satisfying the axiom systems $\langle A1, A2 \rangle$ (or $\langle A1, C1, C2 \rangle$ or $\langle B1, B2 \rangle$), *linguistic spaces* (or simply *spaces*). Just like linguistic, topological spaces can be defined via families of closed sets:

$B3$ The union of a finite family of closed sets is a closed set.

$B4$ The intersection of an arbitrary family of closed sets is a closed set.

In topology, as a rule, spaces are considered for which one more axiom holds:

$D3$ for every x $\theta(x) = x$, where x is the singleton set $\{x\}$.

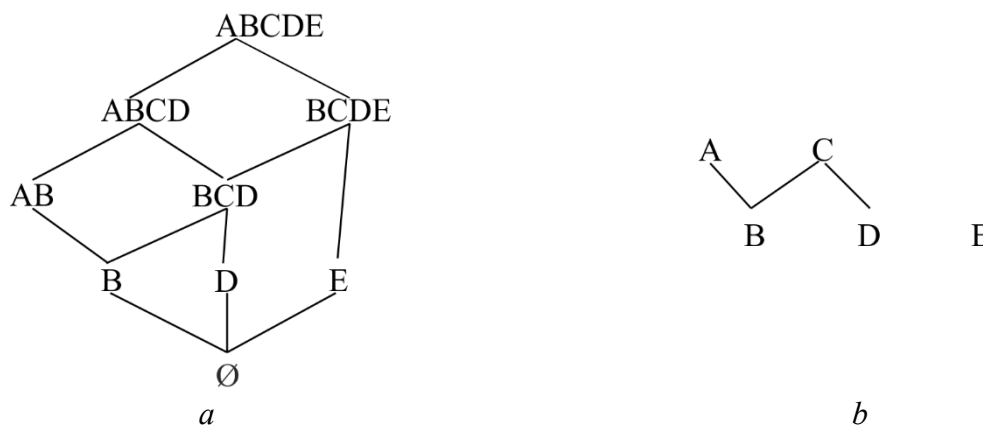
Such spaces are called topological in the strong sense. The requirement of this axiom together with the axiom $D1$ inevitably turns finite topological spaces into a Boolean U , when any subset of U turns out to be a closed set, so that all the advantages of topology appear only on infinite universes. On the contrary, linguistic spaces are also meaningful at finite universes. In particular, for example, the smallest category in linguistic space is not necessarily an empty set. The fact that spatial representations are also a product of categorization is well known in linguistics for a long time. This comment demonstrates the source of such a connection.

2. Generators and types.

Although the linguistic space is a complete lattice, the operations of addition and intersection of categories are not equivalent. We have defined addition by intersection, and this has consequences. In particular, in order to find the result of the intersection of categories, it is enough to know only the operands themselves, and to find the result of addition, one has to use the entire linguistic space. This fact has various manifestations and, in particular, in the generators of the linguistic space, which we will now deal with.

Fig., *a* shows a linguistic space with a universe consisting of five elements $U = \{A, B, C, D, E\}$. Categories of space are located in size from top to bottom. The closest in size categories are connected by lines.

As follows from the axiomatics of the categories $\langle B1 \text{ and } B2 \rangle$, not all categories are the result of the intersection of some other categories. For Fig., *a* these categories include $\{ABCD\}$, $\{BCDE\}$, $\{AB\}$, $\{D\}$, $\{E\}$. The category $\{ABCDE\}$ is not listed here, because it is always included in this list on the basis of B1. Using the selected categories, you can restore the linguistic space by adding all sorts of missing intersections.



Linguistic space and hierarchy of its types

Definition 11. The $\cap$ -generators of a linguistic space are categories that cannot be represented as intersections of other categories.

Similarly, we can give definitions for other operations.

Definition 12. The $\cup$ -generators of a linguistic space are non-empty categories that cannot be represented as a union of other categories.

Definition 13. The Σ -generators of a linguistic space are non-empty categories that cannot be represented as the addition of other categories.

For Fig., *a*, the categories $\{B\}$, $\{D\}$, $\{E\}$, $\{AB\}$, $\{BCD\}$ refer to the $\cup$ -generators, and to the Σ -generators the categories $\{B\}$, $\{D\}$, $\{E\}$, $\{AB\}$. $\cap$ -generators and $\cup$ -generators have significant differences. If the entire linguistic space can be restored from the $\cap$ -generators, then for the $\cup$ -generator the situation is somewhat different. Unfortunately, not every union of $\cup$ -generators (as opposed to topological spaces) is a category. So from Fig., *a* it follows that the union of $\cup$ -generators $\{AB\}$ and $\{E\}$ is not a category. Similarly, it is impossible to restore the linguistic space and the Σ -generators. For example, from Fig., *a* it is clear that the category $\{BCD\}$ cannot be obtained by any addition of Σ -generators without attracting knowledge of the whole space.

Definition 14. A *type* in a linguistic space is a maximal set of elements that fall into the same categories.

Proposition 15. A set types of linguistic space forms a partition of U .

The proof is obvious, since the relation “to enter one and the same type” is reflexive, symmetric and transitive, therefore, it is an equivalence. This in turn means that the classes of this equivalence, dividing U into disjoint sets, are just types.

Proposition 16. Each category of linguistic space consists precisely of the union of certain types.

Proof. Let some type of only partly fall into one category X , and partly into Y . This, however, will contradict Definition 14, since all the elements of a type are grouped by the reason they belong to the same categories.

The investigation. For any two types, there is a separating category that includes one type and does not include the other.

Like Proposition 15, this statement directly follows from the definition of the type: if there was no such separating category, two types would merge into one.

Proposition 17. In each U -generator there is one type that is not included in any other category belonging to this U -generator. In addition, each type is such a distinguished type for any U -generator.

Proof. Let X be a U -generator. Therefore, X cannot be obtained by joining smaller categories. Thus, in X there are types that are absent in smaller categories of linguistic space. If there are more than one such types, then, in accordance with the consequence of Proposition 16, there is a category Y , which includes one type and does not include another one. The category Y cannot belong to X and X cannot belong to Y (otherwise Y will not separate types), therefore, Y is incomparable with X . But then $X \cap Y$ is a category belonging to X and containing the type that is not supposed to be contained in categories smaller than X . Contradiction. Therefore, such a type in generator X is unique. We choose an arbitrary type Z and all categories containing Z . The intersection of these categories is a category containing Z , and the smallest for Z in the sense that any smaller category does not contain Z . Therefore, this category cannot be obtained by joining smaller categories and it is by the definition 12 as U -generator.

Definition 18. The type defined in Proposition 17 for the U -generator is called *own*.

The investigation. There is a one-to-one correspondence between U -generators and types.

And from the proof of Proposition 17 it follows that the same type cannot be own for two U -generators, as well as the generator cannot have two own types. Thus, U -generators and types are in one-to-one correspondence with each other.

Fig., *b* shows the types linguistic space Fig., *a* sorted by the inclusion U -generators for which these types are own. Here, each type consists of exactly one element. Of course, this is usually not the case. Five types divide the universe into five disjoint equivalence classes. U -generators $\{B\}$, $\{D\}$, $\{E\}$ consist exactly of own type $\{B\}$, $\{D\}$, $\{E\}$, U -generator $\{AB\}$ has its own type $\{A\}$, U -generator of $\{BCD\}$ – own type $\{C\}$.

Ordered types allow you to restore U -generators. If X – some U -generator and Z is its own type, then X is obtained by adding to the Z all smaller types. From Fig., *b*, for example, it follows that U -generator with its own type $\{C\}$ is obtained by adding to the type $\{C\}$ the types $\{B\}$ and $\{D\}$.

Remark 19. From the point of view of researching the linguistic spaces themselves, the content of the types does not matter, therefore, without any loss, one-element types can be used, as in our example. In this case, it is said that we turn to the *factor – spaces* for the equivalence of types. Such a transition is reminiscent of axiom D3 for topological spaces, which, however, is much stronger.

Proposition 20. The U -generators are categories of form $\theta(\{x\})$.

Proof. The category $\theta(\{x\})$ is the smallest category containing x . This follows directly from A2. Indeed, if $\{x\} \subseteq \theta(Y)$, then $\theta(\{x\}) \subseteq \theta(Y)$. Thus, $\theta(\{x\})$ is a U -generator. Let an element x enter into some type, which by virtue of Proposition 17 is own for some U -generator Y . The U -generator Y by definition 12 is the smallest category containing the type with the element x , therefore, $\theta(\{x\}) = Y$.

Proposition 21. The set of U -generators contains the set of Σ -generators.

Proof. Let X be a Σ -generator. Consequently, for any categories belonging to X , the closure of their union strictly belongs to X . But then, by virtue of A1, the union itself also strictly belongs to X , therefore, X is U -generator.

Proposition 22. When mixing linguistic spaces, a new set of types is formed by the intersection of types of mixed spaces.

Proof. Let x, y belong to one type of mixed space $((x, y) \in T_3$, where T_3 is the equivalence relation for the types of mixed linguistic space). This means that the elements of this type simultaneously fall into the same categories of mixed space. These categories of mixed space consist of categories of initial spaces and categories representing the missing intersections. It follows that $(x, y) \in T_1$ and $(x, y) \in T_2$, where T_1 and T_2 are equivalence relations for the types of the first and second mixed spaces, respectively. Thus, $(x, y) \in T_1 \cap T_2$ and $T_3 \subseteq T_1 \cap T_2$. Conversely, let $(x, y) \in T_1 \cap T_2$. In accordance with the equivalence property, the equivalence classes of the relation $T_1 \cap T_2$ consist of all possible intersections of the equivalence classes T_1 and the equivalence classes T_2 and, therefore, (x, y) belong to one of these intersections. From the mixed spaces we choose the U -generators X and Y for which these intersecting types are own. A mixed space consists of various intersections of categories of mixed spaces. Consequently, the intersection of these U -generators also belongs to the mixed space; moreover, elements x and y cannot be divided into different types of mixed space due to the fact that all intersections of the categories of smaller chosen generators do not contain these intersecting types. Therefore, x and y will belong to the same type of mixed space and $T_1 \cap T_2 \subseteq T_3$, so $T_1 \cap T_2 = T_3$.

The investigation. When mixing linguistic spaces, the number of U -generators and types does not decrease.

3. Kinds of categorization.

3.1. From general to specific.

This kind of categorization is based on Theorem 5 and is set out in Remark 6. If certain categories are given, then by adding intersections (particular categories), they can always be turned into linguistic space and thereby define the categorization operation. This is exactly what we will do later in the formation of linguistic spaces for verbal categorization.

3.2. From private to general.

Denote through $X \twoheadrightarrow z$ the product, denoting that “object z is a special case for objects included in X ”. In other words, everything common for the objects of the set X is also inherent for the object z . In this case, the object z may have some additional features. Any sense can be put into the understanding of the general: common properties, general behavior, common history, common origin, etc. Suppose we are given a lot of products on the U , and X^0 – arbitrary subset of the U . Define $\theta(X^0)$ in the following way. If the left side of any product belongs to the current set X^i , then the object from the right side is added to X^i and the transition to X^{i+1} is made. We act this way until nothing new can be added to the current set X^i . Obviously, this process is finite, if the number of productions are finite as well.

As an example, we choose a set of five elements $U = \{A, B, C, D, E\}$, and define six products: $\{A\} \twoheadrightarrow \{B\}$, $\{B, D\} \twoheadrightarrow \{C\}$, $\{C\} \twoheadrightarrow \{B\}$, $\{C\} \twoheadrightarrow \{D\}$, $\{D, E\} \twoheadrightarrow \{C\}$ and $\{B, E\} \twoheadrightarrow \{C\}$. Let, for example, $X^0 = \{A, E\}$. With the help of the first production we get $X^1 = \{A, B, E\}$. Using the sixth product, we get $X^2 = \{A, B, C, E\}$. Finally, the fourth production process completes $X^3 = \{A, B, C, D, E\} = U$. All the sets constructed in a similar way are shown in Fig. *a*. Essentially, using the

product to the original set of examples particular cases are added, forming, in the end, a category that contains all the examples having the same overall as the original examples.

Theorem 23. The operation θ defined by production is the categorization operation.

Proof. By definition of the algorithm we have $\theta(U) = U$. Suppose θ is not a categorization operation. Then there are two sets of X and Y , obtained by the above procedure such that $X \cap Y \subset \theta(X \cap Y)$. But this means that there is a production of the $W \rightarrow z$ such that the $W \subseteq X \cap Y$ but z does not belong to the $X \cap Y$. Since $W \subseteq X \cap Y$, then $W \subseteq X$ and $W \subseteq Y$, hence, in the process of obtaining sets of X and Y should have been added, and z but then $\{z\} \subseteq X \cap Y$. Contradiction. Therefore, θ is a categorization operation.

3.3. Verbal categorization.

Consider the simplest case of verb categorization, where the verb is a binary relation. This categorization is based on observations of the interaction of pairs of objects and is a development of Galois correspondence [3]. The binary case is not difficult to generalize to the relationship of any arity, but this is the subject of a separate conversation. The choice as an example of a binary case is due to the fact that in the overwhelming number of cases the verbs of the language are binary, that is, they correspond to the action between the subject and the object.

So, let $(U \times V, S)$ be the binary relation given on the Cartesian product of the universums U and V , S be the graph of the binary relation. Let $x \in U$. Let x^Δ be the set of all elements of $y \in V$ for which $(x, y) \in S$. Similarly, the symbol y^∇ ($y \in V$) denotes the set of elements $x \in U$, for which $(x, y) \in S$. Using a categorization of “from general to particular” (subsection 3.1), if we add all possible intersections to sets of the form of x^Δ (of the form y^∇), then we get some linguistic space. In fact, this means that we extend the operators Δ and ∇ already by multi-element subsets from U and V :

$$X^\Delta = \bigcap_{x \in X} x^\Delta \quad (X \subseteq U); \quad Y^\nabla = \bigcap_{y \in Y} y^\nabla \quad (Y \subseteq V).$$

For an empty subset, we set $\emptyset^\Delta = V$; $\emptyset^\nabla = U$. Thus, for each $X \subseteq U$ and $Y \subseteq V$ we associate a certain category from the linguistic space on V and U , respectively. Consider the properties of these spaces and the relationship between them.

Proposition 24. If $X_1 \subseteq X_2$ ($Y_1 \subseteq Y_2$), then $X_2^\Delta \subseteq X_1^\Delta$ ($Y_2^\nabla \subseteq Y_1^\nabla$).

Proof. Since $X_1 \subseteq X_2$, the set of intersecting sets for X_2^Δ includes all intersecting sets for X_1^Δ , and hence $X_2^\Delta \subseteq X_1^\Delta$. Similarly for Y_1 and Y_2 .

The investigation. Let $X_1 \subseteq X_2$ ($Y_1 \subseteq Y_2$), then $X_1^{\Delta\nabla} \subseteq X_2^{\Delta\nabla}$ ($Y_1^{\nabla\Delta} \subseteq Y_2^{\nabla\Delta}$).

Proposition 25. For any X (Y), $X \subseteq X^{\Delta\nabla}$ ($Y \subseteq Y^{\nabla\Delta}$) holds.

Proof. By the definition of the empty set $\emptyset \subseteq \emptyset^{\Delta\nabla}$ ($\emptyset \subseteq \emptyset^{\nabla\Delta}$). If $X \neq \emptyset$, but the intersection of X^Δ is empty, then $X^{\Delta\nabla} = \emptyset^\nabla = U$ и $X \subseteq X^{\Delta\nabla}$. Let $X^\Delta \neq \emptyset$. Then, for any $y \in X^\Delta$ occurs $(x, y) \in S$ for every x from X . It follows that the intersection of all y^∇ for $y \in X^\Delta$ contains X , therefore $X \subseteq X^{\Delta\nabla}$. Similarly, for Y .

Proposition 26. For any X_1, X_2 (Y_1, Y_2) is true $(X_1 \cup X_2)^\Delta = X_1^\Delta \cap X_2^\Delta$ ($(Y_1 \cup Y_2)^\nabla = Y_1^\nabla \cap Y_2^\nabla$).

The proof follows directly from the associativity of the intersection.

Proposition 27. $X^{\Delta\nabla} = X^{\Delta\nabla\Delta\nabla}$ ($Y^{\nabla\Delta} = Y^{\nabla\Delta\nabla\Delta}$).

Proof. From Proposition 25 and the investigation to Proposition 24, we have $X^{\Delta\nabla} \subseteq X^{\Delta\nabla\Delta\nabla}$. On the other hand, by virtue of Proposition 25 $X^\Delta \subseteq (X^\Delta)^{\nabla\Delta}$, therefore, taking into account Proposition 24 $(X^\Delta)^{\nabla\Delta\nabla} \subseteq X^{\Delta\nabla}$, which means $X^{\Delta\nabla} = X^{\Delta\nabla\Delta\nabla}$. Similarly, for Y .

Now note that proposition 25 proves the validity of axioms A1, a consequence of Proposition 24 – validity C2 and Proposition 27 – validity C1. Thus, the following

Theorem 28. The operations $\Delta\nabla$ ($\nabla\Delta$) are categorization operations on U (V).

The investigation. By virtue of Lemma 3

$$X_1^{\Delta\nabla} \cap X_2^{\Delta\nabla} = (X_1^{\Delta\nabla} \cap X_2^{\Delta\nabla})^{\Delta\nabla} \quad (Y_1^{\nabla\Delta} \cap Y_2^{\nabla\Delta} = (Y_1^{\nabla\Delta} \cap Y_2^{\nabla\Delta})^{\nabla\Delta}).$$

Thus, the operations $\Delta\nabla$ ($\nabla\Delta$), generated by the relation S (verb), satisfy the categorization axioms, therefore we will call them a verb categorization. When at the beginning of this subsection we used the categorization of “from general to particular”, it meant that the operations Δ and ∇ are, by definition, build linguistic spaces on the universes U and V respectively. But the operation $\Delta\nabla$ ($\nabla\Delta$) is quite different and therefore theorem 28 is not obvious. The following concludes this discussion.

Proposition 29. The linguistic spaces in the operations $\nabla\Delta$ and Δ ($\Delta\nabla$ and ∇) coincide.

Proof. By Proposition 25 $X^\Delta \subseteq (X^\Delta)^{\nabla\Delta}$ и $X \subseteq X^{\Delta\nabla}$. Hence, with regard to the proposition 24 $(X^{\Delta\nabla})^\Delta \subseteq X^\Delta$, and therefore, $(X^{\Delta\nabla})^\Delta = X^\Delta$, and each Δ -category included linguistic space operations $\nabla\Delta$. Conversely, each category Y by operation $\nabla\Delta$ is also a category $(Y^\nabla)^\Delta$ by operation Δ . Therefore, the operations $\nabla\Delta$ and Δ ($\Delta\nabla$ and ∇) coincide and form the same linguistic spaces.

So, to obtain a linguistic space on U (V), one can either use sets X , categorizing them with the operator $\Delta\nabla$, or sets Y , translating them by mapping ∇ into categories of the same linguistic space.

Definition 30. In the following, we will call the linguistic space on U simply a *space*, and the linguistic space on V as a *co-space*.

Definition 31. The mapping Δ between the categories of space and co-space will be called the *verb* (binary verb), and the map ∇ between the categories of co-space and space is called the *co-verb* (reflexive verb).

Lemma 32. For X_1, X_2 (Y_1, Y_2) inclusion of $X_1^\Delta \subseteq X_2^\Delta$ ($Y_1^\nabla \subseteq Y_2^\nabla$) is satisfied if and only if $X_2^{\Delta\nabla} \subseteq X_1^{\Delta\nabla}$ ($Y_1^{\nabla\Delta} \subseteq Y_2^{\nabla\Delta}$).

Proof. Let $X_1^\Delta \subseteq X_2^\Delta$, then by virtue of Proposition 24 $X_2^{\Delta\nabla} \subseteq X_1^{\Delta\nabla}$. Conversely, let $X_2^{\Delta\nabla} \subseteq X_1^{\Delta\nabla}$, then by virtue of Proposition 24 $X_1^{\Delta\nabla\Delta} \subseteq X_2^{\Delta\nabla\Delta}$ and taking idempotency into account, we get $X_1^\Delta \subseteq X_2^\Delta$. Similarly, for Y .

In fact, the verbs Δ and ∇ are the same mapping (direct and inverse), which turns over inclusions and operations in space (providing dualism).

Theorem 33. The space is dual isomorphic to the co-space by the verb Δ in the sense that under isomorphism the inclusion relation changes direction, the intersection operation goes into addition operation, and the addition operation goes into intersection operation. Similar wording for the co-verb.

Proof. We show that the verb is a bijection, moreover, $\Delta^{-1} = \nabla$. For each category of X , we have $(X^\Delta)^\nabla = X$. Thus, $\Delta\nabla$ is the identity mapping (similarly for $\nabla\Delta$). So, the number of categories in the space and to co-space is alike. Lemma 32 implies a change in the direction of inclusion when moving along the verb and the co-verb.

For X_1, X_2 in accordance with Proposition 26, we have:

$$(X_1 + X_2)^\Delta = ((X_1 \cup X_2)^{\Delta\nabla})^\Delta = (X_1 \cup X_2)^\Delta = X_1^\Delta \cap X_2^\Delta.$$

$$\text{Further, } (X_1 \cap X_2)^\Delta = ((X_1^\Delta)^\nabla \cap (X_2^\Delta)^\nabla)^\Delta = (X_1^\Delta \cup X_2^\Delta)^{\Delta\nabla} = (X_1^\Delta + X_2^\Delta).$$

We defined the categorization axioms, and also considered its three versions and some properties that will be needed later. This does not mean that there are no other categorization options. It is possible that readers will offer some other option. The main thing is that this process satisfies the formulated axioms.

Of the considered categorization options, the main one, of course, is the verb. After the verb categorization has been completed, it is possible to build a system for identifying categories by signs, after which it becomes a model. Namely, when confronted with an object after its identification into a category, it is possible to predict its behavior using verbs.

Of course, after categorization, the world does not always give us signs that allow us to identify categories. What appears to be an anomaly in cognitive linguistics looks completely natural in R-linguistics. A well – known example is Ludwig Wittgenstein with the category “game” for which there is no definition in the signs. The category “game” is determined not by signs, but by the action “play”. Similarly, the category “predators” includes such objects, such as the sundew, mantis, perch and lion. These objects have no common signs. They are united by the verb “eat”, according to which the objects of this category are eaten by the flesh of other creatures. Often the verbal categorization is hidden and the categorization is given the process of building an identification system. Let's say that Karl Linney was looking for suitable attributes when building his classification system for animals. What allowed him to choose some signs and refuse others? In fact, even before the selection of signs, there was already some categorization in his head, which could later be clarified. Most likely, his categorization was based on the relationship of “kinship”. Problems Linnaeus were not associated with categorization, and with identification. So, the problems with the signs made Linnaeus in determining the primates to choose characteristics “five fingers” and “two mammary glands”, after which the primates have become sloths and bats. We consider this choice unsuccessful precisely because our reason for categorizing animals also uses the relationship of “kinship”, although it is already more perfect.

It is natural to assume that since the “predators” category does not have any clear identifying features, the boundaries of this category are not defined and it is blurred or fuzzy. Here I want to draw attention to the fact that the axioms categorization A1 and A2 do not contain any pre parcels to the fuzziness. After all, you cannot fuzzily attack another creature and fuzzily swallow its flesh. Each of us also quite clearly determines that he has fallen ill (has moved from the category of healthy people to the category of patients) by changes in his behavior: loss of appetite, shortness of breath, lameness, etc. We are quite clearly going to the doctor, because we clearly record the fact of a change in our behavior. The discussion of fuzzy categorization is of course a separate topic, and I touch it now, only to draw the reader’s attention to the relationship between the idea of fuzzy categorization and the R-linguistics approach.

Not all relationships into which objects enter generate categories, because far from all relationships are stable. For example, the relationship of “friendship” in the universe of people is not sustainable. It changes with time and does not affect the external signs of the person himself. Or the “reading” attitude that people enter into and the books are also constantly changing. There are a huge number of verbs that use categories already formed by other verbs (relations). Say, not only a person or a dog can go, but some process or time. Usually the verbs that make up the categories appear to be fairly stable relations, which, as a rule, form some signs reflecting the fact of these permanent relations. For example, the relationship between animal species and habitat regions is reflected in animals by the appearance of certain traits. Animals living in the far north have either thick fur or a thick layer of fat. Typically, such stable relationships manifest themselves in data dependencies, which allow them to be extracted from complex linguistic structures. This is also a separate topic for discussion, stemming from the categorization.

It should be noted that in the surrounding world there is not only a binary interaction. Surprisingly, the more complex interaction also generates categories with the axiomatics described here. It is also a matter for future discussions.

Finally, it must be said that the object and subject of the action can be not only categories, but also variables, the simplest of which are pronouns. And this is only a very small part of the concepts that are widely used in the language, but are not categories.

Conclusion. The content of this article is not quite traditional for linguists, and the reader should answer the following question: “Does the definition of the concept in language belong to linguistics?” If you answer this question in the affirmative form and cannot object to the axiomatics given, you will have to admit that all the results following the axioms are directly related to linguistics. You will be surprised how long this approach does not require any reference to the language or even to the existence of the world. This is a good sign given the linguistic diversity around us. Although we are only at the beginning of this journey, several important observations and conclusions can be drawn.

REFERENCES

1. Dunaev, V.V. and Polyakov, O.M. (1987), “Methodological aspects of relational classification theory”, *NTI*, ser. 2, no. 4, pp. 21–27.
2. Moore, E. (1910), “Introduction to a form of general analysis”, *AMS Colloquium Publishing*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
3. Birkhoff, G. (1984), *Teoriya reshetok* [Lattice Theory], Transl. by Salii, V.N., Nauka, Moscow, Russia.
4. Polyakov, O. M. (1986), “Klassifikatsionnaya model' dannykh”, *NTI*, ser. 2, pp. 13–20.
5. Kuratowski, K. (1966), *Topologiya* [Topology], Transl. by Antonovskii, M.Ya., vol. 1, Mir, Moscow, Russia.

Information about the author.

Polyakov Oleg Maratovich – Can. Sci. (Engineering) (1982), Associate professor at the Department of Information Technology of Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 lit. A, Bol'shaya Morskaya str., St Petersburg 190000, Russia. The author of 30 scientific publications. Areas of expertise: linguistics, artificial intelligence, mathematics, database design theory, philosophy. E-mail: road.dust.spb@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дунаев В. В., Поляков О. М. Методологические аспекты реляционной теории классификации // НТИ. Сер. 2. 1987. № 4. С. 21–27.
2. Moore E. Introduction to a form of general analysis // AMS Colloquium Publishing. New Haven: Yale Univ. Press, 1910.
3. Биркгоф Г. Теория решеток / пер. В. Н. Салий. М.: Наука, 1984.
4. Поляков О. М. Классификационная модель данных // НТИ. Сер. 2. 1986. № 9. С. 13–20.
5. Куратовский К. Топология / пер. М. Я. Антоновского. М.: Мир, 1966. Т. 1.

Информация об авторе.

Поляков Олег Маратович – кандидат технических наук (1982), доцент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, искусственный интеллект, математика, теория проектирования баз данных, философия. E-mail: road.dust.spb@gmail.com

Начало и конец события в русской и английской языковых картинах мира и особенности их восприятия в национальном языковом сознании

Т. Н. Осинцева✉

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Санкт-Петербург, Россия

✉veter.65@mail.ru

Введение. Вопрос о связи языковой репрезентации концептов, составляющих национальную языковую картину мира с языковым сознанием нации, рассматривается на примере концептов начала и завершенности события. Грамматическая структура языка ставит его носителя в рамки сформированных ранее концептов и ограничивает выбор доступными языковыми средствами.

Методология и источники. Чтобы определить особенности восприятия носителями русского и английского языков, а также установить, насколько совпадает или отличается объем понятий в национальных языковых картинах мира, был применен сопоставительный анализ элементов доминант функционально-семантических полей начала и завершенности события.

Результаты и обсуждение. Анализ языковых средств проводился на основе функционально-семантического подхода. Психолингвистический анализ языкового сознания был проведен на основе данных ассоциативных словарей русского и английского языков. В исследовании также представлены сведения о структуре события и статистические данные, описывающие языковую репрезентацию начала и завершенности в русском и английском языках на всех уровнях от грамматического до синтаксического.

Заключение. Установлено, что источником семантического своеобразия средств выражения начала и конца, составляющих соответствующие функционально-семантические поля, могут быть не только различия в грамматической системе языка, но и культурно-обусловленные несовпадения в объеме самих понятий. А значит, психолингвистические особенности восприятия концепта в национальном языковом сознании оказывают непосредственное влияние на выбор языкового средства при переводе или при употреблении второго языка билингвами.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, языковая картина мира, концепт, языковое сознание, начало, завершенность, структура события, сопоставительный анализ, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Осинцева Т. Н. Начало и конец события в русской и английской языковых картинах мира и особенности их восприятия в национальном языковом сознании // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 115–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-115-127

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.06.2019; принята после рецензирования 18.06.2019; опубликована онлайн 25.10.2019



Beginning and Completion of Events in the Russian and English Language Picture of the World and Features of their Perception in the National Language Consciousness

Tatiana N. Osintseva✉

*State Marine Technical University
St Petersburg, Russia*

✉veter.65@mail.ru

Introduction. The question of the correspondence between the linguistic representation of concepts that make up the national linguistic picture of the world and the linguistic consciousness of the nation is examined on the basis of the concepts of the beginning and completion of the event. The grammatical structure of the language puts the native speaker in the framework of the concepts formed earlier and limits the choice to accessible language means.

Methodology and sources. In order to determine the peculiarities of the perception of the event structure by native Russian and English speakers, as well as to establish how much the scope of concepts coincides or differs in national language pictures of the world, a comparative analysis of the dominant elements of the functional semantic fields of the beginning and completion of the event was used.

Results and discussion. The analysis of linguistic means was carried out on the basis of the functional-semantic approach. Psycholinguistic analysis of linguistic consciousness was carried out on the basis of data from associative dictionaries of the Russian and English languages. The study also provides information on the structure of the event and statistical data describing the linguistic representation of the beginnings and completion in Russian and English at all levels from grammatical to syntactic.

Conclusion. It was found out, that the source of semantic originality of the means of expression of beginning and end, constituting the corresponding functional semantic fields, can be not only differences in the grammatical system of the language, but also cultural-conditioned discrepancies in the scope of the concepts themselves. This means that the psycholinguistic features of concept perception in the national language consciousness have a direct impact on the choice of language means when translating or using the language as a means of communication by bilinguals.

Key words: Functional-semantic field, language picture of the world, concept, language consciousness, beginning, completeness, event structure, comparative analysis, associative experiment.

For citation: Osintseva T. N. Beginning and Completion of Events in the Russian and English Language Picture of the World and Features of their Perception in the National Language Consciousness. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no 4, pp. 115–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-115-127 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.06. 2019; adopted after review 18.06.2019; published online 25.10.2019

Введение. Что такое время? Как события человеческой жизни располагаются в его потоке? Какое отражение находят в языке? Зависит ли наше восприятие времени от тех языковых средств, которые имеются в арсенале родного языка, или это сложившиеся национальные особенности восприятия и осознания действительности влияют на формирование языкового инструментария?

Нет, наверное, ни одного философа, от Платона до Канта, от Геродота до Хайдеггера, который не посвятил хотя бы одного труда проблемам осмысления взаимодействия времени и индивида. Изучение языка и появление науки о языке дало толчок размышлениям о его природе, о месте языка в процессе формирования человеческой личности. Немецкая школа дала миру таких лингвистов-философов, как Витгенштейн, Шлезингер, Вайнрайх. Они впервые заговорили о времени жизни языка, о языке как живом изменяющемся «организме», о роли языка в индивидуальной и национальной картине мира.

Вильгельм фон Гумбольдт [1, с. 268] ввел понятие языкового круга, ограничивающего наши возможности восприятия и осознания действительности. Находясь внутри этого круга, невозможно увидеть себя со стороны, а тем более понять мир за его пределами. Только преодолев притяжение, которое сродни земному, а значит, требующее не меньших усилий для выхода на орбиту, индивидуальное сознание способно воспринять мир с другим способом кодирования.

Исследования в области психологии, культурологии, лингвистики и психолингвистики наводят на мысль о непосредственной взаимосвязи и возможном изоморфизме системной организации человеческой культуры, психики и языка.

Таким образом, упомянутые выше вопросы о времени и его языковой репрезентации, имеющие общечеловеческое значение и затрагивающие априорный культурный код, приобретают национальную окраску. Каждая национальная культура вырабатывает свои ответы и фиксирует их в национальной картине мира, непосредственно связанной с национальной языковой картиной мира.

Вопрос о взаимозависимости языка и ментальности его носителя далеко не нов. Еще в начале прошлого века Й. Л. Вайсгербер писал: «Всякий человек, вырастающий в какой-либо язык, вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и духа, и так все члены языкового сообщества перерабатывают переживаемое ими сообразно с внутренней формой их родного языка и мыслят соответственно» [2, с. 118]. Еще более категорично высказывались по этому поводу основоположники гипотезы лингвистической относительности Э. Сепир и Б. Уорф. Несмотря на некоторую прямолинейность высказываний и обоснованное критическое отношение к этой проблеме со стороны традиционного языкознания, мы довольно часто встречаемся с подтверждениями этой мысли как в научных работах, так и в реальной жизни. Так как наше исследование выполнено на стыке лингвистики и психолингвистики, проблемы культурной составляющей будут подниматься лишь в меру непосредственной взаимосвязи с языковыми явлениями, а национальные картины мира будут нам интересны в плане их языковой репрезентации.

Некоторого ограничения требует и когнитивная составляющая. Проблемы, связанные с категорией времени, невозможно осветить в рамках одного исследования, поэтому мы исследуем наиболее существенные этапы временной организации события – начало и конец на материале английской и русской национальных языковых картин мира.

Методология и источники. Под событием понимается «изменение между состояниями бытия», которое, по мнению В. Я. Шабес, «устанавливается через отрицание некоторого исходного *инициального* состояния А в сопоставлении с конечным *финальным* состоянием В» [3, с. 28]. Как известно, каждый язык имеет собственный инструментарий для описания элементов когнитивной категории события. Нельзя не упомянуть фундаментальные работы

Бернарда Комри [4], Джереми Лиича [5], Зигмунда Вендлера [6], рассматривающие начало и конец события как разновидности аспектуальных ситуаций, фазы события, которые отражаются в языке как грамматическая категория аспекта, функционально-семантическая категория аспектуальности и когнитивная категория фазовости. Говоря о фазе, очень важно понимать, как именно событие делится на фазы. Событие, по мнению американского аспектолога А. Фрид, может быть изучено в соответствии с его местом во временном плане среди других событий. «Исследование аспекта и аспектуальной комплементации приводит к мысли, что должно реально существовать выражение временной последовательности событий в мире... Английский и другие языки имеют стойкие и широко используемые средства для выражения не только полностью событий, но и отдельных их частей» [7, с. 23].

Элементы, составляющие структуру события в терминологии А. Фрид, таковы:

ONSET – темпоральный сегмент события, предшествующий его основной ядерной деятельности, – это подготовительная стадия, необходимая, чтобы ядерная деятельность события совершилась. Однако есть класс событий, не имеющих предварительного этапа, например, внезапные или случайные, а также существуют события с двумя предварительными этапами, например, планируемые заранее события. ONSET может быть единственным элементом прошедшего события, когда деятель начинает что-либо делать и затем не совершает действия. Например, *Виктор начал читать принесенный отчет, но не смог одолеть ни строчки и решил пойти погулять*;

NUCLEUS – временной сегмент, когда действие в прогрессе безотносительно к своему началу, концу или длительности; т. е. период, когда происходит характерная, ядерная деятельность события;

CODA – логическое завершение события. Многие события не имеют коды – отрицательный маркер завершенности – событие просто больше не происходит.

Различные элементы языка относятся к определенным временным сегментам событий, названных в комплементах этих глаголов. С помощью анализа событий мы можем соотнести поверхностные структурные явления, связанные с планом выражения, с временной схемой структуры события в разных языковых картинах мира. Можно предположить, что ограничение совместного употребления аспектуализаторов и других слов частично зависит от наличия или отсутствия какого-либо сегмента во временной структуре события.

В наших предыдущих исследованиях [8]–[10] мы подробно описали лингвистический аспект, представив сопоставительный анализ функционально-семантических полей (ФСП) начала и завершенности события в русском и английском языках. Поле в системе языка связывается с полем в системе речи через понятие категориальной ситуации (референтной ситуации), т. е. базирующейся на определенном ФСП типовой содержательной структуры, представляющей один из аспектов передаваемой высказыванием общей семантической ситуации.

Таким образом, полевая модель, основывающаяся на понятии ФСП, утверждает представление о языке как о системе подсистем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение по этой модели. Язык предстает как функционирующая система, в которой происходит постоянное взаимодействие элементов.

Итак, и поле начала события, и поле завершенности имеют полевую структуру с ярко выраженным ядром и периферией, характеризуются постепенным размыванием границ, и могут быть представлены так:

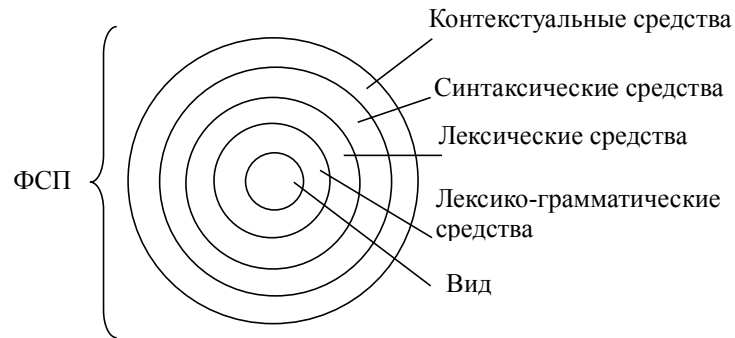


Рис. 1. Структура функционально-семантического поля

Fig. 1. Functional Semantic Field Structure

Используя методику компонентного анализа в рамках функционально-семантического подхода на материале оригинальных текстов и их переводов установили, что ядром функционально-семантической категории аспектуальности (ФСК) и ее ФСП начала и конца является грамматическая категория вид/aspect, которая служит грамматическим фоном для актуализации в речи специализированных элементов поля.

Для каждого ФСП в каждом из исследуемых языков были выделены доминанта и периферия, рассчитан процент использования элементов разных языковых уровней, и на этой основе подсчитан коэффициент семантического своеобразия.

Однако в процессе исследования оказалось, что понятия начала и конца не полностью идентичны в русской и английской языковых картинах мира. Современная сопоставительная лингвистика пришла, в основном, к принятию тезиса, что один и тот же объект материального мира, и тем более один и тот же концепт не обязательно одинаково отражаются в семантике различных языков, но могут по-разному концептуализироваться различными языковыми сообществами. Так как коэффициент семантического своеобразия [11] для языковых средств выражения концептов начала и конца в русской и английской картинах мира, выявленный в нашем исследовании, достаточно высок (1,65 и 1,48 соответственно), логично предположить, что источником может быть не только различие в грамматическом строе языка или в структуре концепта в языковой картине мира, но и различия в языковом сознании носителей языка.

Результаты и обсуждение. Опираясь на данные предыдущих исследований [9], мы выделили структурные элементы полей в английском и русском языках. Подробный анализ, методика расчета и материал исследования представлены в нашем диссертационном исследовании. В данной статье мы лишь опираемся на вышеупомянутые результаты. Так, в табл. 1 представлены сокращенные сводные данные по элементам ФСП начала и завершенности события в английском и русском языках и приведены статистические данные, основанные на собственной выборке [9], [10]. На основе этих данных подсчитан коэффициент уникальности каждого элемента и коэффициент семантического своеобразия для английского и русского языков.

Для того, чтобы связать данные компонентного, контекстуального и семантического анализа с теоретическими положениями о структуре концепта события, мы попробовали соотнести структурные элементы события с лексическими единицами, составляющими доминанты указанных полей, основываясь на данных компонентного анализа элементов лексического уровня исследуемых ФСП. В табл. 2 представлено распределение языковых элементов во временных рамках структуры события.

Таблица 1. Элементы ФСП начала и завершенности события в английском и русском языках
Table 1. The Elements of Functional Semantic Fields of the Inception and Completion in Russian and English Languages

ФСП/его элементы	Доминанта – вид и глаголы-аспек- туализаторы	Периферия: вторичные аспектуализаторы	Периферия: неглагольные средства	Периферия: контекст	Периферия: прочие средства (синтакси- ческие конструкции, энантосемия)
Начало события (англ.) k = 1,65	Begin Start Commence 65 %	Inaugurate, initiate, originate, rise, en- ter (into, over), set (up, out, off), come (on, up), break (in, into), seize (on, upon) 17 %	First, at first, at the out- set, before all else, be- forehand initially, at the first place, originally, to begin with, to start with, beginning, start, inaugu- ration, finally, suddenly, etc. 8 %	Цепь, предшество- вание, следование, длитель- ность, внезапное изменение 7 %	Vasp + Vto; Vasp + Ving; Vasp + N и N + Vasp, 3 %
Начало (рус.) k = 1,65	Начинать Стать, приниматься Префиксация 73 %	Затянуть, завязать, заводить, возникать, кинуться, пойти, наступить, открыть 5 %	Начало, поначалу, в начале, вдруг, внезапно, немедленно, тут же, неожиданно, мгновенно и пр. 5 %	Цепь, пред- шествование, следование, длитель- ность, внезапное из- менение 14 %	«Подлежащее + (ну; давай; и) + инфини- тив. Например, предложение «Собаки – ну лаять» 3 %
Завершение (англ.) k = 1,48	To stop, to finish, to end, to complete 62 %	To quit, to cease, to manage, to con- clude to accom- plish to terminate 23 %	In the end, finally, at last, in time, end up (N) – end, accomplish- ment, attainment, ces- sation, closure, conclu- sion, consequence, cul- mination, desistance, execu- tion 13 %	Цепь, 1%	Vasp + Vto; Vasp + Ving; Vasp + N и N + Vasp 1%
Завершение (рус.) k = 1,48	Заканчивать, оканчивать, завершать, довешивать, прекращать, префиксация 81 %	Доделывать, ста- вить точку дово- дить до конца бросать, остав- лять, кончать (с чем) переставать, завязывать 10,5 %	Фразеологические средства: в конечном счете – в итоге, ре- зультате. В конце концов (разг.) – в конечном счете, наконец. Поставить точку 6 %	Предше- ствование, следование, длитель- ность, вне- запное изменение 2 %	– 0,5 %

Таблица 2. Распределение языковых элементов в рамках структуры события
Table 2. The Distribution of the Language Elements within Event Structure

Onset	Nucleus	Coda
Commence, begin, originate, inaugurate	Start, initiate, cease, quit, terminate	Complete, end, conclude, accomplish
Приниматься, начинать	Стать, кинуться. пойти, наступить, прекращать, бросать, оставлять, переставать, завязывать	Завершать, доделывать, ставить точку, доводить до конца

Для исследования места концептов «начало» и «конец» в языковом сознании носителей русского и английского языков в данной статье мы выбрали только элементы доминанты исследуемых ФСП и попробовали выяснить, насколько связаны указанные слова-стимулы с представлениями о структуре события в русской и английской языковых картинах мира.

Мы провели сопоставительный анализ данных Русского ассоциативного словаря (РАС) [12] и Визуального тезауруса (Visual Thesaurus) [13], основанных на результатах ассоциативного эксперимента.

РАС – русский ассоциативный словарь, содержащий 6624 стимула, принадлежащих к различным частям речи (стимул – источник восприятий). Стимулы первого этапа формировались авторами словаря и включают 1277 слов. Для второго и третьего этапов стимулы выбирались из множества наиболее частотных реакций предыдущего этапа, и они включали 2690 и 2930 единиц.

Visual Thesaurus содержит более 145 000 английских слов и 115 000 значений, полученных посредством проведения ассоциативного эксперимента и компонентного анализа.

Визуальный тезаурус использует программное обеспечение Thinkmap® в качестве механизма визуализации. Thinkmap позволяет пользователям извлекать четко заданный набор результатов из больших наборов данных. С помощью ряда механизмов визуализации для конкретных задач пользователи могут перемещать, организовывать и визуализировать этот набор результатов в графических пользовательских интерфейсах. Помимо помощи пользователям в поиске информации, механизмы визуализации помогают понять состав и структуру лингвистических данных. Разработчики утверждают, что сама работа тезауруса основана на ассоциациях, т. е. словарь работает как наш мозг, а не книга в бумажном переплете. Таким образом, мы пришли к выводу об условном соответствии принципов организации источников информации нашего исследования, так как оба словаря базируются на результатах ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент довольно простой, но действенный метод исследования секретов человеческого языка и связанной с ним картины мира. Испытуемому дается набор стимулов, на которые они должны дать ассоциации.

Ассоциация – термин, появившийся еще в античной Греции и получивший свое распространение в Англии в XVIII в., благодаря Дж. Локку. Психолингвисты обычно делят ассоциации на две группы: синтаксические и парадигматические [14], и на несколько типов:

- близкие по смыслу (т. е. реакцией на стимул является его синоним);
- противоположные по смыслу (антонимы и пр.);
- фонетические (т. е. по созвучию);
- генетические (от общего к частному и наоборот, от вида к роду и наоборот);
- партитивные (по принципу часть-целое);
- клишированные (мастер золотые руки);
- личные.

Количество реакций в ассоциативном эксперименте обычно ограничивается одной или двумя. Методика и результаты отражены в Русском ассоциативном словаре под редакцией Ю. В. Караулова. Метод сопоставительного анализа данных, полученных в результате ассоциативного эксперимента, дает нам возможность проанализировать сходства, различия, изменения и тренды в языковом сознании определенной социальной или возрастной группы, а также позволяет судить об особенностях национального языкового сознания.

Сектор психолингвистики Института языкознания РАН провел множество исследований, описывающих национальные или групповые особенности концептуализации различных объектов действительности.

Н. В. Уфимцева так описывает феномен языкового сознания: «Языковое сознание как объект анализа позволяет уточнить представления об образах сознания, ассоциированных

с ... лексическими значениями, расширить наши знания о динамике развития значений слов в онтогенезе, сформировать более адекватное понимание процесса языкового общения» [15, с. 5]. Она полагает, что «через ассоциативный эксперимент и построение на его основе семантической сети усредненного носителя данной конкретной культуры можно выявить системность образа мира носителей той или иной культуры» [там же, с. 86].

Таким образом, проведение исследования, основанного на данных ассоциативного эксперимента, дает шанс получить новые сведения об интересующей нас понятийной категории и сопоставить их с приведенными выше данными лингвистического анализа.

Мы выбрали по два элемента доминант ФСП начала и завершенности события в английском и русском языках, которые относятся к разным этапам события, и провели анализ словарных статей в РАС (результаты представлены в табл. 3) и Visual Thesaurus (рис. 2, 3, 4, 5).

Таблица 3. Анализ словарных статей РАС [12]
Table 3. RAD Entry Analyses [12]

Стимул	Реакции	Статистика
Начинать (onset)	Сначала – 97, кончать – 42, дело – 32, с нуля – 23, заканчивать – 18, работу – 17, учиться – 12, работать – 11, снова – 9, урок – 9, заново – 8, рассказ – 8, делать – 7, жизнь – 7, читать – 7, думать – 6, кончить – 6, начало – 6, петь – 6, с себя – 6, учить – 6, все с начала – 5, игру – 4, писать – 4, с конца – 4, бегать – 3, все заново – 3, говорить – 3, действовать – 3, есть – 3, жить – 3, закончить – 3, конец – 3, продолжать – 3, смотреть – 3, бросать – 2, вновь – 2, занятие – 2, кончать – 2, новое – 2, песню – 2, поздно – 2, разговор – 2, трудно – 2, атака – 1, аукцион – 1, базар – 1, +117 одиночных реакций	Всего реакций на стимул: 531 ; различных реакций на стимул: 165 ; одиночных: 120
Становиться (nucleus)	Человеком – 63, взрослым – 31, лучше – 19, быть – 18, в ряд – 17, на ноги – 17, рядом – 13/11, в очередь – 10, в позу – 10, в строй – 9, встать – 9, на колени – 8, умным – 8, делаться – 7, стоять – 7, сильным – 6, врачом – 5, другом – 5, дураком – 5, кем-то – 5, ряд – 5, взрослеть – 4, взрослый – 4, героем – 4, на путь – 4, очередь – 4, старше – 4, большим – 3, взрослой – 3, встать – 3, идиотом – 3, стул – 3, быстро – 2, в угол – 2, в шеренгу – 2, взрослее – 2, выше – 2, глупым – 2, движение – 2, делать – 2, добрее – 2, другим – 2, другой – 2, зрелым – 2, изменение – 2, кем – 2, личность – 2, личностью – 2, ложиться – 2, матерью – 2, на стул – 2, на уши – 2, невыносимым – 2, нет – 2, плохим – 2, поза – 2, прямо – 2, путь – 2, равняться – 2, специалистом – 2, стать – 2, строй – 2, умный – 2, ученым – 2, учителем – 2, учитель – 2, учиться – 2, человек – 2, бедным – 1	всего реакций на стимул: 105 ; различных реакций на стимул: 70 ; одиночных реакций на стимул: 56
Бросать (nucleus)	Камень – 116, мяч – 47, курить – 34, камни – 28, кидать – 23, вызов – 18, в воду – 14, друга – 6, жену – 6, ловить – 6, палку – 6, далеко – 5, на ветер – 5, поднимать – 5/4, вверх – 4, все – 4, кинуть – 4, мусор – 4, на пол – 4, работу – 4, слова – 4, в яму – 3, взгляд – 3, дело – 3, семью – 3, где попало – 2, детей – 2, женщину – 2, камешки – 2, копье – 2, любимую – 2, мимо – 2, мужа – 2, одиночество – 2, окурок – 2, оружие – 2, перчатку – 2, плохо – 2, поднять – 2, поймать – 2, покидать – 2, сильно – 2, словами – 2, тень – 2, человека – 2, балкон – 1	всего реакций на стимул: 539 ; различных реакций: 182 ; одиночных: 136 .
Завершать (coda)	дело – 28, работу – 25, начинать – 4, работа – 4, учебу – 3, кончать – 2, начатое – 2/1, венец – 1, да – 1, действие – 1, делать – 1, доводить до конца – 1, доделывать – 1, желтый – 1, жить, как мы не жили – 1, завершающее движение – 1, задуманное – 1, заканчивать – 1, закончить – 1, занятие – 1, игру – 1, кое-что – 1, конспект – 1, кончить – 1, круг – 1, наконец-то – 1, начатая – 1, обряд – 1, полет – 1, половой акт – 1, поступки – 1, пятилетку – 1, расследование – 1, рисование – 1, строительство – 1, сборку – 1, удар – 1, урок – 1, цикл – 1	всего реакций на стимул: 101 ; различных реакций на стимул: 40 ; одиночных: 32 .

Begin



Рис. 2. Визуальная репрезентация
словарной статьи «Begin» [13]

Fig. 2. Visual Thesaurus Entry «Begin» [13]

Start

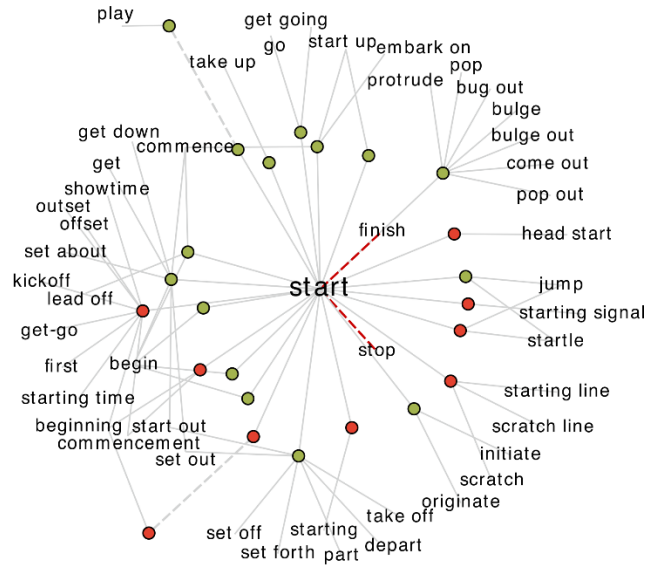


Рис. 3. Визуальная репрезентация
словарной статьи «Start» [13]

Fig. 3. Visual Thesaurus Entry «Start» [13]

Quit

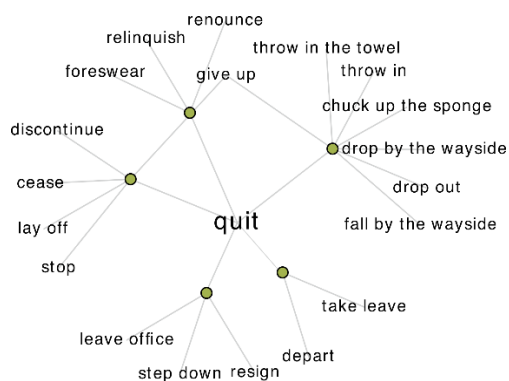


Рис. 4. Визуальная репрезентация
словарной статьи «Quit» [13]

Fig. 4. Visual Thesaurus Entry «Quit» [13]

Finish

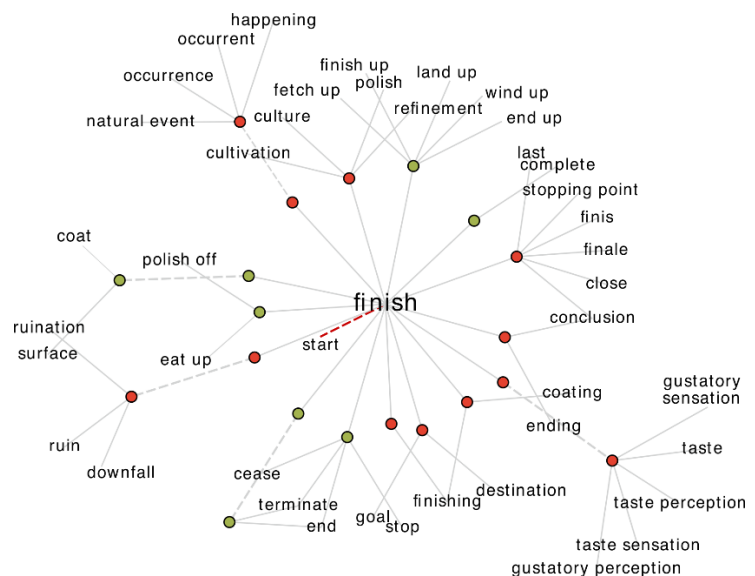


Рис. 5. Визуальная репрезентация
словарной статьи «Finish» [13]

Fig. 5. Visual Thesaurus Entry «Finish» [13]

Итак, какие же особенности восприятия начала зафиксированы в русском языковом сознании? Согласно данным РАС наши соотечественники чаще всего начинают сначала (97 реакций), т. е. прослеживается сдвиг значения от онсета к ядерной деятельности и обратно. Значение итерации, кругового движения, незавершенности – характерная особенность русского языкового сознания. Следующая ассоциация – антонимична, *кончатъ* (42), однако и здесь мы не видим нацеленности на результат, так как глагол *заканчивать*, имеющий в своей семантике элемент достижения результата, логического предела действия, собрал лишь 18 реакций. Об этой же особенности восприятия события, как некой не

нацеленной на результат деятельности, которая часто ограничивается онсетом или ядерной деятельности, но почти никогда не доходит до коды, говорят и другие частотные ассоциации: начать с нуля (23), снова (9), заново (9), все сначала (5), с конца (4).

Большое количество синтагматических ассоциаций: *начинать работу, дело, урок, рассказ, жизнь, игру* – свидетельствует о невысоком уровне абстрактного обобщения, а также не содержит указания на то, как будет это дело закончено, будет ли оно доведено до конца. Наконец есть ряд ассоциаций, где глагол *начинать* используется как аспектualизатор в сочетании с значимым глаголом: *начинать учиться, петь, думать, читать* и т. д., что подтверждает существование и продуктивность лексико-грамматической модели актуализации аспектualного значения в речи.

В английском языке, в силу особенностей организации тезауруса, мы не можем проследить за типами ассоциаций, так как видим уже графически обработанный результат. Однако можно сказать, что и здесь антонимичная ассоциация *end* находится близко к ядру ассоциативного поля. Надо подчеркнуть, что глаголы *end* и *begin* относятся к этапу ядерной деятельности, т. е. наличие этого антонима не указывает на необходимое присутствие коды в описываемом событии. *Beginning* – *начало*, как и в русском языковом сознании, не обязательно имеет логическое завершение, однако, как правило, стремится к нему, о чем свидетельствует целый ряд ассоциаций с семантическим компонентом «достижение»: *accomplish, achieve, attain, reach*. Общей для этого концепта является и ассоциация с голосом (*начинать есть, говорить*) – *mouth, verbalise, talk, speak*.

Еще один глагол-аспектуализатор в доминанте русского ФСП начала – *становиться* – вызывает практически сто процентов синтагматических ассоциаций с существительным, и ни одной с глаголом, что наводит на мысль, что аспектualная фраза *стал говорить* становится малоупотребимой. Носители русского языка чаще всего становятся человеком (63 реакции), взрослым (31), сильным, врачом, умным, героем, дураком или идиотом, они также становятся в ряд, в очередь, на путь, в строй и в позу. С этим стимулом мы видим нацеленность на результат, и событие, скорее всего, завершится кодой, однако насколько такой исход желателен, а также насколько для него требуется приложение усилий? Пассивное отношение к развитию события – еще одна черта концепта события в русском языковом сознании.

Теперь рассмотрим, как же воспринимается конец или завершение события носителями русского и английского языков. Мы выбрали два стимула из доминанты ФСП завершенности. Глагол *бросать* относится к ядерной деятельности и, как правило, указывает на то, что действие не получило логического завершения. Что же *бросают* наши соотечественники? Конечно, *камень* (16 реакций), *мяч, друга, деньги на ветер, жену, работу, семью, женщину, детей и пр.* Этот ряд синтагматических ассоциаций наводит на мысли о негативной коннотации, т. е. не доводить дело до конца и оставлять близких людей, хотя и характерно для нас, но не является положительной моделью поведения, зафиксированной в языковом сознании. В качестве аспектualизатора, в сочетании с значимым глаголом – *бросать курить, читать, говорить* – глагол приобретает нейтральное значение прерывания действия, либо окончательного его прекращения, но не завершения, так как результатом здесь является его отсутствие. Синонимичные однокоренные ассоциации – *покидать, кинуть* оставляют событие в рамках ядерной деятельности.

Английский глагол *quit* ассоциируется с ситуацией внезапного изменения внешних обстоятельств и обоснованной реакции на изменившуюся ситуацию: *уволиться, отступить, уйти с поста, бросить какое-либо занятие и пр.* Т. е., как и в случае с глаголом *бросать*, событие прекращается на этапе ядерной деятельности, однако, если в русской языковой картине мира заложена некоторая предрешенность, то в английской причиной незавершенности становится неожиданное событие.

Ну и наконец глагол *завершить* – вновь дает нам синтагматические ассоциации, указывающие на ситуативное внимание к стимулу и прямолинейность восприятия ситуации. *Завершают* обычно *дело* или *работу* (по 26 реакций), *рассказ, сессию, жизнь, отдых, образование, семестр*. И хотя события, описанные указанными ассоциациями, чрезвычайно разнообразны и ценностно неравнозначны, во всех этих случаях мы видим, что этот глагол ассоциируется с результатом, т. е. описываемое событие пришло к логическому пределу. То же значение мы видим и у английского глагола *finish*. Интересно, что визуальный тезаурус предлагает в качестве антонимической ассоциации глагол *start*, а не *begin*, вразрез с данными словарей синонимов. Можно предположить, что таким образом носители языка интуитивно расширяют границы события до максимально возможных – от онсета до коды, так как глагол *start*, как и глагол *finish* может обозначать два отрезка структуры события.

Заключение. Итак, выделив наиболее частотные элементы доминант ФСП начала события и ФСП завершенности в русском и английском языках мы использовали их в качестве стимулов, реакции на которые мы исследовали, основываясь на данных ассоциативных словарей. Таким образом, мы установили, что источником семантического своеобразие средств выражения начала и конца, составляющих указанные выше ФСП, могут быть не только различия в грамматической системе языка, но и культурно обусловленные несовпадения в объеме самих понятий. А значит, психолингвистические особенности восприятия концепта в национальном языковом сознании оказывают непосредственное влияние на выбор языкового средства при переводе.

Так, восприятие начала как задела для будущих достижений более характерно для английского языкового сознания, тогда как для русского языкового сознания этот концепт воспринимается как возможность многократного повторения начального этапа и не приближает нас к завершению. Прерывание же процесса ядерной деятельности воспринимается носителями русского языкового сознания как необратимая ситуация, расставание и негативное событие. В английском языковом сознании прерывание действия имеет нейтральный эмотивный компонент. Завершение содержит компонент достижения, результата в каждом из рассматриваемых языков: действие находится на этапе коды. Однако в русском языковом сознании и тут присутствует цикличность – *завершить круг, цикл*, и пр.

Таким образом, как это чаще всего бывает в современной науке, нельзя найти однозначный ответ на вопрос, что же определяет наше восприятие времени и влияет на выбор языковых средств выражения начала и конца. Мы полагаем, что и грамматическая система, и культурный код, и особенности языкового сознания в разной мере влияют на выбор носителем языка средств выражения начала и конца, а также на его восприятие события как элемента картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
2. Радченко О. А. Лингвофилософский неоромантизм Й. Л. Вайсгербера // *Вопр. языкознания*. 1993. № 2. С. 107–114.
3. Шабес В. Я. Событие и текст. М.: Высш. шк., 1989.
4. Comrie B. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1978.
5. Leech G. V. *Meaning of the English Verb*. London: Longman Group, 1971.
6. Вендлер З. О слове *good* // *Новое в зарубежной лингвистике* / ред. М. А. Оборина. М.: Прогресс, 1981. Т. 10. С. 531–557.
7. Freed A. F. *The Semantics of English Aspectual Complementation*. Dordrecht-Holland, Boston: Reidel Publish. Company.
8. Осинцева Т. Н. Категория «событие» в когнитивной лингвистике // *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общ-ва* / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред.: В. И. Томашпольский, А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2003. Т. 9. С. 40–47.
9. Осинцева Т. Н. Функционально-семантическое поле начала события в английском и русском языках: сопоставительный анализ аспектуальных средств: дис. ... канд. филол. наук / Уральский гос. пед. ун-т, Екатеринбург, 2002.
10. Осинцева Т. Н. Функционально-семантическое поле завершенности действия в английском и русском языках // *Материалы седьмой межвуз. науч.-практ. конф. с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»*, СПб., 17–18 апр. 2018 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 99–105.
11. Вакуленко С. В. Межъязыковая семантическая эквивалентность лексических единиц (на примере английских и русских глаголов зрительности): дис. ... канд. филол. наук / Ун-т дружбы народов им. Партиса Лумумбы. М., 1989.
12. Русский ассоциативный словарь / под. ред. Ю. В. Караулова. М.: РАН; АСТ, 2012. Т. 1–2. С. 1771.
13. Visual Thesaurus. URL: <https://www.visualthesaurus.com> (дата обращения: 08.06.2019).
14. Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики текста // *Человек – текст – культура* / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 17–20.
15. Уфимцева Н. В. *Языковое сознание: динамика и вариативность* М.; Калуга: Ин-т языкознания РАН. 2011.

Информация об авторе.

Осинцева Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук (2000), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского морского технического университета, ул. Лоцманская, д. 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: изучение особенностей формирования национального языкового сознания и национальной языковой картины мира, языковая репрезентация элементов ЯКМ и их сопоставительный анализ, взаимозависимость структуры концепта и структуры языка, функциональная грамматика и семантика. E-mail: veter.65@mail.ru

REFERENCES

1. Gumbol'dt, V. (1985), *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture], Progress, Moscow, USSR.
2. Radchenko, O.A. (1993), "Lingvophilosophical neo-romanticism of J. L. Weisgerber", *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of linguistics], no. 2. pp. 107–114.
3. Shabes, V.Ya. (1989), *Sobytie i tekst* [Event and text], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
4. Comrie, B. (1978), *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge Univ. Press, Cambridge, GBR.

5. Leech, G.V. (1971), *Meaning of the English Verb*, Longman Group, London, GBR.
6. Vendler, Z. (1981), "On the word good", in Oborina, M.A. (ed.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], Progress, Moscow, USSR, vol. 10, pp. 531–554.
7. Freed, A.F. (1979), *The Semantics of English Aspectual Complementation*, Reidel Publishing Company, Dordrecht-Holland, Boston, USA.
8. Osintseva, T.N. (2003), Category "event" in cognitive linguistics, in Tomashpol'skii, V.I and Chudinov, A.P. (ed.), *Lingvistika: Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva*, Ekaterinburg, Russia, vol. 9, pp. 40–47.
9. Osintseva, T.N. (2002), "Functional semantic field of the beginning of the event in the English and Russian languages: a comparative analysis of aspectual means", Can. of Philol. Sci. Thesis, Ural State Pedagogical Univ., Ekaterinburg, Russia.
10. Osintseva, T.N. (2018), "Functional-semantic field of the completeness of action in English and Russian languages", *Aktual'nye problemy yazykoznaniya* [Actual problems of linguistics], SPb., Russia, 17–18 apr. 2018, pp. 99–105.
11. Vakulenko, S.V. (1989), "Interlanguage semantic equivalence of lexical units (using the example of English and Russian verbs)", Can. of Philol. Sci. Thesis, Un-t druzhby narodov im. Partisa Lumumby, Moscow, USSR.
12. Karaulov, Yu.V. (ed.) (2012), *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian associative dictionary], RAN, AST, Moscow, Russia, vol. 1–2, pp. 1771.
13. Visual Thesaurus (2019), available at: <https://www.visualthesaurus.com> (accessed 08.06.2019).
14. Sakhar'nyi, L.V. (1994), "Man and text: two text grammars", in Kupina, N.A. and Matveeva, T.V. (ed.), *Chelovek – tekst – kul'tura* [Man – Text – Culture], IRRO, Ekaterinburg, Russia, pp. 17–20.
15. Ufimtseva, N.V. (2011), *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability], In-t yazykoznaniya RAN, Moscow, Kaluga, Russia.

Information about the author.

Tatiana N. Osintseva – Cand. Sci. (Philology) (2000), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, State Marine Technical University, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: the study of the peculiarities of the formation of the national language consciousness and the national language picture of the world, the language representation of the elements of the national language picture and their comparative analysis, the interdependence of the structure of the concept and structure of the language, functional grammar and functional semantics. E-mail: veter.65@mail.ru

Возможности конкретизации темпоральных существительных в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»

Е. С. Тихонова✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

Санкт-Петербург, Россия

✉middjungards@gmail.com

Введение. Рассматривается взаимодействие темпоральных существительных с уточняющими их определениями в языке средневерхненемецкого периода. Во введении освещаются исследования темпоральных показателей в немецком языке в синхронии и диахронии и их классификации. Отмечается слабая изученность сочетаемости обстоятельств времени с разного рода определениями. Исследование проводилось в рамках исторической прагматики, что позволяет в том числе выявить отношение адресанта к высказыванию.

Методология и источники. В качестве материала исследования служит «Старшая Ливонская Рифмованная хроника». Описываются происхождение, особенности и изучение данного текста в разных отраслях отечественной и зарубежной науки, а также различные точки зрения на поэтику этого произведения. Если рассматривать «Хронику» как сознательное подражание рыцарскому эпосу, то и употребление обстоятельств времени в ней также следует рассматривать с точки зрения поэтики рыцарского эпоса. Отмечается, что темпоральной организации данного текста в лингвистике уделялось мало внимания, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Результаты и обсуждения. Результаты исследования представляют собой примеры обстоятельств времени в «Хронике». Собранные примеры разделены на группы в зависимости от частеречной принадлежности определений, которые их конкретизируют и уточняют. Было выявлено, что такими определениями могут быть имена существительные и прилагательные, местоимения, наречия, числительные и придаточные предложения. Рассматриваются наиболее характерные примеры для каждой из групп. Обсуждение посвящено обобщению исследования и подведению итогов. Делается вывод о том, что темпоральным существительным за счет определяющих их лексем придается некое качество, которое несет основную смысловую нагрузку, а само темпоральное существительное в таких случаях отчасти десемантизируется. Проводятся параллели с употреблением темпоральных показателей в рыцарском эпосе.

Заключение. В заключении подчеркивается связь представлений о времени в «Хронике» со средневековым менталитетом.

Ключевые слова: средневерхненемецкий, «Старшая Ливонская Рифмованная хроника», Немецкий орден, обстоятельства времени, темпоральные существительные.

Для цитирования: Тихонова Е. С. Возможности конкретизации темпоральных существительных в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике» // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 128–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-128-137

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.06.2019; принята после рецензирования 01.07.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

Ways to Specify Temporal Nouns in the “Livonian Rhymed Chronicle”

Elena S. Tikhonova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University

St Petersburg, Russia

✉middjungards@gmail.com

Introduction. Introduction explores synchronic and diachronic researches of temporal nouns in German as well as their classifications. Combinations of time adverbials with attributes of different kind in the Middle High German period are studied insufficiently. The research was conducted in the field of historical pragmatics, which allows to specify the speaker's attitude to a statement.

Methodology and sources. Material for the research is the “Livonian Rhymed Chronicle”. Provenience, specifics and the study of this text in linguistics and historiography as well as different points of view on the text's poetics are considered. If the chronicle is considered as a conscious imitation of court epics, the functioning of its time adverbials is also to be considered from the court epic's poetics' point of view. Temporal organization of the Chronicle is not studied very well.

Results and discussion. Results of the research represent examples of temporal nouns in the Chronicle. Collected examples are divided into groups according to by what part of speech is an attribute represented: by nouns, adjectives, pronouns, adverbs, numerals and subordinate clauses. Most characteristic examples for each group are analyzed. Discussion is devoted to summarizing the investigation and reviewing the results. A conclusion is drawn that temporal nouns due to their attributes receive some quality that bears the main semantic charge, whereas the temporal noun itself is partly non-semantic. Parallels to the usage of time adverbials in court epics are drawn.

Conclusion. In the conclusion the connection between time presentation in the Chronicle and the medieval mentality is highlighted.

Key words: Middle High German, “Livonian Rhymed Chronicle”, Teutonic Order, time adverbials, temporal nouns.

For citation: Tikhonova E. S. Ways to Specify Temporal Nouns in the “Livonian Rhymed Chronicle”. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 128–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-128-137 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.06. 2019; adopted after review 01.07.2019; published online 25.10.2019

Введение. Цель настоящей статьи – изучение того, как в языке средневерхненемецкого (далее – свн.) периода обстоятельства времени взаимодействуют с различными определениями, позволяющими конкретизировать их семантику.

Проблемами обстоятельств времени в диахронии занимались такие исследователи, как В. Г. Адмони, К. П. Акулова, Е. А. Волкова, В. Т. Двинская, С. В. Котоянц, М. Краузе, Й. Викторович, Х. Бургер, Р. Люр, Э. Оксаар и др. Все эти авторы рассматривают и классифицируют обстоятельства времени с точки зрения их семантики и передаваемых ими темпоральных отношений. Основой для классификации может служить способ образования

обстоятельств [1], их функция в предложении [2], неподвижная или контекстуальная точка отсчета [3], [4].

При этом в исторических грамматиках немецкого языка (Адмони, 1963; Зиндер, Строева, 1968; Москальская, 2003; Oksaar, 1965; Mettke, 1983; Braune, 1987; Meinecke, 2001; Schwerdt, 2001; Sonderegger, 2003; Schrodtt, 2004; Paul, 2007) традиционно подробно освещаются вопросы возникновения, развития и употребления категории глагольного времени, а обстоятельствам времени, как правило, не уделяется достаточного внимания, в то время как именно взаимодействие разноуровневых средств служит максимально точной локализации действия во времени. Под действием в данной работе понимается, согласно определению Ю. С. Маслова, «любое явление, обозначенное с помощью глагольной формы (или глагольной формы и зависящих от нее слов)» [5, с. 307].

Методология и источники. Настоящее исследование проводилось в рамках исторической прагматики – раздела лингвистики, который изучает изменения в структуре языка, возникающие как результат изменения коммуникативных нужд и потребностей общества, причиной которых служили изменения в социальной структуре. Одной из задач исторической прагматики является, в том числе, освещение отношений между соответствующими лингвистическими знаками, между языковым знаком и его пользователем, между адресантом знака и его адресатом [6, с. 18]. Таким образом можно приблизиться к пониманию того, какова была пропозиция высказываний, принадлежащих другим эпохам и доступным нам лишь в виде письменных источников.

В данной статье анализ производился с опорой на классификацию обстоятельств времени современного немецкого языка, предложенную Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс, которая также может быть применена к материалу более ранних периодов. Согласно ей, темпоральные показатели могут уточнять: 1) время действия (т. е. отвечать на вопрос «когда?»); 2) длительность действия («как долго?»); 3) соотношение между действиями («до, после или одновременно?»); 4) кратность действия («как часто?») [7, с. 65].

Материалом исследования служит «Старшая Ливонская Рифмованная хроника» (далее – СРХ), которая описывает деятельность Немецкого ордена в Прибалтике с 1143 по 1290 г. Хроника состоит из 12 017 строк и составлена в конце XIII в. Ее язык определяют как средненемецкий диалект с примесью нижненемецкого [8, с. 35 и след.].

В отечественной науке данный текст в основном рассматривается как исторический источник [8]–[10]. Если в этих трудах и уделяется внимание языку СРХ, то в основном затрагивается вопрос о поэтическом таланте ее анонимного автора.

В западной научной традиции существует некоторое количество работ, посвященных целиком или освещающих отдельные аспекты языка СРХ [11], [12]. Так, уже один из первых исследователей СРХ, Р. Линдер, уделил языку СРХ отдельную главу своей диссертации [13]. В основном, однако, в этих работах также рассматриваются вопросы поэтики СРХ. Работы по собственно темпоральной организации текста хроники нам неизвестны, в то время как данная проблема представляется крайне актуальной.

Как неоднократно отмечалось, образцом для СРХ послужил так называемый рыцарский или книжный эпос (*höfisches Epos*, *Buchespos*). Среди исследователей нет единого мнения относительно того, был ли автор СРХ лишь неумелым подражателем [14, с. 201] или же, напротив, действовал в соответствии с поэтикой и в традиции данного жанра [12, с. 93]. В последнем случае данный текст следует рассматривать не с позиции дарования автора, а

с точки зрения формульной теории и «стиля формул». По нашему наблюдению, употребление обстоятельств времени в СРХ также в значительной мере обусловлено ее ориентацией на книжный эпос.

Результаты и обсуждения. В данном исследовании рассматриваются лексические показатели, содержащие темпоральные существительные, т. е. существительные, обозначающие естественные временные отрезки. В СРХ представлены следующие лексемы: *tac* «день» (118 примеров), *zît* «час, время» (88 примеров), *jâr* «год» (44 примера), *wîle* «отрезок времени» (41 пример), *nacht* «ночь» (33 примера), *morgen* «утро» (24 примеров), *winter* «зима» (16 примеров), *vrist* «срок» (13 примеров), *âbent* «вечер» (9 примеров), *sumer* «лето» (8 примеров), *woche* «неделя» (3 примера), *vaste* «пост» (3 примера), *mônât* «месяц» (2 примера), *suntac* «воскресенье» (2 примера), *ôstern* «Пасха» (2 примера), *herbest* «осень» (1 пример), *ôwest* «август» (1 пример), *nône* «нона» (1 пример), а также *stunt* «час». Последняя лексема в данной статье рассматриваться не будет ввиду того, что в подавляющем большинстве случаев она передает значение следования действия и является сильно десемантизированной.

Лексемам *tac* «день», *jâr* «год», *wîle* «отрезок времени», *woche* «неделя», *mônât* «месяц» в СРХ в большей степени свойственно уточнение длительности действия, лексемы *morgen* «утро», *vrist* «срок», *nacht* «ночь» уточняют длительность и время действия в равной степени, а прочие существительные в первую очередь уточняют время действия.

Как правило, темпоральные показатели действуют не в одиночку, но в совокупности, конкретизируя и дополняя друг друга. В качестве уточняющих лексем могут выступать определения при темпоральном существительном, выраженные различными частями речи.

В большинстве рассмотренных случаев в качестве подобных определений функционируют **имена существительные** в форме генитива в препозиции (например, *winters* «зимы», *genaden* «милости», *gotes hülfe* «Божьей помощи») или **прилагательные** (*kalt* «холодный», *liecht* «ясный», *neheste* «следующий» и др.).

Наличие определений в особенности свойственно таким лексемам, как *tac*, *zît*, *jâr*, *morgen*, *nacht* (1). Так, например, лексема *tac* лишь в 18 реализациях употребляется самостоятельно – в основном, когда она передает значение кратности (2) или в некоторых случаях, когда она является подлежащим или предикативом:

(1) *Iz was in grôzen hungers tagen.* (458) – Это было в дни сильного голода¹.

(2) *zû râte giengen sie alle tage // biz daz sie boten santen hin // zû Bremen abir* (584–86) – Они совещались каждый день, пока снова не отправили послов в Бремен.

Отдельно следует рассматривать два примера, в которых представлена мифологема *der jungeste tac* «Страшный суд»: технически, прилагательное *jungest* «последний» является определением, но в данном случае мы имеем дело с устойчивыми словосочетаниями:

(3) *al die kummentûre er bat, // daz sie dem brûdere hulpen sô, // daz sie des lônës wurden vrô // an deme jungesten tage.* (8838–41) – Он попросил всех комтуров, чтобы они так помогли братьям, чтобы те радовались вознаграждению в день Страшного суда.

Аналогично существительному *zît* за счет его непосредственного окружения регулярно придается какое-либо качество, причем подобное употребление этой лексемы прослеживается еще с предыдущего, древневерхненемецкого периода [16, s. 63]:

¹ Здесь и далее все цитаты из источника приводятся по изданию Л. Майера [15]. Цифры в круглых скобках после примера обозначают номера строк. Подстрочный перевод всех примеров выполнен автором статьи.

(4) *dâ was gotes hülfe zît: // ein dûtscher mûste geben strît // wol sechzic Rûzen, daz ist war* (7633–35) – Это был час Божьей помощи: один немец должен был давать бой, пожалуй, шестидесяти русским, это правда.

Необходимо отметить и два случая конкретизации существительного *nacht* «ночь» прилагательным *mitte* «средний» в значении «полночь». Ввиду неразработанности орфографии в свн. период, определение *mitte* при существительном могло писаться как слитно, так и раздельно. М. Лексер рассматривает его именно как прилагательное [17]. В обоих указанных случаях действие никогда не происходит ровно в полночь, но либо после, либо до нее. Как известно, лексема *nacht* сама по себе обладает негативными оценочными коннотациями: для Средних веков ночь – нечистое время, время сил зла, ночью закон не властен, а все действия неправомерны, с наступлением темноты вся жизнь останавливается [18, с. 96]. Для полуночи все сказанное правомерно в еще большей степени, она обозначает своего рода рубеж:

(5) *ê danne ez wurde mitte nacht, // Traniât quam mit sîner macht // geriten ûf der brûdere her.* (6927–29) – Прежде чем наступила полночь, Тройнат со своими людьми напал на войско братьев.

(6) *dâ ez quam nâch mitter nacht, // die heiden tâten dô ein werc, // sie branten selbe ir hachelwerc // um die rechte burc gar blôz.* (9574–77) – После полуночи язычники натворили дел: они сами дотла сожгли их укрепление вокруг правой крепости.

В качестве уточнителя при темпоральном существительном также могут выступать указательные, притяжательные и неопределенные **местоимения**, например, *selbe* «тот же», *manche* «некоторый», *andere* «другой», *sîn* «его, свой»:

(7) *der was in der selben vrist // hundert hin zû Rîge komen // zûr lantwer, als ir hât vernomen.* (9234–36) – В тот же срок к Риге их пришла сотня как ополчение, как вы слышали.

(8) *er was gewesen manchen tac // in Nieflande, daz ist wâr: // dâ von weste er den site gar.* (3170–72) – Он пробыл несколько дней в Ливонии, это правда: от этого он и знал [ее] обычаи.

В сочетании с предлогом *bie* и притяжательным местоимением *sîn* «свой» существительные *tac* и *zît* используются в значении «жизнь, время жизни»:

(9) *er was meister, hôrte ich sagen, // nûnzên jâr bie sînen tagen.* (1960–61) – Он пробыл магистром, как я слышал, 19 лет из своей жизни.

(10) *ir hât da alle wol verstân, // waz got genâden hât begân // bie sîner zît, des weiz man vil* (1963–65) – Вы все, пожалуй, поняли, какую милость Господь явил при его жизни (букв.: в его время), об этом известно многое.

Конкретизация темпорального существительного может осуществляться и с помощью **наречий**, например, *verre* «далеко», *vrû* «рано», *spâte* «поздно». Это характерно для таких существительных, как *tac* «день» и *morgen* «утро», особенно при устойчивых грамматикализованных генитивных конструкциях *des/eines tages* «этим/одним днем» и *des/eines morgens* «этим/одним утром». Подобные конструкции в свн. период находятся в процессе адвербиализации: так, в современном немецком языке они рассматриваются уже как наречия [19, с. 125]:

(11) *Diz triben sie verre ûf den tac.* (6213) – Этим они занимались целый день (букв.: далеко в день).

(12) *dô quâmen sie eines morgens vrû // mit irme here zû Gresen zû* (7241–42) – Тогда одним утром они прибыли со своим войском к Грезену.

В тех случаях, когда рассматриваемые темпоральные существительные употреблены в функции подлежащего или предикатива, а не в составе обстоятельства времени, они, как правило, распространяются с помощью **определительного придаточного предложения**:

(13) *dar nâch dô die zît was komen, // als ich vor wâr habe vernomen, // daz man solde ezzen, // nîchtes wart dâ vergezzen, // daz man zû êren haben sol* (3477–81) – Потом, когда пришло время, как я воистину слышал, в которое надо было есть, не было забыто ничего, что должно быть для славы.

Х. Бургер указывает, что распространение существительного *zît* с помощью придаточного предложения также встречалось уже в древневерхненемецкий период, в частности, у Отфрида, и было относительно устойчивым, идиоматическим оборотом, аутентичным для немецкого языка [16, s. 205]. В подобных случаях лексема *zît* открывает временное валентное место для действия, которое выражается с помощью придаточного предложения.

Как частный случай определений при темпоральных существительных следует рассматривать **числительные, обозначающие даты**. Подобные временные показатели обладают максимально возможной для СРХ степенью точности, а числительные при лексеме *jâr* «год» выступают как уточнитель темпорального существительного.

Поскольку мы имеем дело с рифмованной хроникой, а не с прозаической, точная датировка событий не является для нее обязательным условием. В СРХ присутствует упоминание всего трех дат: 1143, 1278 и 1290 г. По сути, это темпоральные показатели с постоянной точкой отсчета, принятой в нашей культуре: действие соотносится с событием «Рождество Христово» [20, с. 120]. В СРХ эта точка отсчета эксплицитно названа в каждом случае: кроме собственно числительного и существительного *jâr* «год», все эти даты включают формулу *von/nâch gotes geburt* «от Рождества Христова»:

(14) *diz geschach von gotes geburt tûsent und hundirt jâr // unt drî und vierzik, daz ist wâr.* (430–431) – Это произошло в 1143 г. от Рождества Христова, это правда.

Отдельную проблему составляет точность датировок в СРХ. Многие исследователи указывают, что хронология в СРХ ошибочна и/или претенциозна [21, p. 7], [22, s. 184], поскольку данный текст представляет собой панегирик Немецкому ордену и, в том числе, ради его прославления, дата основания Риги переносится на 25–30 лет в прошлое, а сроки правления некоторых магистров ордена удлиняются [23, с. 39].

В двух случаях уточнение длительности правления магистра содержит лексему *mônât* «месяц» в составе конструкции *X mânde mêre* «еще X месяцев», что увеличивает точность этого временного показателя:

(15) *meister Otte, daz ist wâr, // der hatte gerâten drie jâr, // sechs mânde mêre, // wol mit gûter lêre // in Nieflande bie siner zît.* (7953–57) – Магистр Отто – это правда – со знанием дела правил в Ливонии три года и еще шесть месяцев своей жизни.

Существительное *jâr* «год» также является важным постоянным **структурообразующим компонентом СРХ**, которую можно разделить на сегменты, характеризующие правление магистров Немецкого ордена. В общей сложности было выделено 38 сегментов объемом в среднем от 10 до 30 строк. В зависимости от того, вводится ли в таком сегменте новое действующее лицо или же описывается его смерть, могут быть использованы две разные модели.

Модель, содержащая сообщение о начале правления нового магистра, содержит темпоральные показатели, уточняющие время или следование действия (*dô* «тогда», *dar nâch* «потом», *in vil kurtzer stunt* «в очень скором времени») (1) и сказуемые (*ir*)*kiesen*, и (*ûz*)*irweln* «выбирать» (2), а первичная номинация нового действующего лица осуществляется с помощью глаголов *nennen* «называть» в пассиве и *hiezen* «зваться» (3):

(16) *dar nâch (1) man einen brûder kôs (2) // zû meistere uber Nieflant. // der site was im wol bekant, // des man in den landen pflac, // er was gewesen manchen tac // in Nieflande, daz ist wâr: // dâ von*

weste er den site gar. // brûder Andrês was er genant (3) // und was geboren von Stîrlant; // er was des lîbes gar ein helt. (3166–75) – Затем одного брата выбрали магистром Ливонии. Обычаи, принятые в той стране, были ему знакомы, он пробыл несколько лет в Ливонии, это правда: от этого он и знал обычаи. Его звали брат Андрес, и он родился в Штирии. Обликом он был настоящий герой.

Модель, характеризующая окончание правления магистра, содержит показатели длительности действия, как правило, с существительным *jâr* «год» и количественным числительным (1). В случае смерти магистра также часто сообщается о горе подчиненных с помощью лексем *clâgen* «жаловаться, оплакивать» и *unvrô sîn* «грустить, печалиться» (2). Сказуемые подобных предложений регулярно обладают семантикой «руководства»: это такие глаголы, как *râten* «руководить», *meister/houbet sîn* «быть магистром/главой» и сочетания глаголов с объектом (*daz lant*) *verstân* «управлять (страной)», (*daz ingesigel*) *trâgen* «носить печать» (3):

(17) Alsus nam meister Volkewîn // daz ende und ouch die brûdere sin. //er was meister (3), hôrte ich sagen, // nûnzên jâr bie sînen tagen (1). // ir hât da alle wol verstân, // waz got genâden hât begân // bie sîner zît, des weiz man vil, // dâ von ich nicht mê sprechen wil // von deme grôzen valle. // die Cristen wurden alle // dâ zû Nieflande unvrô (2). (1959–69) – Так погиб магистр Фольквин и его братья. Он пробыл магистром, как я слышал, 19 лет из своей жизни. Вы все, вероятно, поняли, какую милость Господь явил в его время, об этом много известно, я не хочу больше говорить об этом великом падении. Все христиане в Ливонии опечалились.

В подобных структурных единицах не столько указывается, в каком году произошло то или иное событие, но сколько оно продлилось, сколько времени прошло с предыдущего аналогичного действия, либо каково было это время. Характеристика личности и деятельности магистров также придает подобным сегментам некое качество. Так, в примере (16) брат Андрес описывается как «обликом настоящий герой» (*des lîbes gar ein helt*), знакомый с обычаями Ливонии (*dâ von weste er den site gar*), а в примере (17) о времени правления магистра Фольквина сообщается, что Господь явил свою милость при его правлении (*waz got genâden hât begân bie sîner zît*), т. е. в обоих случаях указанные периоды характеризуются исключительно положительно.

Для Средних веков также специфичен такой тип датировки, как **соотнесение с событиями литургического цикла** (Пасха, пост, день св. Маргариты). Они обладают меньшей точностью, чем даты, однако вполне успешно выполняли свою функцию, поскольку всем было известно, что именно стоит за этими обозначениями. Так, например, день св. Маргариты в следующем примере идентифицируется как 13 июля 1280 г. [21, p. 108]:

(18) ez was alsô gevallen, // daz sie quâmen sunder clage // an sente Margarêthen tage // vrôlîch in Duneschâr // mit zwein kocken, daz ist wâr. (8874–78) – Произошло так, что они без проблем в день св. Маргариты радостно прибыли в Дунешар на двух коггах, это правда.

Однако другие существительные этой семантической группы, такие как *ôstern* «Пасха», *vaste* «пост», *nône* «нона», а также лексема *ôwest* «август» не имеют при себе каких-либо определений:

(19) In deme ôwste diz geschah. // des nêhesten herbestes dar nâch // dô wart ein her kein Prûzen lant // von Lettowen gesant. (9667–70) – Это произошло в августе. Потом, в следующую осень, из Литвы было отправлено войско в Пруссию.

Темпоральным существительным за счет определяющих их лексем придается некое качество, которое и несет основную смысловую нагрузку, в отличие от самого темпорального существительного. В подобных случаях данные лексемы можно считать отчасти десемантизированными: сема «естественный отрезок времени» у них не актуализируется или актуализируется

в меньшей степени. В особенности это заметно в случае с такими определениями, как *bôse* «тяжелый», *vil lieber* «очень хороший», *grôzen hungers* «(дни) великого голода», *bescheiden* «решенный», *gotes hulfe* «(время) Божьей помощи», *genaden* «милости», *Adâmes* «(со времен) Адама». Определения могут быть выражены не только с помощью имен существительных и прилагательных, но также и местоимений, наречий и числительных.

Из того факта, что темпоральные существительные в значительной доле своих реализаций функционируют не сами по себе, но как обладающие определенным качеством, можно сделать вывод, что важно не точное время, и не точная локализация действия во времени, но каково это время, каково качество времени. Кроме того, большинство обстоятельств времени в СРХ не дают точного указания на время действия (даты в тексте СРХ крайне редки), а показатели длительности действия носят довольно неопределенный характер (так, одним из самых частотных является неопределенное местоимение *manche* в аккумулятиве в единственном или во множественном числе: *manchen tac/manche tage* «несколько/много дней»). Для рыцарского эпоса и романа также было характерно отсутствие точных темпоральных показателей и показателей с неподвижной точкой отсчета, а также предпочтительное соотнесение действия с контекстуальной точкой отсчета. Разного рода качественные определения несут при этом основную смысловую нагрузку.

Заключение. Для временной организации текста СРХ релевантно не только взаимодействие лексических и грамматических темпоральных средств, но и в значительной мере взаимодействие лексических показателей времени с разного рода определениями – уточнителями темпоральных существительных, которые сообщают последним некое качество. Это вполне согласуется с тем, что для средневекового менталитета не может быть «времени вообще», и время всегда качественно: «время – не пустая длительность, но наполненность некоторым конкретным содержанием, всякий раз специфическим, определенным» [18, с. 87]. Таким образом, с точки зрения прагматики текста, СРХ – типичный средневековый текст, автор которого проецирует свое отношение ко времени как к некоей наполненности событиями определенного качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Наречие и его соотношение с однокорневым прилагательным // Историко-типологическая морфология германских языков: Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия / под ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1978. С. 66–91.
2. Котоянц С. В. Обстоятельства места и времени в локально-временной детерминированности художественного текста (жанр рассказа): автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 1983.
3. Wiktorowicz J. Die Temporaladverbien in der mittelhochdeutschen Zeit. Warszawa: Biesaga, 1999.
4. Krause M. Binnenstruktur temporaler Nominalgruppen im Akkusativ und Genitiv // Zur Geschichte der Nominalgruppe im älteren Deutsch: Fs. für Paul Valentin; Akten des Pariser Kolloquiums März 1999 / Hrsg. von Y. Desportes. Heidelberg: Winter Verlag, 2000. S. 71–97.
5. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / ред. А. В. Бондарко и др. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–364.
6. Баева Г. А. Историческая прагмалингвистика как особое направление в изучении языков // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г. А. Баева. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 2012. С. 7–19.
7. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
8. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М.: Индрик, 2002.

9. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. М.: Троица, 2009.
10. Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
11. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens (Gießener Beiträge zur deutschen Philologie 94). Gießen, 1951.
12. Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Feistner E., Neecke M., Vollmann-Profe G. Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung. Tübingen: Max Niemeyer, 2007.
13. Linder R. Zur Älteren Livländischen Reimchronik. Leipzig, 1891.
14. Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука, 1966. С. 169–240.
15. Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973.
16. Burger H. Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen. Berlin, NY: De Gruyter, 1972.
17. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Mit einer Einl. von Kurt Gärtner // Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund, 1992. 3 Bde. URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=mitte> (дата обращения: 03.05.2019).
18. Гуревич А. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
19. Москальская О. И. История немецкого языка. М.: Академия, 2003.
20. Ивин А. А. Логические теории времени // Вopr. философии. 1969. № 3. С. 117–126.
21. Smith J. C., Urban W. L. The Livonian Rhymed Chronicle / ed. by J. R. Krueger. Bloomington: Indiana Univ. Publications, 1977. (Uralic and Altaic ser.; vol. 128).
22. Tarvel E. Livländische Chroniken des 13. Jahrhunderts als Quelle für die Geschichte des Schwertbrüderordens und Livlands // Werkstatt des Historikers der mittelalterlichen Ritterorden. Quellenkundliche Probleme und Forschungsmethoden / Hrsg. von Z. H. Nowak. Toruń, 1987. S. 175–184.
23. Назарова Е. Л. Дата основания Риги в контексте истории крестовых походов // Балто-славянские исследования. XV. М., 2002. С. 29–41.

Информация об авторе.

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор свыше 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкого языка, историческая прагматика, исторический синтаксис, немецкая диалектология. E-mail: middjungards@gmail.com

REFERENCES

1. Admoni, V.G. (1978), Adverb and its Relation to the Single-rooted Adjective [Narechie i ego sootnoshenie s odnokornevym prilagatel'ny'm], *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov: Imennye formy glagola. Kategoriya narechiya. Monofleksiya* [Historical-typological Morphology of Germanic Languages: None-Finite Verb Forms. Category of Adverb. Monoflexion], Moscow, USSR, pp. 66–91.
2. Kotoyants, S.V. (1983), "Time and Space Adverbials in Spatial-Temporal Determinacy of a Literary Text (Novel Genre)" [Obstoyatel'stva mesta i vremeni v lokal'no-vremennoi determinirovannosti khudozhestvennogo teksta (zhanr rasskaza)], *Can. of Philol. Sci. Thesis*, Moscow, USSR.
3. Wiktorowicz, J. (1999), *Die Temporaladverbien in der mittelhochdeutschen Zeit*, Warszawa, Pol.
4. Krause, M. (2000), "Binnenstruktur temporaler Nominalgruppen im Akkusativ und Genitiv", *Zur Geschichte der Nominalgruppe im älteren Deutsch: Fs. für Paul Valentin; Akten des Pariser Kolloquiums März 1999* / Hrsg. von Y. Desportes, Heidelberg, DEU, S. 71–97.

5. Maslov, Yu.S. (2004), "On the Basis of Comparative Aspectology", *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selecta: Aspectology. General Linguistics], in Bondarko, A.V. (ed.), Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 305–364.
6. Baeva, G.A. (2012), "Historical Pragmalinguistics as a Special Direction in Language Studying", *Ocherki po istoricheskoi pragmatike germanskikh yazykov* [Essays on Historical Pragmatics of Germanic Languages], St. Petersburg State Univ., SPb., Russia, pp. 7–19.
7. Gulyga, E.V. and Shendel's, E.I. (1969), *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke* [Grammatical-Lexical Fields in Modern German Language], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
8. Matuzova, V.I. and Nazarova, E.L. (2002), *Krestonostsy i Rus'. Konets XII v. – 1270 g.* [Crusaders and Rus'. From the Late XIIth Century to 1270], Indrik, Moscow, Russia.
9. Arbuzov, L.A. (2009), *Ocherk istorii Lifyandii, Estlyandii i Kurlyandii* [An Essay on Livland's, Estland's and Kurland's History], Moscow, Russia.
10. Pashuto, V.T. (1959), *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [Genesis of the Lithuanian State], Moscow, USSR.
11. Helm K., Ziesemer, W., (1951), "Die Literatur des Deutschen Ritterordens", *Gießener Beiträge zur deutschen Philologie*, 94, Gießen, DEU.
12. Neecke, M. (2007), "Das 13. Jahrhundert", in Feistner, E., Neecke, M. and Vollmann-Profe, G. (ed.); *Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung*, Max Niemeyer, Tübingen, DEU.
13. Linder, R. (1891), *Zur Älteren Livländischen Reimchronik*, Leipzig, DEU.
14. Begunov, Yu.K., Kleinenberg, I.E. and Shaskol'skii, I.P. (1966), "Written Sources about the Battle on the Ice", *Ledovoe poboishche 1242 g. Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha* [Battle on the Ice 1242. Works of the Complex Expedition on Specifying the Place of the Battle on the Ice], Nauka, Moscow – Leningrad, USSR, pp. 169–240.
15. Meyer, L. (1973), *Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar*, Ferdinand Schöningh, Paderborn, DEU.
16. Burger, H. (1972), *Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen*, De Gruyter, Berlin, New York, DEU, USA.
17. Lexer, M. (1992), "Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Mit einer Einl. von Kurt Gärtner", *Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund*, available at <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemma=mitte> (accessed 03.05.2019).
18. Gurevich, A. (2007), "Categories of Medieval Culture", *Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir* [Selecta. Medieval World], St. Petersburg State Univ., SPb., Russia.
19. Moskal'skaya, O.I. (2003), *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of German Language], Akademiya, Moscow, Russia.
20. Ivin, A.A. (1969), "Logical Theories of Time", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 3, pp. 117–126.
21. Smith, J.C. and Urban, W.L. (1977), *The Livonian Rhymed Chronicle*, Uralic and Altaic ser., vol. 128, Indiana Univ. Publications, Bloomington, USA.
22. Tarvel, E. (1987), "Livländische Chroniken des 13. Jahrhunderts als Quelle für die Geschichte des Schwertbrüderordens und Livlands", [Werkstatt des Historikers der mittelalterlichen Ritterorden. Quellenkundliche Probleme und Forschungsmethoden], in Nowak, Z.H. (ed.), Toruń, POL, S. 175–184.
23. Nazarova, E.L. (2002), "Riga's Foundation Date in the Context of Crusades' History", *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Balto-Slavic Studies], no. XV, pp. 29–41.

Information about the author.

Elena S. Tikhonova – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: history of German language, historical pragmatics, historical syntaxis, German dialectology. E-mail: middjungards@gmail.com

От пословиц до современных СМИ. Формирование идентичности народа посредством образования языковых стереотипов соседей

И. Яцевич✉

Варшавский университет

Варшава, Польша

✉i.jacewicz@uw.edu.pl

Введение. Рассматривается феномен языка как маркера идентичности народа, который формируется посредством построения границ и описания отношений, прежде всего между соседями. Целью работы является анализ форм высказывания журналистов в СМИ.

Методология и источники. Исследованы материалы из главного выпуска «Новостей» первого канала польского телевидения, касающиеся двух соседей поляков, т. е. немцев и русских. Собранный материал охватывает собой период с 16 ноября 2015 г. (со дня инаугурации нового польского правительства, у которого совсем другой подход к иностранным делам Польши, чем у его предшественников) по 31 декабря 2016 г. Описанные на базе собранного материала стереотипы немца и русского в современной Польше сравниваются со стереотипами этих двух народов, хорошо знакомыми полякам по пословицам (использованы толковые словари польского языка, а также словари пословиц и поговорок). Теоретической основой для представленных в статье рассуждений послужил лингвистический анализ текста, социально-психолого-лингвистические основы образования авто- и гетеростереотипов, массмедийный дискурс и его воздействие на адресатов.

Результаты и обсуждение. В польских толковых словарях, а также словарях пословиц и поговорок было найдено 38 пословиц о русских и 107 – о немцах. Проанализировано, сколько из них называют положительные, а сколько отрицательные черты характера русских и немцев. Что касается русских, положительные черты характера можно найти лишь в 6 из 38 пословиц (15,7 %). Положительных пословиц о немцах в польских источниках 18 из 107 (16,8 %). Указанные количества пословиц показывают, что поляки от поколения к поколению передают негативный образ своих соседей. На основе собранного материала из «Новостей» первого канала также составлены образы русских и немцев. За рассматриваемый период не появилось ни одной положительной информации о России и русских. Что касается немцев, то здесь также преобладает негативный образ, и, если говорить о положительных явлениях, они никогда не остаются без комментария, который содержит предостережение.

Заключение. Гетеростереотипы играют активную роль в формировании образа мышления современников и, можно полагать, представителей следующих поколений, так как народная мудрость и исторический опыт передаются от поколения к поколению в каждой стране. Гетеростереотипы часто сами становятся реальностью, наследуются и приобретают новые символические значения и актуализируются в зависимости от политической ситуации. Сравнение гетеростереотипов русского и немца в польских пословицах, наистарейшие из которых были найдены в словаре, изданном в 1830 г., с современными гетеростереотипами из главного выпуска «Новостей» доказывает, что описание феномена стереотипов в каждую новую историческую эпоху является важной научной проблемой.

© Яцевич И., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Ключевые слова: языковой стереотип; массмедийный дискурс; пословицы, автостереотип, гетеростереотип, лингвистический анализ текста.

Для цитирования: Яцевич И. От пословиц до современных СМИ. Формирование идентичности народа посредством образования языковых стереотипов соседей // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 138–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-138-149

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.06.2019; принята после рецензирования 02.07.2019; опубликована онлайн 25.10.2019

From the Proverbs to Modern Media. Formation of People Identity Through Education of Language Stereotypes of Neighbors

Iwona Jacewicz✉

*University of Warsaw
Warsaw, Poland*

✉i.jacewicz@uw.edu.pl

Introduction. The paper deals with the phenomenon of language as a marker of people's identity, which is formed by building boundaries and describing relationships, primarily between neighbors. The aim of the research work is to analyze the forms of expression of journalists in the media.

Methodology and sources. The report examines materials from the main release of the News of the first Polish television channel, concerning the two neighbors of the Poles, that is, the Germans and Russians. The collected material covers the period of November 16, 2015, that is, from the day of the inauguration of the new Polish government (which has a completely different approach to Poland's foreign affairs than its predecessors) until December 31, 2016. Created and described on the basis of the collected material stereotypes of German and Russian in modern Poland will be compared with the stereotypes of these two peoples, familiar to Poles by proverbs, which were found in the explanatory dictionaries of the Polish language, as well as in other dictionaries of proverbs and sayings. The linguistic analysis of the text, the socio-psychological-linguistic foundations of the formation of auto-and heterostereotypes, mass-media discourse and its impact on recipients were used as the theoretical basis for the arguments presented in the paper.

Results and discussion. In Polish dictionaries, and dictionaries of Proverbs and sayings it was found 38 Proverbs Russian Proverbs and 107 of the Germans. It was analyzed how many of them are positive and how many negative traits of Russians and Germans. As for the Russian, positive traits can be found in only 6 of 38 Proverbs (15.7 percent). There are 18 positive of 107 sayings about Germans in Polish sources (16.8 percent). Specified number of Proverbs shows that the poles hand down from generation to generation a negative image of their neighbors. On the basis of material collected from "News" channel images of Russians and Germans were made up as well. During the period under review, any positive information about Russia and Russian has not appeared. As for the Germans, it is also dominated by a negative image, and, if to speak about positive things, they are never left without comment, which contains a warning.

Conclusion. Heterostereotypes play an active role in fostering the way of thinking of contemporaries and, one can assume, representatives of the next generations, since popular wisdom and historical experience are passed on from generation to generation in each country. Heterostereotypes often become reality themselves, are inherited and acquire

new symbolic meanings, and are updated depending on the political situation. A comparison of the heterostereotypes of Russian and German in Polish proverbs, the oldest of which were found in a dictionary published in 1830, with modern heterostereotypes from the main release of "News" proves that the description of the phenomenon of stereotypes in each new historical era is an important scientific problem.

Key words: language stereotype, mass media discourse, proverbs, autostereotype, heterostereotype, linguistic analysis of the text.

For citation: Jacewicz I. From the Proverbs to Modern Media. Formation of People Identity Through Education of Language Stereotypes of Neighbors. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 4, pp. 138–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-138-149

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.06. 2019; adopted after review 01.07.2019; published online 25.10.2019

Введение. Человек, пытаясь понять окружающий его многообразный и загадочный мир, всегда возвышал то, что относится к собственному, знакомому, и отрицал чужое, неведомое. Хотя развитие массовой коммуникации, благодаря СМИ и Интернету, позволило усилить международные контакты и, казалось бы, лучше познакомиться с соседями, оказывается, что основой для создания образа другого по сегодняшний день служат передаваемые от поколения к поколению стереотипы.

В статье предпринята попытка рассмотреть тексты пословиц и телевизионных выпусков новостей как маркеры идентичности народа, формирующейся посредством описания отношений, прежде всего между соседями.

Целью работы является сравнение образа соседей поляков – немцев и русских, зафиксированного в пословицах, с их современным образом, создаваемым в журналистских текстах в СМИ. Этот анализ позволит определить: а) как современные СМИ описывают соседние народы, влияя на создание их определенного образа в глазах своих зрителей? б) в какой степени создаваемый стереотип является новым в сравнении с тем, который знаком народу по пословицам?

Исследованы материалы из главного выпуска «Новостей» первого канала польского телевидения, касающиеся немцев и русских, за период с 16 ноября 2015 г. (т. е. со дня инаугурации нового польского правительства, у которого совсем другой подход к иностранным делам Польши, чем у его предшественников) по 31 декабря 2016 г. Созданные и описанные на базе собранного материала гетеростереотипы немца и русского в современной Польше будут сравниваться с гетеростереотипами этих двух народов, хорошо знакомыми полякам по пословицам, заключенным в толковых словарях польского языка, а также в словарях пословиц и поговорок.

Теоретической основой для представленных в статье рассуждений послужили лингвистический анализ текста, социально-психолого-лингвистические основы образования авто- и гетеростереотипов, массмедийный дискурс и его воздействие на адресатов.

Методология и источники.

1. Понятие стереотипа, автостереотипа и гетеростереотипа.

В разговорной речи под термином «*стереотип*» понимается предубеждение и негативное мнение о людях [1, р. 63], принятые мнения о других, передаваемые от поколения к

поколению [2, р. 22], а также нечто упрощающее действительность или фальсифицирующее образ действительности [3, р. 7].

Термин «стереотип» из разговорной речи в научную, точнее говоря, в социальную психологию и социологию, ввел американский журналист и политик У. Липпман в работе «Общественное мнение» («Public Opinion») [4]. У. Липпман подразумевал под понятием стереотипа «образы в наших головах» («pictures in our heads»), относящиеся к какому-то социальному явлению, образы односторонние, частичные, схематические [5, р. 63]. По мнению У. Липпмана, люди реагируют на сложность окружающего их мира при помощи стереотипов, т. е. структур, позволяющих человеку упорядочить информацию о мире [6, р. 31].

В области лингвистики первым научным сочинением на тему стереотипов была работа У. Квастхофф [7], которая уточнила дефиницию У. Липпмана, сказав, что стереотип может быть вербальным понятием. Ее дефиниция послужила основой для лингвистических исследований стереотипов. Для лингвистов главным является, однако, то, что стереотипы непосредственно связаны с языком, который, в свою очередь, опирается на категоризацию и повторение, без которых коммуникация не была бы вообще возможной [8].

Говоря о стереотипах, необходимо обратить внимание на то, что у людей интерес к другим возникал не только в ситуации конфликта, недовольствия или угрозы, но и в ежедневных контактах. Этот интерес вызван не только различиями, существующими между группами, но прежде всего необходимостью отличить свою ингруппу от чужой аутгруппы, а также необходимостью четкого определения черт ингруппы, которые отличали бы ее от всех остальных аутгрупп. Характерно для этих социальных явлений то, что они базируются на сопоставлении «свой–чужой», что ведет к ассоциации ингруппы с добром, а аутгруппы со злом [9]. Такого типа суждения собираются поколениями, и они передаются другим поколениям при помощи стереотипов, получивших в социологии и социальной психологии название авто- и гетеростереотипов.

Под понятием «автостереотипов» мы будем понимать стереотипы, касающиеся контактной группы, т. е. ингруппы, в то время как *гетеростереотипы* – это стереотипы, касающиеся других групп, т. е. аутгрупп [3, р. 37]. Аутгруппа, которую мы оцениваем ниже чем собственную (ингруппу), исполняет роль козла отпущения, что позволяет разрядить напряжение в ингруппе и редуцирует ощущение собственного несовершенства [3, р. 148, 156].

Таблица. Отношения к ин- и аутгруппе, указывающих на «синдром этноцентризма»*

Table. Relationship to the in- and out-group, folding on the syndrome of ethnocentrism

Отношение к ингруппе	Отношение к аутгруппе
Считаем себя высшими, благородными	Считаем других низшими, неморальными, заслуживающими презрения
Считаем свои принципы универсальными для всех	–
Считаем себя сильными	Считаем других слабыми
–	Ощущаем к другим большую социальную дистанцию
–	Испытываем ненависть к другим
–	Используем представителей аутгруппы в качестве плохого примера
–	Возлагаем вину на аутгруппу за собственные проблемы
–	Испытываем недоверие и страх перед аутгруппой

* См. [3, р. 160].

Исследования этих явлений начались в 1920-е гг. в США, и они позволили прийти к выводу, что все ингруппы считают собственные черты в большей степени положительными,

чем аутгруппы. Это явление непосредственно связано с термином этноцентризма, введенного У. Г. Самнером, который собрал двадцать три способа поведения относительно ин- и аутгруппы. Из них нас особо интересуют десять, имеющих непосредственную связь с чертами, отраженными в собранном нами языковом материале. Эти десять способов поведения, указывающих на «синдром этноцентризма», мы представляем в вышеприведенной таблице.

2. Характеристика источников языковых данных.

Материалом исследования послужили польские пословицы (поляки о немцах и русских) и материалы из главного выпуска «Новостей» первого канала польского телевидения.

Собранный материал охватывает период с 16 ноября 2015 г. (со дня инаугурации нового польского правительства, у которого совсем другой подход к иностранным делам Польши, чем у его предшественников) по 31 декабря 2016 г. Концепция внешней политики Польши утверждена польским правительством на период с 2017 по 2021 г. [10]. В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических интересов Польши внешнеполитическая деятельность государства направлена на выполнение следующих основных задач:

- укрепление обороноспособности восточного фланга НАТО;
- сотрудничество с США в области безопасности;
- Вышеградская группа;
- прагматические отношения с Россией;
- поддержка независимости и территориальной целостности Украины;
- дружеские отношения между Польшей и Германией;
- миграционный кризис.

Вышеуказанные цели внешней политики Польши находят свое отражение в СМИ [10].

Пословицы как один из источников языковых данных.

Под *пословицами* мы будем понимать устойчивые сочетания слов, представляющие собой клише (от *фр.* *cliché*; так называют металлическую или деревянную печатную форму с рельефным рисунком, служащую для воспроизведения иллюстраций [11, с. 591]). Как эти формы, так и пословицы употребляются механически в более или менее неизменном виде, фигурируя как в устной, так и в письменной речи многих поколений [12, с. 11]. Пословицы – это «...краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение» [13, с. 11].

Для представления образа немцев и русских в глазах поляков мы выбрали как одни из источников именно пословицы, так как они подтверждают закрепление некоторых черт народа в языке, в языковом образе мира². Как правило, это не самые важные черты характера или поведения, которые являются типичными для всех объектов данного класса, но лишь присущие объектам, считающимся репрезентативными. Эти организованные в группы и упорядоченные черты составляют языково-культурные образы явлений и людей, которые мы как раз называем стереотипами. Собранные нами пословицы иллюстрируют свод народной мудрости как своего рода судебник, составленный прошлыми поколениями, и обогащают, благодаря зафиксированному в них знанию, языковой образ мира. Лингвисты,

² Под языковым образом мира мы понимаем «...зафиксированную в языке интерпретацию действительности, которую можно представить в форме множества суждений о мире. Эти суждения могут быть зафиксированы в системе языка, грамматических формах, лексике, клишированных текстах (например в пословицах)...» [14, р. 104].

исследующие языковые стереотипы, ссылаются первоначально на словари, потому что зафиксированное в них знание о мире является в наивысшей степени автоматизированным. Как уже было сказано, польские пословицы о немцах и русских почерпнуты из толковых словарей польского языка, а также из словарей пословиц и поговорок. Пословицы о немцах были найдены в девяти словарях, а пословицы о русских в десяти [15].

Материалы из главного выпуска «Новостей» как источник языковых данных.

Помимо словарей, источником собранных нами языковых данных были материалы из главного выпуска «Новостей» первого канала польского телевидения (с 16 ноября 2015 г. по 31 декабря 2016 г.).

Главный выпуск «Новостей» («Wiadomości») первого канала польского государственного телевидения, который выходит в эфир ежедневно в 19.30 – это одна из самых популярных информационных программ наряду с программой «Факты» («Fakty») частного канала TVN, который принадлежит американцам, и программы «События» («Wydarzenia») частного польского канала Polsat. Мы выбрали программу «Новости», потому что она государственная.

Анализируя результаты проведенного в 2016 г. и в первом квартале 2017 г. мониторингового исследования ТВ-аудитории главных выпусков информационных программ в Польше, следует отметить, что программу «Новости» в 2016 г. в среднем смотрели 22,28 % телезрителей из целевой аудитории (медиопоказатель SHR³ [15]), в то время как в первом квартале 2017 г. их в среднем было 19,77 % [16]. Что касается рейтинга AMR⁴ [15], в 2016 г. «Новости» собрали перед телевизорами в среднем 3 448 053 зрителей, а в первом квартале 2017 г. – 3 084 608 [там же].

Результаты и обсуждение.

Образ немца и русского в польских пословицах и в главном выпуске «Новостей» польского телевидения.

В польских толковых словарях, а также словарях пословиц и поговорок было найдено 38 пословиц о русских и 107 – о немцах. В связи со стереотипизацией образа двух соседей поляков, нас заинтересовало, сколько из них называют положительные, а сколько отрицательные черты характера русских и немцев. Итак, что касается русских, положительные черты характера восточного соседа поляков можно найти лишь в 6 из 38 пословиц, т. е. в 15,7 % из них. Положительных пословиц о немцах в польских источниках 18 из 107, т. е. в 16,8 %. Из этого следует, что поляки от поколения к поколению передают негативный образ своих соседей.

Если присмотреться подробнее к конкретным чертам характера русских и немцев, о которых говорится в польских пословицах, восточного и западного соседа поляков можно охарактеризовать следующим образом:

– **русские** – в *положительном* плане: как поляки, умные после неудачи; хорошо рассказывают; кто их обманет, будет умен; твердые. Примеры: «Как лях, так и русин умны после неудачи, пусть они не смеются друг над другом» [17]; «Кто русского обманет, будет умен» [18]–[21];

² SHR – share (доля телепросмотра) – часть зрителей из целевой аудитории, которая присутствует на определенном канале.

³ AMR – Average Minute Rating – средний рейтинг одной минуты.

– *в отрицательном плане*: дьяволы; иноверные; глупые; хвастуны; ненадежные; мстительные; неточные; упрямые; обманчивые; любят беспорядок; их надо наказывать. Примеры: «Когда поляк голодный – свистит, а русский – жену бьет» [19]; «Даже Бог с русскими» [там же].

– **немцы** – *в положительном плане*: аккуратные; торговцы; богатые; они тоже люди; хорошо бьются; добросовестные. Примеры: «Лучше с немцем, чем с глупым мудрецом» [19]; «Ищешь добросовестного человека, иди к немцу – это настоящая аптека» [там же];

– *в отрицательном плане*: с ними надо бороться; мы их всегда победим; инакомыслящие; собаки; другие чем поляки; все сделают за деньги; малосильные; наивные; им никогда нельзя доверять; у них непонятный язык; эксплуататоры; лукавые; могут везде жить; зазнаются, но боятся поляков; дьяволы/братья дьявола; всегда против поляков; им нельзя доверять; никогда не будут нашими братьями; плохие зятья; обогащаются за наш счет; приходят к нам бедными, уходят богатыми; Бог их создал, так как рассердился на поляков. Примеры: «У немцев даже муха не поест» [19], [21], [22]; «Пока свет стоит, не будет немец братом поляка» [23], [19], [24], [21].

Главный выпуск «Новостей» первого канала польского государственного телевидения выходит в эфир ежедневно в 19.30. Необходимо отметить, что информация как о Германии, так и о России появляется в «Новостях» почти каждый день, а бывает так, что их несколько в одном выпуске.

С 6 ноября 2015 по 31 января 2016 г. вышло в эфир 235 новостей о России и 179 – о Германии. Главные темы, связанные с Россией:

- безопасность Польши – 17,87 %;
- русская интервенция и ситуация в Сирии – 16,59 %;
- авиакатастрофа польского самолета под Смоленском – 12,76 %;
- Украина и Крым – 10,63 %;
- газ – 5,10 %;
- история (годовщины Второй мировой войны, советские памятники в Польше) – 5,10 %;
- польско-русские отношения – 3,82 %;
- политическая и экономическая ситуация в России – 2,55 %;
- сотрудничество России с Германией – 2,55 %;
- спорт в России (допинг) – 2,55 %;
- санкции против России – 2,12 %;
- политические убийства в России – 2,12 %;
- выборы в России – 1,70 %;
- русская пропаганда – 1,27 %;
- президент Путин – 1,27 %.

Анализ материалов, полученных нами из главного выпуска «Новостей» первого канала польского телевидения (причем мы сосредоточили внимание лишь на комментариях польских журналистов и экспертов, а также на информации как таковой, не учитывая комментарии иностранцев) позволяет составить следующий образ русских:

– русские все агрессивнее (02.03.2016), они оккупанты на Украине, аннексировали Крым, и Путин не отступит (1.01.2016);

– Путин назвал врагов России – это США и все их сторонники, которые против аннексии Крыма (01.01.2016);

– новый газопровод, который Россия строит вместе с Германией, Nord Stream 2, соединит эти две страны и заодно пройдет мимо польской территории (13.08.2016) – это угрожает энергетической безопасности Польши и других стран региона (11.01.2016). Путин ведет газовые игры, угрожая нам, что остановит транзит газа. Такие игры при помощи газа – это хорошо оправданное оружие на Востоке (25.11.2015, 07.01.2016);

– русские по сегодняшний день не хотят отдать нам остова нашего самолета (27.11.2015), что следует назвать захватом польской собственности – это пазлы Путина, так как Россия никогда ничего не делает даром. Главный принцип русской дипломатии: свой и чужой (22.01.2016). Русские не заботятся о месте крушения нашего самолета (05.04.2016), члены семей погибших в авиакатастрофе под Смоленском не верят в точность проведенного русскими вскрытия трупов жертв авиакатастрофы, они не верят русским (21.06.2016);

– русские пытаются постоянно дестабилизировать ситуацию на Украине (11.08.2016) и пугают ее при помощи своего оружия (11.08.2016);

– русская армия напрягает мускулы (13.08.2016) – это ответ на укрепление восточного фланга НАТО. Самая большая угроза для Польши постоянно находится на Востоке (19.01.2016), Россия пытается пугать нас своим оружием (5.03.2016), потому что русские не понимают современного мира, не понимают, что у каждой страны есть право на защиту своей безопасности (13.05.2016). Исторический опыт стран восточной Европы показывает, что Россия всегда представляла и представляет собой угрозу, даже если этого – в данный момент – не видно, нельзя об этом забывать и надо этому противодействовать (11.07.2016). Для русского менталитета характерно то, что Россия всегда чувствует себя в некоторой степени поставленной под угрозу и так оправдывает свою политику, которая является экспансионистской (14.07.2016);

– Россия возвращается в великую игру благодаря своей интервенции в Сирии. Путин всегда был хорошим игроком, который знает свои сильные и слабые стороны (19.11.2015);

– русских и немцев соединяет борьба с терроризмом (26.11.2015);

– Польша не является партнером для России, русская политика по отношению к Польше не существует, это политика обхода Польши, но Польша мешает России в достижении важных для нее целей (22.01.2016);

– цель России – это расширение ее сферы влияния в Восточной Европе и торможение процесса демократизации в тех странах, которые хотят сотрудничать с Западом (29.01.2016);

– в эпоху Путина для русских историческая правда о Катыни не имеет никакого значения, главное – держава, – все равно, реальная ли она, или нет (06.03.2016). Историческая правда важна и сегодня, потому что только она может служить почвой для примирения (03.04.2016).

Подытоживая, следует сказать, что в «Новостях» за названный период не появилась ни одна положительная информация о России и русских.

Если говорить о немцах, больше всего места в «Новостях» было отведено следующим темам:

– беженцы – 21,78 %;

– польско-немецкие отношения – 16,20 %;

– Польша – Германия – Евросоюз – 13,40 %;

– теракты – 6,70 %;

- безопасность – 6,14 %;
- история (Вторая мировая война) – 5,58 %;
- газ (Nord Stream 2) – 5,02 %;
- выборы в Германии – 3,35 %;
- немецко-турецкие отношения – 3,35 %;
- русско-немецкое сотрудничество – 2,23 %.

Анализ материалов, полученных нами из главного выпуска «Новостей» первого канала польского телевидения (причем мы сосредоточили наше внимание лишь на комментариях польских журналистов и экспертов, а также на информации как таковой, не учитывая комментариев иностранцев) позволяет составить следующий образ немцев:

– все больше немцев против политики «открытых дверей» канцлера Ангелы Меркель (28.07.2016), так как они боятся беженцев (13.08.2016). У немцев большая проблема, они решили пустить беженцев на свою территорию, а сейчас не знают, что с ними делать (19.08.2016). Немецкая миграционная политика – это эгоистическая политика этой страны во имя нужд собственной экономики (03.03.2016). Немцы – наш главный и самый важный политический и экономический партнер в Евросоюзе (05.09.2016), но мы не согласны с тем, что они, в связи с миграционным кризисом, хотят поделить с нами ответственность за него (16.09.2016). Что касается беженцев, Меркель не может рассчитывать на Варшаву (27.11.2016);

– немцы и поляки – партнеры, мы вместе доказали, что возможно преодоление сложного прошлого и недоверия в пользу партнерства, а даже дружбы. Однако нам необходимо работать над этими достижениями каждый день (26.11.2016). У Польши и Германии хорошие отношения, но Польша видит в них для себя роль равноценного партнера (16.05.2016);

– немцы привыкли вести доминирующую политику, и они таким образом ведут себя по отношению к странам Восточной Европы (15.02.2016). Меркель как императрица Европы (17.02.2016) пытается навязать миграционную политику другим странам, но с этим мы не согласны (18.02.2016);

– немцы сотрудничают с русскими, хотят строить вместе газопровод Nord Stream 2, т. е. «энергетический пакт Молотова–Риббентропа». В связи с этим некоторые немецкие политики высказываются даже против санкций против России (06.10.2016). Такая политика очень опасна для Польши (25.07.2016);

– в немецких руках находится более 70 % польских СМИ. Немцы используют эту ситуацию для собственных целей и влияют на образование общественного мнения в Польше (20.10.2016);

– немецкие СМИ критикуют политическую ситуацию в Польше и сравнивают ее с режимом Путина (10.01.2016), они называют Польшу диким Востоком (05.04.2016);

– немцы против укрепления восточного фланга НАТО (19.01.2016), так как они не хотят раздражать Москву (28.01.2016);

– у немцев в последнее время появились проблемы с тем, кто во время Второй мировой войны был преступником, а кто же жертвой. Они показывают неправду в своих фильмах (например, «Наши матери, наши отцы»). У немцев политика, задачей которой является попытка переложить ответственность на плечи поляков (18.07.2016).

Собранный материал показывает, что в «Новостях» преобладает негативный образ немцев; если говорить о положительных явлениях, они никогда не остаются без комментария, который содержит предостережение.

Заключение. Результаты проведенного нами анализа стереотипа русского и немца в польских пословицах и главном выпуске «Новостей» первого канала польского телевидения позволяют сделать вывод, что гетеростереотипы играют активную роль в формировании образа мышления современников и, можно полагать, представителей следующих поколений, так как народная мудрость и исторический опыт передаются от поколения к поколению в каждой стране. Собранные нами гетеростереотипы, как все стереотипы, обладают исключительной силой убеждения, благодаря удобству и легкости их восприятия. Хотя всем известно, что представления о других отнюдь не всегда полностью совпадают с объективной реальностью. Гетеростереотипы часто сами становятся реальностью, они наследуются, приобретают новые символические значения и актуализируются в зависимости от политической ситуации.

Сравнение гетеростереотипов русского и немца в польских пословицах с современными гетеростереотипами из главного выпуска «Новостей» доказывает, что описание феномена стереотипов в каждую новую историческую эпоху является важной научной проблемой. Словари в этом случае исполняют роль хранителя народной мудрости, в то время как СМИ являются отнюдь не пассивным созерцателем, а скорее отражателем общественных настроений.

Мы хотим закончить эту статью вопросом, над которым, как нам кажется, следовало бы задуматься, говоря об отношениях Польши, Германии и России: надо ли рассматривать «обогащение» отношений многовековым историческим наследием как бремя или как мудрость?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bartmiński J. Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu matki // Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / J. Anusiewicz, J. Bartmiński (ed.), Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998. P. 63–81.
2. Garncarek P. Świat języka polskiego oczami cudzoziemców, Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1997.
3. Kurcz I. Zmienność i nieuchronność stereotypów. Studium na temat roli stereotypów w reprezentacji umysłowej świata społecznego, Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, 1994.
4. Lippmann W. Public Opinion, New York: Horcourt, Brace and Company, 1922.
5. Grygo J. Stereotypy językowe nazw ludzi w polszczyźnie potocznej // Zeszyty Językoznawcze UMCS. Lublin, 1980. P. 52–70.
6. Kurcz I. Stereotypy, prototypy i procesy kategoryzacji // Stereotypy i uprzedzenia / ed. Z. Chlewiński, I. Kurcz; In-t Psychologii PAN, Kolokwia Psychologiczne. Warszawa, 1992. P. 29–44.
7. Quasthoff U. M. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Frankfurt am Main: Athenäum, 1973.
8. Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe // Współczesny język polski, Wrocław: Wiedza o kulturze, 1993. P. 363–387.
9. Społeczno-psychologiczne podstawy powstawania stereotypów / D. M. Mackie, D. L. Hamilton, J. Susskin, R. Rosselli // Stereotypy i uprzedzenia / C. N. Macrae, Ch. Stangor, M. Hewston (ed.), Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 1999. P. 39–65.
10. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Rzeczypospolita Polska. Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/priorytety_polityki_zagr_2017_2021 (дата обращения: 26.05.2019).
11. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1.
12. Пермяков Г. Л. Классификация пословичных изречений. Трансформация пословиц // Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979.

13. Жуков В. П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1997. С. 6–8.
14. Bartmiński J. Językowy obraz świata, Lublin: Wydawnictwo Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 1999.
15. TVP. Słownik TV. URL: <https://www.brtvp.pl/16615065/slownik-tv> (дата обращения: 26.05.2017).
16. Wirtualne media. „Teleexpress” i „Wiadomości” straciły najwięcej widzów, „Wydarzenia” i „Fakty” najmniej Czytaj więcej. URL: <http://www.wirtualnemedial.pl/artykul/ogladalnosc-programow-informacyjnych-2017-rok-teleexpress-fakty-i-wiadomosci> (дата обращения: 26.05.2017).
17. Świrko S. Na wszystko jest przysłowie. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1985.
18. Zdanowicz A. end al. Słownik języka polskiego, Wilno: Orgelbrand M., 1861.
19. Bystron J. S. Przysłowia polskie / Polska Akademia Umiejętności. Kraków, 1933.
20. Linde S. B. Słownik języka polskiego. Warszawa: PIW, 1951.
21. Kolberg O. Przysłowia. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1977.
22. Radłowski Z., Wojtczak J. Jak narody widzą siebie nawzajem: o Polakach w Europie. Warszawa: Wydaw. Nauk. Semper, 1994.
23. Wójcicki K. W. Przysłowia narodowe. Warszawa: Hugues et Kermen, 1830.
24. Krzyżanowski J. Mądrej głowie dość dwie słowie. T. 1: Trzy centurie przysłów polskich. Warszawa: PIW, 1960.

Информация об авторе.

Ивона Яцевич – кандидат филологических наук (2010), доцент факультета Прикладной лингвистики Института специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета, ул. Штурмова, 4, 02-678, Варшава, Польша. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, терминология, специальные тексты, теория и практика устного и письменного перевода. E-mail: i.jacewicz@uw.edu.pl

REFERENCES

1. Bartmiński, J. (1998), "Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu matki", in J. Anusiewicz, J. Bartmiński (ed.), [Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne], Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, Wrocław, POL, pp. 63–81.
2. Garncarek, P. (1997), *Świat języka polskiego oczami cudzoziemców*, Wydawnictwo DiG, Warszawa, POL.
3. Kurcz, I. (1994), *Zmienność i nieuchronność stereotypów. Studium na temat roli stereotypów w reprezentacji umysłowej świata społecznego*, Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, Warszawa, POL.
4. Lippmann, W. (1922), *Public Opinion*, Horcourt, Brace and Company, NY, USA.
5. Grygo, J. (1980), "Stereotypy językowe nazw ludzi w polszczyźnie potocznej" [Zeszyty Językoznawcze], Lublin, UMCS, POL, pp. 52–70.
6. Kurcz, I. (1992), "Stereotypy, prototypy i procesy kategoryzacji", in Chlewiński, Z. and Kurcz, I. (ed.), [Stereotypy i uprzedzenia], Instytut Psychologii PAN, Kolokwia Psychologiczne, Warszawa, POL, pp. 29–44.
7. Quasthoff, U.M. (1973), *Soziales Vorurteil und Kommunikation*, Athenäum, Frankfurt am Main, DEU.
8. Bartmiński, J. and Panasiuk, J. (1993), "Stereotypy językowe" [Współczesny język polski], Wiedza o kulturze, Wrocław, POL, pp. 363–387.
9. Mackie, D.M., Hamilton, D.L., Susskin, J. and Rosselli, R. (1999), "Społeczno-psychologiczne podstawy powstawania stereotypów", in Macrae, C.N., Stangor, Ch. and Hewston, M. (ed.) [Stereotypy i uprzedzenia], Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk, POL, pp. 39–65.
10. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Rzeczypospolita Polska (2017), "Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej", available at: http://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/priorytety_polityki_zagr_2017_2021 (accessed 26.05.2019).
11. Prokhorov, A.M. (1991), *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Big Encyclopedic Dictionary], vol. 1, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

12. Permyakov, G.L. (1979), "Classification of proverbial sayings. Proverb Transformation", *Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka. Sistemizirovannoe sobranie izrechenii dvukhsot narodov* [Proverbs and sayings of the peoples of the East. Systematic collection of sayings of two hundred nations], Nauka, Moscow, USSR.
13. Zhukov, V.P. (1997), "The art of words in proverbs and sayings", *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings], Russkii yazyk, Moscow, Russia, pp. 6–8.
14. Bartmiński, J. (1999), *Językowy obraz świata*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, POL.
15. TVP (2017), Słownik TV, available at: <https://www.brtvp.pl/16615065/sloownik-tv> (accessed 26.05.2019).
16. Wirtualne media (2017), „Teleexpress” i „Wiadomości” straciły najwięcej widzów, „Wydarzenia” i „Fakty” najmniej Czytaj więcej, available at: <http://www.wirtualnemedial.pl/artukul/ogladalnosc-programow-informacyjnych-2017-rok-teleexpress-fakty-i-wiadomosci> (accessed 26.05.2019).
17. Świrko, S. (1985), *Na wszystko jest przysłowie*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań, POL.
18. Zdanowicz, A. end al. (1861), *Słownik języka polskiego*, Orgelbrand M., Wilno, POL.
19. Bystroń, J.S. (1933), *Przysłowia polskie*, Polska Akademia Umiejętności, Kraków, POL.
20. Linde, S.B. (1951), *Słownik języka polskiego*, PIW, Warszawa, POL.
21. Kolberg, O. (1977), *Przysłowia*, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, Warszawa, POL.
22. Radłowski, Z. and Wojtczak, J. (1994), *Jak narody widzą siebie nawzajem: o Polakach w Europie*, Wydaw. Nauk. Semper, Warszawa, POL.
23. Wójcicki, K.W. (1830), *Przysłowia narodowe*, Hugues et Kermen, Warszawa, POL.
24. Krzyżanowski, J. (1960), *Mądrej głowie dość dwie słowie. T. 1 – Trzy centurie przysłów polskich*, PIW, Warszawa, POL.

Information about the author.

Iwona Jacewicz – Can. Sci. (Philology) (2010), Associate Professor at the Faculty of Applied Linguistics Institute of Specialised and Intercultural Communication, University of Warsaw, 4 ul. Szturmowa, 02-678 Warsaw, Poland. The author of 15 scientific publications. Areas of expertise: text linguistics, terminology, special texts, theory and practice of interpretation and translation. E-mail: i.jacewicz@uw.edu.pl

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;
 - отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);
- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;
 - текст статьи;
 - приложения (при наличии);
 - список литературы (библиографический список);
 - авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References).
- авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например, «Обзор литературы» и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка: содержат фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru

Редакторы: *Н. Ю. Меньшенина, О. Р. Крумина,
Н. В. Кузнецова, О. Н. Артунян*
Выпускающий редактор *Н. Ю. Меньшенина*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *N. Yu. Men'shenina, O. R. Krumina,
N. V. Kuznetsova, O. N. Artunian*
Publishing Editor *N. Yu. Men'shenina*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 20.09.19. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 12,48. Печ. л. 12,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 120.

Signed to print 20.09.19 Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 17.42 Conventional printed sheets 16.75. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 120

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5 Тел. / факс: +7(812)-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., building 5J, St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7(812) 346-28-56